

Мэри Метлицкая

— Проза разных лет —

Чёрно-белая
жизнь

Негромкие люди Марии Метлицкой. Рассказы разных лет

Мария Метлицкая
Черно-белая жизнь

«ЭКСМО»

2021

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Метлицкая М.

Черно-белая жизнь / М. Метлицкая — «Эксмо»,
2021 — (Негромкие люди Марии Метлицкой. Рассказы разных лет)

ISBN 978-5-04-155271-8

Можно ли быть абсолютно счастливым человеком? Наверное, нет, потому что даже в минуты острого счастья понимаешь: оно не вечно. Да, жизнь похожа на зебру: черная полоса сменяется белой. Важно помнить, что ничто не вечно: неприятности и удачи, радости и разочарования. Но есть то, что всегда будет с нами: любовь близких, тепло дома, радость общения. И ради этого стоит жить.

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-155271-8

© Метлицкая М., 2021
© Эксмо, 2021

Содержание

И все мы будем счастливы	6
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Мария Метлицкая

Черно-белая жизнь

© Метлицкая М., 2021

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

И все мы будем счастливы

Зал прибытия пахнул на Киру тревогой и беспокойством – она вздрогнула и растерянно огляделась. Нет, все вроде как обычно и как везде: чисто – и это надо признать. Она отлично помнила, как выглядел аэропорт, когда они улетали. Сейчас все вполне цивилизно – бесплатные тележки для багажа, магазинчики известных марок с горящими надписями «Дьюти фри». Там, как и везде, царило оживление – прилетевшие спешно докупали подарки и сувениры.

Прибывший из дальних и не очень стран народ был спокоен, уверен в себе и очень прилично одет – куда лучше, чем в странах Европы. Тогда почему? Почему опять эта мерзкая внутренняя дрожь, испуг, холодок, легкий озноб и даже страх? Почему беспокойство, смятение? «Господи, да бред! – успокаивала она себя. – Просто бред воспаленного мозга. Здесь наверняка все спокойно. Вон сколько милиции!» И тут же вспомнила, что теперь и *они* стали полицией.

Вещи на ленту, кстати, тоже доставили быстро. «Как в цивилизованных странах», – усмехнулась она.

Тогда, сто лет назад, она улетаала отсюда с надеждой. Нет, даже не так – почти с уверенностью. С уверенностью, что их жизнь переменится, повернется на сто восемьдесят градусов. Иначе – зачем? Зачем все эти усилия, нечеловеческие страдания, измученная и больная совесть? Зачем? Она улетаала, чтобы у ее мужа, ее Мишки, все наконец сложилось. Не думала о себе – что там она? У нее все, в конце концов, не слишком сладко, но почти как у всех. Она как-нибудь, с божьей помощью проживет, приладится, свыкнется. Перетерпит. Как это умеет женщина. А вот он – нет. Не перетерпит. Потому, что не осталось сил терпеть. Да и улетаали не в Антарктиду же они и не на Северный полюс, не в пустыню Сахару и не на Эверест. В Европу, в благословенную старую как мир матушку Европу. Любезный Старый Свет, между прочим!

Она помнила этот день, день отъезда. Точнее – вспомнила потом, через несколько лет, сильно напрягши память. Потому что тогда, в тот день, она почти ничего не запомнила – сквозь пелену слез, сквозь свой страх, сквозь нескончаемую свою тоску... Да и слава богу, что не запомнила! Слава богу, что услужливая и щадящая память «обнародовала» это потом, спустя много лет, когда уже чуть отпустило. Кира долго и тщательно восстанавливала все по минутам: три чемодана, набитых вещами. Три новеньких чемодана, остро пахнувших искусственной кожей. Как долго потом этот запах не выветривался. Коробки с книгами – их выклянчивали с черного входа гастронома, в продаже их не было. Ничего тогда не было, ничего. Все доставали с боем, с трудом невероятным. Как Мишка боялся, что эти коробки, перетянутые мохнатой ворсистой веревкой, с уже разъехавшимися углами и просвечивающими сквозь них корешками, развалятся. Еще Мишкин портфель с документами – старый, облезлый, когда-то рыжий, а теперь бурый, любимый Мишкин портфель. Как она умоляла его с ним расстаться! Говорила, что брать его в новую жизнь неприлично. Но нет, не уговорила. В портфель были уложены стопочкой аттестаты, дипломы, трудовые книжки. Мишка, при всей своей растерянности и безалаберности, к документам относился уважительно. Тоненькая пачечка фотографий – самых дорогих, тщательно отобранных: родители, Мишкина дочка, они с Мишкой. Последних совсем немного – как-то нечасто случалось им фотографироваться. Потом, спустя годы, когда Мишки не стало, совместные фото она убрала. Далеко. Захочешь – и не достать. Впрочем, ей не хотелось. Точнее – она боялась. Боялась увидеть себя счастливой.

* * *

Так вот, день отъезда и Мишкин уродец портфель, и в нем обменные накануне деньги – валюта. Ничтожно, до смешного мало. А им казалось – богатство! Какими же дураками они были тогда! Впрочем, ими и остались. Что поделать – наивная советская интеллигенция, вызывающая у кого-то пренебрежение, у кого-то – жалость, а у кого-то и смех. Неумехи, топчущиеся по жизни, словно малые дети. Нищие, стеснительные, донельзя скромные, не умеющие жить – доставать, копить, завязывать нужные знакомства. Ничего не умеющие – только сладостно почитать книжки, перелицовывать костюмы и юбки, вязать дурацкие толстые свитера, балдеть от отварной картошки с тощей и сухой иваси, танцевать под заезженную пластинку. Торопиться на свою идиотскую службу, приносящую унижительную копеечную зарплату – жалованье, если изволите! Караулить лишний билетик – конечно, на галерке, а где же еще?

И при этом – ни на что не жаловаться, ни-ни! И еще одна глупость – умение быть самыми счастливыми, самыми довольными, самыми непритязательными. Чудеса!

Нет, конечно, довольны они были далеко не всем. Власть презирали, посмеивались над ней. Ворчали на крошечных, прокуренных кухнях, передавали друг другу перепечатанный Самиздат, копили на привезенные *оттуда* пластинки: блюз или джаз – то, что отсутствовало тогда на прилавках.

Но пуританства, конечно, уж не было – женщины мечтали об импортной туши для глаз, о хороших духах, о нервущихся колготках, об импортных кофточках или юбках. Мечтали. Но как-то довольно легко с отсутствием всего этого великолепия справлялись – шили, вязали, красили, перекраивали. И упрямо считали себя счастливыми. Молодость.

Они не были борцами с режимом. И возмутителями спокойствия тоже. А вот легкими диссидентами – да. «Кухонными», как говорил Кирин муж.

Тогда уже муж! А до этого он был любовник. «У меня есть любовник», – с замиранием сердца, с каким-то священным ужасом повторяла она про себя. И холодела. Любовник! Нет, это слишком – любимый! Так приличнее, что ли? Спокойнее на душе. Хотя о каком покое тогда шла речь? Не было никакого покоя. И счастья, увы, тоже не было. Сплошная печаль и тоска, тысячу раз перемноженные на муки совести. Она так, между прочим, была дамой замужней. Встречались они раз в неделю – ужасно редко, кошмарно редко особенно в первое время.

Он был не просто ее мужчиной, не просто родным, близким и абсолютно понятным, *ее* человеком. Он для нее был всем – воздухом, водой, хлебом. Жизнью.

Раннее и скоропалительное замужество оказалось дурацким мероприятием, обреченным на предсказуемый провал. Нет, не было в той истории сволочей, негодяев, подонков. Были просто чужие. Те, без кого можно вполне обойтись. Ее муж, ее несчастный и ни в чем не повинный муж, был человеком хорошим. Приличным, порядочным, честным. О таких говорят – повезло. Повезло, что они попались на вашем пути. Кира понимала, но поделать ничего не могла, как ни старалась. А ведь вначале старалась, и очень! Но нет, не получалось. Не получалось любить. Муж оставался соседом, приятным и ненавязчивым, полудругом или близким родственником – точно что-то из этой категории. Они вместе ужинали, смотрели телевизор, читали перед сном. А потом Кира надолго уходила в ванную – пряталась и переживала, когда муж уснет. Иногда получалось. А иногда...

Нет, женщина может все пережить. И это – в том числе. Закроешь глаза, стиснешь зубы, отвернешься. Но господи, господи! В эти минуты она себя ненавидела. И его, кстати, тоже. Но в чем он виноват? Он – точно нет. А вот Мишка... Он был виноват – ведь он должен решиться, правда? Решиться и взять ее за руку. И увести. Если любит.

Но о самом главном они с Мишкой не говорили еще года два с того времени, как случился их бурный роман. Наверное, ему было страшно. Их страхи были похожи.

Вот, например, ей было страшно не изменить свою жизнь, а обидеть своих – ни в чем не повинного обманутого мужа и замечательную свекровь. А больше страхов не было. Хотя нет, понимала: родители тоже осудят и ее не поймут.

Мишка говорил, что не уходит из семьи по той же причине – из жалости и чувства вины. Ситуации, конечно, несравнимые – у него был ребенок, четырехлетняя дочка Катюша.

Кира уже тогда была с ней знакома. Пару раз в воскресенье поутру они ходили в «Баррикады» на мультики. Кира заранее ехала на Пресню и покупала три билета – разумеется, рядом. У входа Катюшу отвлекали мороженым, и Кира потихоньку отдавала Мишке билеты. Сиделись рядом, и он брал ее за руку. Сорок минут под бодрую или грустную прекрасную музыку из «Ну, погоди!» они просто держались за руки. И после этого можно было снова прожить пару дней.

Как-то поставили «спектакль» – как бы случайно встретились у чугунных ворот зоопарка.

– Кира Константиновна, моя дорогая! Катька, познакомься – Кира Константиновна, мы вместе работаем!

Девочка равнодушно бросила на незнакомую тетеньку короткий взгляд и дернула за руку отца:

– Пап, ну хватит! Пойдем!

– Да, да, – кивал ответственный папаша. – А вы, Кира? Может, с нами?

И коллега милостиво, хоть и со вздохом, соглашалась.

Шли рядом, а когда девочка отвлекалась, тут же жадно и коротко сплетали руки в замок – господи, как электрический разряд, как вспышка молнии были эти тактильные ощущения. Голь на выдумки хитра – выкручивались как могли.

Мишка женился рано – через два года после школы, едва отслужив армию.

С Ниной, первой женой, познакомились случайно, в метро. Он рассказывал, что та понравилась ему своей чистотой и наивностью – в столицу приехала недавно, тяжело зарабатывала на хлеб на парфюмерной фабрике «Новая заря», и от нее сладко пахло духами. Сначала ему нравилась эта «душистость». А потом – раздражала.

К тому же верная Нина два года его ждала. Да не просто ждала и писала – моталась к нему в часть. Черт-те куда, между прочим, – шестьсот верст от Москвы.

После Мишкиного возвращения они спешно поженились – Нина забеременела. Он признавался – уже тогда не любил. Смотрел на нее как на чужую. А смыться было неловко – она ведь ждала. Жалко ее было до слез, до дурноты. Вот и женился, как порядочный человек. Правда, несчастливы были оба – обнаружилось это почти сразу. И оба молчали, не признавались в этом даже самим себе. Но уже была Катька – куда деваться? Мишка томился, но и жалел жену. Он говорил, что наивно думал тогда: «Ну так, значит, так. Стерпится – слюбится. Живут же люди и без огромной любви, в конце концов». Нина хороший человек и мать его дочери. И их он не может предать. Как женщина она давно его не интересовала. Да и говорить им было не о чем. Так, из бытового, из общесемейного – пеленки, распашонки, молочная кухня, врачи, дочкин первый зубик, первый шагок. А может, достаточно?

Были, конечно, легкие и необременительные, короткие связи. Но чтобы уйти? Нет, такие мысли в голову не приходили. Но появилась Кира. И их накрыло. Он говорил потом, что сначала ничего не понял – ну, какая-то женщина, вполне симпатичная, кто же спорит? Короткая встреча, случайная компания, куча народу. Да, милая женщина. Только несчастная – это не то чтобы бросалось в глаза, но он углядел.

Она обалдела:

– Да неужели?

Он подтвердил:

– Да, я сразу понял.

Это Киру потрясло. Ей казалось, что в тот вечер она замечательно выглядела. Новая, только из парикмахерской, прическа – модная короткая стрижка, недавно появившаяся в Москве, – называлась она по фамилии парикмахера «сассон» или «сэссон», все путали. Новое платье – роскошное, модное, английское тончайшее джерси, за черт-те какие деньги. А вот как оказалось...

Муж, кстати, от похода в гости тогда отказался – кажется, у него болело горло, но точно Кира не помнила.

Компания была шумная, праздновали Первомай, хотя это, конечно, был повод – праздников трудящихся Кирины знакомые не отмечали. Компания была полудиссидентская, кто-то уже собирался уезжать, и это усиленно обсуждалось. Врачи, итээровцы, молодые специалисты – средний класс, интеллигенция. Было очень накурено, и даже у покуривающей Киры разболелась голова. Какой-то незнакомый ей парень взял гитару и запел Окуджаву: «Наверно, эта дама – из моего ребра. И без меня она уже не сможет». Все замерли. Ах, как пел этот щуплый, совсем неинтересный, даже смешной, молодой мужчина! Все подвинули табуретки и стулья и сгрудились вокруг него, притихли, загрузили, вспомнив о своем.

Вот тогда они и оказались совсем рядом, в полуметре, нет, даже меньше, друг от друга на диване, почти впритык. Впрочем, все там сидели, как кильки в банках. Места не хватало, и кто-то уселся на палас и подоконник. И в эти минуты все чувствовали единение и душевную близость. А щуплый парень все пел, волнуя и распаяя души и тревожа сердца.

На улицу вывалились большущей компанией. И Кира увидела, как внимательно, изучающе на нее смотрит симпатичный бородатый мужчина – тот самый сосед по дивану. Она смутилась и фыркнула, чуть выпятив нижнюю губу. Он подошел к ней:

– Вам в какую сторону?

Кира растерялась и не ответила сразу.

– О! Кажется, вы забыли свой адрес. А я собирался напроситься к вам в провожающие.

– Ничего я не забыла! – буркнула Кира. – И провожатые, уж извините, мне не нужны! Во-первых, сама доберусь. А во-вторых, у метро меня встретит муж!

Сказано это было с вызовом, конечно, от смущения – ох, давно с ней никто не знакомился и давненько ее не кадрили, если честно.

Потом Мишка пенял ей, что она могла пропустить свое счастье и свою судьбу из глупости и заносчивости. А тогда он и не подумал отставать:

– И все-таки я вас провожу! Хотя бы до мужа!

И ей, если честно, это было приятно. Кстати, никакой муж встречать ее не собирался.

Потом Мишка рассказывал – сказочник, господи! – что вот тогда, увидев ее глаза, когда она слушала щуплого гитариста, он и влюбился в нее сразу и насмерть.

– А ты? – спрашивал он. – Ты когда поняла?

– Ты о чем? – недоуменно спрашивала она. – А, об этом! А я до сих пор не поняла! – смеялась она.

В тот вечер Мишка проводил ее почти до самого дома. И о чем только они не успели переговорить за этот час! И оба поняли все и сразу. Бывает и так.

Ну и понеслось. Почти два года – точнее, год и десять месяцев счастья и горя, радости и печали. Бесконечной тоски и любви.

Спустя полтора года ей стало все предельно ясно – от мужа она уходит, несмотря ни на что. Позор и осуждение переживет. Да и наплевать ей на осуждение. В конце концов, поговорят и забудут. Но все равно было страшно. Правда, в то время она была почти бесстрашной! Такой бесстрашной, что самой становилось страшно – вот такой несмешной выходил каламбур.

А Мишка все тянул, и однажды Кира не выдержала. Он со всем согласился. Да и доводы тут были ни к чему, все было предельно ясно – да, жить друг без друга они не могут, да, так продолжаться все это тоже больше не может. Да, надо что-то решать. Будет больно? Конечно! Не только им. Но что делать? Врать дальше? Еще больше загонять себя в угол? В конце концов, сейчас несчастные все – он, она, ее муж и его жена. Дочка, слава богу, пока ничего не понимает. А потом несчастных станет чуть меньше, потому, что прибавятся двое счастливых.

Ну и вообще. Унизительно. Страшно унизительно обзванивать знакомых в надежде найти ключи – хоть на час, господи. «Вы в кино? Два часа? Да хватит, конечно, хватит!»

Она слышала его разговор, и у нее падало сердце: два часа – хватит? Да ей жизни не хватит, господи, чтобы его любить. Насладиться им. Наговориться с ним. Наобнимать его. Нацеловать.

Но – куда уходить, куда им деваться? Миша, разумеется, оставит свою квартиру семье – дочери и жене. У Киры площади нет – к московской квартире она отношения не имеет, это дом свекрови и мужа, а в Жуковском, в ее квартире, точнее в квартире родителей, живут ее мать и отец. Туда, к ним, невозможно. Снять комнату или квартиру? Разве что очень сильно повезет – например, кто-то из знакомых уедет в длительную командировку. Можно снять комнату – но это опять везение. Общежитие им не положено – он москвич, у нее московская прописка.

Что делать, что? Но и так больше нельзя, невыносимо. Ей – определенно. А ему... хочется верить, что тоже. Но... разве она знала об этом наверняка?

Конечно, Кира пыталась любимого оправдать – в конце концов, его ситуация куда сложнее – там ребенок. Там верная и преданная ему женщина, которая два года его ждала.

Оправдывала, но на сердце была тоска – вечная, высасывающая душу тоска. И еще – страх. А если он не решится? Ну, если, например, заболит жена – он часто говорил, что Нина слаба здоровьем. Или дочь – вдруг девочка устроит скандал, заболит, узнав о разводе родителей? Такое бывает. Через это он точно не переступит.

Уходить Кире было некуда, но она все твердо решила – да будь что будет! В конце концов, почему она, ее судьба, ее собственная жизнь должны зависеть от его решения? От болезней его жены, от сложного характера его дочери? И она решила: оставаться с мужем – нет, никогда. Это было невыносимо – все эти полтора года бесконечного вранья, опущенных глаз и его прерывистого ночного дыхания, когда ей хотелось прыгнуть с балкона. Разбежаться – и головой вниз. Чтобы больше никогда, никогда этого не было.

Украдкой, потихоньку, она собирала свои вещи. С разговором медлила по одной причине – ждала звонка от коллеги, обещавшей помочь с комнатой. А та тянула. Неделью, вторую. Кира терпеливо ждала. Мишке, кстати, она ничего не сказала – во-первых, боялась сглазить и без того призрачную надежду с комнатой, а во-вторых... Во-вторых, ей хотелось предстать перед ним эдакой героиней, мученицей во имя любви – отважной, решительной, смелой. За любовь – на костер! Ну и, разумеется, предполагались его бурная реакция, удивление, даже восхищение и восторг. Так же, как предполагалось еще и чувство вины: она, женщина, смогла, решилась, а он, мужик, – нет. Расчет был тонкий, но все же дело было не в этом, а в том, что оставаться с мужем она больше не могла.

По ночам обдумывала свой разговор с ним, чтобы помягче, чтобы поменьше ранить, чтобы без бурных выяснений, скандалов и прочего. Краем уха услышала, что свекровь собралась в Клин к сестре, но точную дату не знала – в эти выходные, в следующие?

Нет, конечно, можно спросить. Но Кира чувствовала, что свекровь о чем-то догадывается. Смотрит на нее странно, вздыхает и старается поскорее уйти в свою комнату. Совместные вечерние чаепития закончились, чему Кира была очень рада. Одним словом, приятной обстановку в квартире назвать было сложно.

Чемоданчик свой, почти собранный, Кира засунула под кровать. Вышла на кухню с легкой улыбкой:

– Вера Самсоновна, а вы в Клин собрались? К тете Наталье?

Свекровь посмотрела на нее и указала на табуретку.

– Сядь, Кира, – сухо сказала она и повторила: – Сядь. Тебе не кажется, что нам надо поговорить?

Кира сделала бровки домиком, выразив свое недоумение, и со вздохом присела на краешек табуретки. Глаза подняла на свекровь с большим, надо сказать, усилием.

– Кира, – начала та, – ну что ты решила?

Кира вздрогнула, покраснела и выдавила из себя:

– В каком смысле, Вера Самсоновна?

Свекровь хлопнула ладонью по столу.

– Дурочку передо мной не валяй – не заслужила! Это он, мой сын, – дурачок. Ничего не замечает. Мужики вообще замечают последними! А меня не обманешь. Или ты отказываешь мне в разуме?

Кира молчала, опустив голову.

– Я все поняла давно, еще полгода назад. По твоим сумасшедшим глазам, по дурацкой улыбочке – все мы становимся дурочками, когда... – Свекровь горестно махнула рукой. – Я бы тебя поняла, если бы не была его матерью. Поняла бы и поддержала – все в жизни бывает,

что уж тут. Порадовалась, скорее всего – вон как тебя понесло! Любовь, не иначе – глаз горит, щеки алеют. Волосы выются. Но, Кира, я его мать! И стоять буду за него – это ты, надеюсь, понимаешь!

Кира кивнула. Помолчали. Кира по-прежнему не поднимала глаз.

– Ладно, – прихлопнула ладонью по столу Вера Самсоновна. – Я все поняла. Значит, ты уже решила. Уговаривать тебя не буду, останавливать тоже. Твое решение и твоя жизнь. Сына поддержу – ему будет трудно. Да ничего, отболит, в молодости все быстро проходит. Слава богу, с детьми вы не успели. Вот это бы было для меня уж точно катастрофой. Все, Кира. Иди. Иди, пакуй вещи. Ты, кажется, почти собралась? И да! – выкрикнула она ей вслед. – А зачем ты вообще за него шла? Ты же его не любила!

О господи! Значит, Вера все понимала? И видела ее чемодан? Ну конечно! Она не была любопытной и бестактной тоже. К ним в комнату лишний раз никогда не заходила, а тут, наверное, заглянула по делу. Да какая разница?

Кира обернулась и чуть слышно пробормотала:

– Простите меня.

– Бог простит, – сухо откликнулась почти бывшая свекровь.

По всему выходило, что уходить надо было сегодня. Да, да, быстро покончить со сборами и уйти. А объяснение с мужем? В конце концов, он ничем ее не обидел – за что же с ним так?

Кира села на край бывшей супружеской кровати и замерла. Что делать? Ждать Володю? Глянула на часы – до его прихода с работы оставалось четыре часа. Невыносимо сидеть в этой комнате и ждать. Уйти из дома? Да, выход. Пойти в кино или пройтись по магазинам. Голгофа отодвигалась. После разговора с Верой ей стало легче. Она быстро оделась и с облегчением выскочила из квартиры.

Вернулась к семи – Володя ужинал на кухне. Свекровь смотрела у себя телевизор.

Разделась, зашла в кухню.

– Володя!

Он поднял на нее глаза.

Молчал. По его глазам поняла – Вера уже ему рассказала. Ну что ж, стало быть, объяснение отменяется. Уже хорошо.

– Володя, – повторила Кира, – я...

Он кивнул и отложил вилку. В тарелке остывала картошка. Кира сглотнула слюну – вспомнила, что с утра ничего не ела, ни крошки.

Он внимательно и выжидающе, даже с интересом, разглядывал свою жену.

– Я тебя внимательно слушаю, – наконец сказал он.

И эта спокойная, холодная фраза окончательно выбила Киру из колеи. Она разрыдалась – громко, бурно, с истерическими нотками, так несвойственными ей.

Володя все так же сидел напротив, уронив в руки голову, молчал. Потом не выдержал:

– Все, Кира, хватит. Решила – значит, так тому и быть. Останавливать и держать тебя не буду. Знаю, что ты человек разумный и с кондачка решений не принимаешь. Когда ты уходишь? Сегодня?

Растерянная Кира неуверенно забормотала какую-то глупость:

– Да, если надо, конечно, сегодня!

Он усмехнулся:

– Надо? Кому, извини? Мне – точно не надо. – И быстро вышел из кухни.

Просидев минут десять в полнейшем бессилии, она поднялась и пошла в комнату. Муж лежал на диване и читал книгу.

Кира вытащила из-под кровати чемодан, достала из шкафа сумку с мелочами и посмотрела на мужа.

– Ну я пошла? – неуверенно сказала она.

Он отложил книгу и кивнул:

– Да, разумеется. Удачи тебе!

– И тебе, – прошептала Кира. – И еще раз прости, что так получилось.

Не глядя на Володю, она быстро вышла из комнаты. У входной двери услышала что-то подобное рыку. Или стону. Или... Это было нечеловеческим звуком. Сердце оборвалось. В комнату к свекрови зайти не решилась.

Выйдя на лестничную площадку, услышала крик Веры Самсоновны:

– Сыночек!

Слышать остальное было невозможно – она схватила сумку и чемодан и, не дожидаясь лифта, бросилась вниз по лестнице. Чувствовала себя при этом преступницей. Нет, даже не так – убийцей.

От дома бежала, как от чумного барака. А когда устала и остановилась, поняла, что не знает, куда идти. Позвонить Мишке? Нет, невозможно – трубку может снять жена, что тогда? Да и к чему дергать его поздним вечером, что изменится? Села на скамейку и снова разревелась. Ну и поехала в отчий дом, в Жуковский. А куда деваться?

В электричке тряслась как осиновый лист – теперь предстояло еще и объяснение с родителями. А это куда хуже, чем объяснение с мужем и свекровью – точнее, бывшим мужем и бывшей свекровью.

Отец, военный человек, привыкший к режиму, уже спал – ложился он рано. А мама уже на пороге, внимательно глядя на дочь, сразу все поняла, но задала вопрос, еще предполагавший надежду:

– Поссорились с Вовой?

Кира зашла в квартиру, сняла плащ и туфли.

– Мам! Можно чаю и бутерброд? Очень хочется есть. И еще – если можно – давай не сегодня? – почти взмолилась она. – Пожалуйста!

Мать погрела ужин – макароны, тушеное мясо. Поставила на стол квашеную капусту:

– Ешь, витамины.

Кира ела молча и жадно и на мать не смотрела. Удивилась своему аппетиту – ну надо же, а?

– Чаю, мам! Если не трудно.

Молча выпили чаю.

– Кира! – наконец сказала мать. – Вот как мне сегодня спать ночью? С какими мыслями, дочь? Что думать, когда я вообще ничего не знаю? А мне, между прочим, завтра работать! Не молчи! Я же чувствую – что-то серьезное! Не просто поцапались, да?

– Не просто, – кивнула измученная Кира. – Если бы просто поцапались, мам... Ты же знаешь, мы почти не ругались. И уж не скандалили точно, Вовка человек спокойный и неконфликтный. Только я его не люблю! Разлюбила. Хотя нет, не любила никогда. И это сейчас, точнее, почти два года назад, я поняла. Так поняла, мама, что жить вместе уже невозможно. Невыносимо, мамочка! Все невыносимо – слушать его голос, есть за одним столом. Спать с ним, мам! Извини.

– Что же делать, Кира? Такой был удачный брак! И папа...

– Что – папа? – взорвалась Кира. – Это моя жизнь, правда? Или мне слушаться папу? Я, кажется, большая девочка и сама вправе...

– Оставь, Кира! – перебила мать. – Ты ж его знаешь. Без бури не обойдется. Ну что поделать – переживем.

Мать было жалко. Она искренне любила зятя, ценила его и считала, что дочери крупно повезло: приличная семья, хорошая свекровь, квартира в Москве. Нормальная жизнь. Они были спокойны за Киру. И конечно, очень ждали внуков – пора, дочери уже к тридцати – что они медлят?

Кира никогда не жаловалась родителям на мужа. И вдруг... Может, они чего-то не знают? Надо дожить до утра. Хотя Кира молчунья, скрытница – в отца. Да и разговоры по душам у них как-то не приняты. Но главное, самое страшное для Кириной матери было то, как отреагирует отец. Вот это было самое страшное. Он был гневлив, суров, резок во мнениях. Конечно же, будет скандал. И как они уживутся – отец и дочь? Если бы Кира не вышла замуж и не ушла из дома, эти два строптивца просто сожрали бы друг друга!

Но отец, как ни странно, воспринял новость довольно спокойно:

– Ушла? Ну что же поделать – ее жизнь. Дура, конечно, что тут сказать. И что теперь? Кто-то есть? Да, скорее всего. Вы, бабы, просто так не уходите. – Сказано это было с презрением.

И мать, и дочь ждали скандала, а получили подобие понимания. Кира с нежностью смотрела на отца, но подойти и обнять духу не хватило – отец презирал «телячьи» нежности.

Правда, через пару дней, будучи не в духе, бросил резко:

– Только не думай, что я тебя поддерживаю! Ничего хорошего в этом нет – ушла, пришла. Сходила замуж, развелась. И выглядишь героиней – вот я какая! А что у тебя дальше? Как-то я не вижу, что ты очень счастлива!

Вот это была чистая правда – спокойнее Кира не стала, да и счастливее тоже. Даже после того, как вышла из загса с заветной и долгожданной зеленой корочкой в руках – свидетельством о разводе. С Володей, кстати, встретились спокойно, как старые и добрые приятели:

– Привет.

– Привет.

– Как дела?

– А у тебя? Как Вера Самсоновна, не хворает?

– Твоими молитвами, – усмехнулся Володя.

И Кира тут же осеклась, замолчала.

Выглядел бывший муж, кстати, неплохо, и через год Кира узнала, что он женился на своей коллеге, Оле Зайцевой. Кира была знакома с ней шапочно, но никак не могла вспомнить ее лицо – как ни старалась.

От родителей она вскоре ушла – все-таки образовалась та комнатка на Плющихе, коллега не обманула. Кира с трепетом зашла с хозяйкой в квартиру – маленькую, двухкомнатную, но при этом коммунальную – во второй комнате жила соседка, одинокая старушка Елена Матвеевна, в прошлом детский врач.

Из окна открывался шикарный вид. Был июнь, бурно цвели тополя, пух залетал в распахнутые окна, стелился по старому рассохшемуся паркету и, как нашкодившая собака, забивался под кресло, диван и устраивался в углах.

Старый диван занимал почти половину комнаты – Кира его не собирала, потому что всегда, каждую минуту, ждала Мишку. Обстановка была незатейливой: журнальный столик, покрытый льняной пестрой скатеркой, торшер, книжный шкаф – на одной полке притулились коричневые керамические болгарские чашки – обливные, блестящие, словно покрытые шоколадной глазурью. И книги, много книг – Золя, Мериме, Мопассан. Видимо, хозяева любили французских классиков.

На маленькой кухоньке уместились два столика, двухкомфорочная плита и холодильник – один на двоих. Холодильник принадлежал Кириным хозяевам, но они разрешали им пользоваться Елене Матвеевне.

Старушка – нет, не так: пожилая дама – была тихой, почти незаметной и невероятно деликатной – если слышала, что Кира на кухне, из комнаты не выходила.

Кира даже шутила:

– Елена Матвеевна! У меня ощущение, что я живу в отдельной квартире! И еще я волнуюсь – вы хотя бы давайте понять, что у вас все в порядке!

Чудесная была эта старушка! Сейчас таких нет – все ушли. По выходным – если не было Мишки – Кира покупала торт и приглашала соседку на чаепитие.

Болтали о всякой ерунде: книги, телепередачи, магазины и цены. И ничего о личной жизни – ни слова! Ни словом Елена Матвеевна не обмолвилась, почему одна и что было в ее долгой и наверняка непростой жизни. Чудеса – обычно старики словоохотливы и обожают бросаться в воспоминания.

А позже узнала от своей хозяйки: Елена Матвеевна похоронила всю семью – мужа и двоих детей. Сын, полковник, погиб в Афганистане, а дочку сбила машина.

«Вот и человеческая судьба, – думала Кира. – Вот за что, кто ответит на этот вечный вопрос? Ведь сомнений никаких: Елена Матвеевна – человек замечательный. Скромный, интеллигентный, порядочный. За что же тогда, господи? А я вожусь со своим романом, со своими горестями, как с писаной торбой. И считаю, что ничего драматичнее, чем моя судьба, нет».

Старушку Кира жалела и старалась, как могла, облегчить ее невеселую старость: покупала продукты, ходила в прачечную, в аптеку.

Они стали почти родными людьми – вот как бывает. В хорошую погоду Елена Матвеевна выходила на лавочку – подышать воздухом. Кира поглядывала в окно – сидит, подставив лицо солнцу. Греется. Ну слава богу!

* * *

Мишка приходил почти каждый вечер, точнее, забегал на десять минут, на полчаса, на час – как получалось.

Смущенно, отводя глаза, бросал:

– Мне просто необходимо посмотреть на тебя, нюхнуть твои волосы – и все, можно прожить еще одну ночь и дожить до утра. Это такая таблетка, спасительный укол, чтобы не помереть.

Нет, приятно, конечно. Но копились, конечно, копились и обида, и раздражение. И даже злость. Она-то смогла! Решилась. Значит, она смелее его? Выходит, он трус?

Мишка ушел из семьи спустя год, когда она почти уже не надеялась, была готова к тому, что он не уйдет, и даже с этим смирилась. Главное – она была свободна! Не надо было врать, прятать глаза, отворачиваться по ночам, сползая на самый край кровати, рискуя упасть. И она была почти счастлива.

Но когда он возник на пороге квартиры – с жалким старым матерчатым чемоданчиком – господи, да где он его взял! – и со своим любимым портфелем, она растерялась и все не могла поверить: «Неужели все, навсегда?» И не ошиблась: так все и оказалось – навсегда, на всю оставшуюся жизнь. Пока смерть не разлучит. А та... Разлучила. Правда, выделила им почти двадцать лет счастья. Абсолютного счастья – без всяких «но» и многоточий. И это несмотря на все тяготы, лишения, неприкаянность.

Но разлучила – как бывает всегда. Как же рано, как невыносимо рано ушел ее Мишка! Как она кляла тогда судьбу, проклинала бога! А зря – двадцать лет счастья, знаете ли. Не все могут похвастаться. Им и так был сделан подарок – невозможно щедрый, немыслимый – их встреча и вся совместная жизнь, такая долгая и такая короткая.

Впрочем, они всегда были жадными – им всегда было мало, всегда не хватало времени, чтобы надышаться друг другом, наговориться, послушаться. Просто быть рядом.

Тогда, на Плющихе, у них появился собственный угол. Нет, не так – у них появился роскошный дворец, туго набитый сокровищами. Сундуки с золотом и драгоценными камнями они открывали каждый день и ослеплялись их светом. Нет, правда – каждый день, каждый час и каждая минута были наполнены счастьем – таким ярким, ошарашивающим, о котором они и не догадывались.

И еще было страшно – а вдруг? Так же не бывает, не может быть, чтобы все совпадало, все, от мелочей до самого важного.

Никому – ни матери, ни отцу, ни жалкой кучке тут же забытых без сожаления подруг – она ничего не рассказывала: боялась сплзнуть.

А однажды мать со вздохом сказала, пристально поглядев на нее, как всегда, заскочившую накоротко, на час (Мам! Я спешу! Мишка с работы вернется!):

– Ох, пропадешь ты, Кирка! Пропадешь ни за грош! Тебя же бьет как в лихорадке, ну посмотри на себя! Так не живут, Кира! Так может быть месяц, полгода. Ну в крайнем случае – год. А потом просто не выживают после такого.

Кира удивилась. Глупость какая! Что получается? Быть счастливой нельзя? Запрещено законом природы? А для чего тогда рожден человек? Для слез и страданий? Спасибо, она сполна нарыдалась. Нет, глупости! И она опровергнет всю эту чушь! А для чего тогда люди встречаются, ищут друг друга всю жизнь и наконец находят? Она долго рассматривала себя в зеркало, пытаясь понять, что там увидела мать. Да, кажется, ничего особенного. Ну да, глаз блестит. Посвежела, зарумянилась кожа. Волосы, пышные и пушистые от природы, распушились еще больше. Еще похудела, и походка стала другой, какой-то свободной. Но замечала – мужики оборачиваются вслед. Что так испугало мать? Нет, непонятно. Все это глупости, материнские страхи.

Отец, кстати, Мишку принял спокойно – душу не открывал, проникновенных бесед не вел. Так, сели за стол, открыли бутылку коньяка, да и ту не допили – отец из-за возраста, Мишка вообще пил неохотно и мало, как говорил, для аппетита. Да и к еде он был довольно равнодушен, что очень облегчало Кирину жизнь. А мать, кажется, тогда обиделась – как это так? Новый зять не оценил фирменный холодец, и вправду всегда удававшийся ей: светло-желтый, прозрачный, средней крепости. И пирожкам ее не подивился – тоже коронное блюдо. Не восхитился наполеоном. Так, пожевал и кивнул:

– Вкусно, спасибо.

Вяленько как-то, без особого энтузиазма. Тут же, конечно, вспомнился первый зятек, Володечка. Вот кто любил ее холодец и пирожки! Вот кто ел с удовольствием и не скупился не похвалу!

Вспомнила и взгрустнула: «Ох, что-то не так в этом Мише. Станный он – сложный какой-то. Не очень понятный. И что у него в голове? И что еще придет на ум? Чует материнское сердце – выкинет еще что-то, обязательно выкинет! И втянет туда нашу дуру – вот уж не сомневайтесь! Правда, ее и втягивать не надо – гуськом потянется, паровозом пойдет. Без уговоров. Потому что рехнулась, свихнулась от этой любви – это же очевидно! А страсти, как известно, до добра не доводят». Хотя что Кирина мать знала о страстях? В восемнадцать выскочила замуж за молодого лейтенантика и прожила с ним всю жизнь. И совсем неплохо, кстати, прожила – всем бы так. Многие ей завидовали: сестры, подруги, не у всех ведь сложилось. Да, разумеется, просто не было. Это когда появилась квартира в Жуковском! После сорока. А до того были и дальние гарнизоны в тайге, и военный городок в Азербайджане, под Кировабадом. Вот там пострадались! Жара, пыль, в магазинах ни мяса, ни молока – все на базаре. А откуда у них деньги на базар? Только для ребенка – винограда веточку, кураги горсточку, мяса кусочек. Сначала их поселили возле аэродрома в так называемой гостинице. Мест, как всегда, не было – дали комнатку, где хранились поломанные кровати и списанные матрасы. Там и устроились. Ничего, как-нибудь. Комнату в городке – в ДОСе, доме офицерского состава – дали почти через год. Уж получше гостиницы, но вода по часам – утром и вечером. Набирали полные ведра – как ребенка помыть? Правда, за комнату надлежало платить – девяносто рубликов в месяц. А зарплата у мужа была сто шестьдесят! Вот и попробуй прожить на семьдесят! Да еще и с ребенком! Но выживали. Вспоминала с горестью, как Костя, муж, приносил из офицерской столовки котлету – серую котлету на куске подмокшего хлеба. И с какой жадностью она ее съе-

дала! И не было ничего вкуснее... Учителем там было негде – местных учителей было некуда девать. Устроилась хронометристом, и это была удача. Считала налеты, урсы и шторки. Но мечтали скорее уехать – к местному климату так и не привыкли. Да и Кира все время маялась животом. Все дети маялись – дурная вода, зеленые фрукты. Помнила, как уже тогда, в те, казалось, спокойные годы, на окраине города дрались армяне с азербайджанцами – насмерть дрались. Потом была Кема в Вологодской области, следующей – Чугуевка в Приморье, здесь уже было полегче.

Комнату дали сразу, в комнате печка – тепло. Но холода они не боялись – после Кировабада боялись жары. Маленький домик на две семьи, общая кухня. Женщины держали кур и вечно скандалили на эту тему – моя, не моя. А потом пометили разноцветной краской – зеленой, синей, красной. И скандалы закончились. Помнила, как однажды, муж был в командировке, ночью услышала тяжелый стук в дверь. Не встала и не открыла – испугалась до холодного пота. Так и продрожала всю ночь до рассвета. А потом оказалось – медведь. Огромный медведь-шатун. Спасли ставни на окнах.

Глупые мужики притащили из тайги медвежонка – маленького, пушистого симпатягу. Жены ругались, а те говорили, что детям на развлечение. Соорудили клетку, и медведик зажил. Детишкам, конечно, забава. А потом медведик подрос и стал порываться на старых друзей. А в Новый год пьяная компания пришла навестить медведика. Ну и оторвал он кусок нового пальто у майоровы жены. Та села в снег и давай рыдать! Пальто было жалко, конечно. А вредную бабу – не очень. Потом мишку отдали в зоопарк, и дети ревели, провожая его на пристани – в новую жизнь медведика увозили на пароходике.

Ладно, не про это, не о бытовых трудностях. Она задумалась, какие у них с мужем были отношения. Да нет, все было нормально. Без особых эксцессов. Жили как все. Ссорились, конечно. А как же? Мирились – тоже как все. Обсуждали домашние проблемы – что купить, как скопить, куда поехать в отпуск. Все как у нормальных людей. А что о жизни не говорили, о чувствах своих, не обсуждали *ничего такого*... Так это же правильно. Так их воспитывали. Так было у их родителей. Так было у всех.

Ну уж, во всяком случае, глаза у них не сверкали, и температура от этой вашей любви и страстей не кипела, не поднималась. Да и слава богу! И еще слава богу, что все *остальное* уже в прошлом. Нет, не то чтобы это ей было совсем не нужно... А вот закончилось с возрастом – и хорошо, как гора с плеч. Кончились строгие обязательства, негласный договор, обязывающий идти мужу навстречу, часто против желания.

Кирина мать искренне не понимала – во имя чего копыа ломать? Да что такого необычного в этом обыденном деле? Получалось, что-то прошло мимо нее? Да и бог с ним – многое прошло мимо. Вся жизнь. Пролетела, прошелестела, проскочила, как вор в подворотне – едва зацепив плечом. Вроде все было нормально – хороший и негулящий муж, нормальная дочь. Работа, квартира. Участок в четыре сотки – не участок, огород. Но и это счастье и радость. Только хорошо это или не очень – то, что *это* ни разу ее не коснулось? Пронесло или обделили?

В конце концов она решила, что нечего вспоминать – все как у всех. Нормально они прожили. Потому что не знали, как можно прожить иначе.

А Кира? Вот дурочка! Аж дрожит. Прямо трясет ее от этого Мишки. И чем он ее взял? Непонятно. Мужик как мужик, даже вполне средненький – среднего роста, обычной комплекции. Никаких там атлетических плеч и мускулистого торса. И лицо обыкновенное – нет, неплохое лицо. Глаза хорошие – ясные, разумные. Спокойные. Нос, рот – да все самое обычное. Кстати, Володя, бывший ее, был куда интереснее! И повыше, и поплечистее. Да и вообще симпатичный был парень, приятный. Как они радовались с отцом! А вот понесло ж эту дуру!

* * *

Кире и Мишке даже на день расставаться было ужасно. Утром прощались, как навсегда, не могли расцепиться. Он уходил на полчаса раньше, а Кира стояла у окна – сначала махала ему, а потом, когда он скрывался за поворотом, все продолжала стоять – как в ступоре. Как будто ждала, что он вернется. Нет, точно – дура.

Потом она стряхивала с себя морок и быстро, кое-как, красила глаза, одевалась и выскакивала на улицу и, как обычно, опаздывала. Минут на пятнадцать уж точно. На работе смотрела на часы – когда же закончится эта мука? Мука, естественно, заканчивалась, и она первая, стремглав, выбегала из комнаты. Мужики посмеивались, а женщины судачили, что, дескать, ничего, пройдет. Молодожены – им положено, знаете ли. Но все же немного завидовали.

Самыми сладкими днями были выходные. В субботу подолгу спали, тесно, до перехвата дыхания, прижавшись друг к другу. Даже поворачивались с боку на бок одновременно, боясь на минуту потерять телесный контакт.

Первой вставала Кира – шла готовить обильный завтрак: кастрюлю вареной картошки с селедкой. Завтрак выходного дня – так это у них называлось. Конечно, кофе – большой кофейник кофе, который с удовольствием выпивался до дна.

Ну а потом снова в кровать – вот оно, счастье! И никуда не надо спешить, никуда! Валялись целый день: спали, болтали, читали, дремали.

А вечером выходили. Билеты в театр? Красота. В кино? Здорово. А можно просто погулять по улицам – поехать в центр и гулять там до бесконечности! Как они любили этот город! Больше всего Замоскворечье, с его узкими и уютными улочками, маленькими купеческими особнячками, с духом настоящей Москвы. А после прогулки покупали бутылку сухого вина, маленький тортик и спешили домой – продолжить свой праздник.

А вот в воскресенье было уже не так весело – Миша встречался с дочкой. Кире, кстати, поехать с ними никогда не предлагал. Она не обижалась – в конце концов, это их дело и их отношения. Имеют право побыть вдвоем. Да и у нее находились дела: глажка, стирка, готовка, магазины, рынок или поездка в Жуковский. Очень редко, примерно раз в три месяца, она встречалась с Маринкой, школьной подругой. Та была женой военного и жила в Балашихе. Простоватая, немного наивная, но добрая и хлебосольная Маринка всегда мечтала выйти за офицера.

– Они мне понятны, – говорила она. – Они же все похожи, Кирка! Привычки, запросы – близнецы-братья. Профессия накладывает отпечаток.

– Не знаю, – смеялась Кира, – опыта нет!

Хотя Кира, как и Маринка, была дочерью военного, городок в Балашихе вызывал у нее смертную тоску. Она и представить себе не могла, как можно жить в замкнутом пространстве среди одних и тех же знакомых лиц – ужас какой! И эти вечные и бесконечные сплетни, разговоры о звездочках и погонах. Зависть и склоки.

Маринкины подружки шастали, как мыши: уйдет одна, тут же придет другая. Двери в квартиру не закрывались – не принято.

Против Лешки, Маринкиного мужа, Кира ничего не имела – нормальный был парень. Да и детей Маринкиных, Димку и Светика, погодок, она обожала.

Маринка мечтала вырваться из общаги и стать генеральской женой: «Ну когда-нибудь, а, Кирка? Дождусь?» Счастье представляла себе так – черная каракулевая шуба до пят, высокая норковая шапка сложного фасона, норки, конечно, побольше, австрийские замшевые сапоги и куча золота в ушах и на пальцах. А в квартире, понятное дело, ковры, чешский хрусталь в полированной горке, а еще финская кухня и голубой унитаз – непременно голубой. Да, самое главное – белая спальня «Людовик»!

– Видела ее? – полушепотом, с придыханием спрашивала Маринка.

– Не-а, – беспечно отвечала Кира. – Ты ж меня знаешь.

– Ну ты даешь! – Маринка явно жалела подругу.

Но вышло все не так – не сбылись Маринкины мечты. Ни одна не сбылась.

Лешку послали в Афган. А через полгода пришел груз двести. Маринка в тридцать пять лет стала вдовой, через семь лет спилась. Не получилось из нее генеральской жены – ни черной «Волги» с водителем, ни норковой шапки, ни богемского хрусталя с наклеенными цветочками. Дружба их с Кирой постепенно затухла еще до всех этих страшных событий, что поделаешь, слишком разными были их жизни.

В основном ходили в гости к Мишкиным друзьям, чаще всего к Зяблику.

* * *

Воскресенье тянулось долго и тягостно. Кира смотрела на часы и ждала вечера. Наконец, услышав щелканье замка, она вздрагивала и кидалась в коридор, и они застывали в объятиях.

Про встречу с дочерью и вообще про бывшую семью Мишка не рассказывал. Да и Кира, если честно, не спрашивала. Во-первых, ее это не очень касалось, а во-вторых, она четко провела демаркационную линию – *та* жизнь осталась в прошлом. А сейчас – жизнь другая, только их. И никаких посторонних – Кира и Мишка. Все.

Его, кажется, это устраивало. Да и ни разу он не предложил ей пригласить к ним дочь. Зачем травмировать ребенка?

С Еленой Матвеевной, дорогой и любимой соседкой, они по-прежнему дружили. Как-то старушка попала в больницу, и Кира провела там безвылазно почти две недели – пришлось взять липовый больничный. А спустя пять дней после выписки старушка скончалась.

Кира позвонила квартирной хозяйке, и та приняла грустную новость как руководство к действию – надлежало срочно перевести соседскую комнату на себя, чтобы туда не въехали новые соседи. Ей это удалось, хотя и не без труда. И, став обладательницей отдельной двухкомнатной, она, естественно, тут же решила сделать ремонт и сдавать ее уже по совершенно другой цене.

Кира с Мишкой понимали, что им не потянуть. Четырехлетний рай закончился. Тогда вообще все сразу рухнуло. Серьезно заболела Нина, бывшая Мишкина жена. Операцию сделали вовремя, но все понимали – болезнь может вернуться. Дочку отправили к бабушке в деревню. Миша разрывался между работой и поездками к Нине в Институт Герцена, а Кира по вечерам готовила для бывшей соперницы диетическую еду. Хотя какая она соперница? Смешно.

Спустя пару месяцев, когда чуть выдохнули с Ниной, заболел Кирилл отец – прободение язвы. Кира тут же переехала в Жуковский, помогать матери. Оттуда моталась в Москву на работу.

Ну и самое главное – у Мишки в лаборатории начались большие проблемы. Собрались уезжать сразу двое – завлаб Семен Гольдфарб, большой Мишкин друг, и Андрюшка Лазарев, с которым он приятельствовал.

Лена Гальцева, не последний человек в лаборатории, вышла замуж и уходила в декрет. Илья Андреевич, самый древний, по его же словам, сотрудник, решительно собрался на пенсию – нанять внуков. Мишка оставался один. А это означало, что работа его закончилась – тянуть проект было некому, лабораторию хотели закрыть.

Отъезжающих клеймили по полной программе – общее собрание, лес рук, злобные выкрики: «Государство на вас потратило деньги, а вы» – и все прочее, что прилагалось к этому омерзительному процессу.

Мишка попробовал перейти в другую, смежную, лабораторию. Но под разными предлогами ему отказывали – смотрели как на зачумленного: «А, Немировский! Это оттуда, из пятой?»

Уходить из института было страшно – жить на Кирины копейки? Нет, невозможно. Полгода еще поболтался по родному институту и ушел – дошел до точки, слишком все было обидно и унижительно.

А Семен и Андрюшка писали восторженные письма – Семен из Германии, а Андрюшка из Америки. Устроились ребята быстро, почти сразу. Темой их интересовались и там, и там. Особенно заливался эмоциональный и восторженный Семен: «Ах, оборудование! Ах, возможности! Ах, отношение!» Но в основном он восторгался страной – порядок, чистота, продукты в магазинах.

Мишка зачитывал Кире письма Семена и скептически усмехался. Неужели и вправду рай? Что-то не верилось. А вот когда написал Андрюшка – скупое, но четко и только по делу, он задумался.

Да, тогда все совпало – Нина, Мишкина работа, Киринов отец и потеря комнаты. Куда податься, куда? Еле сводили концы с концами, экономили на всем. Приютил их тогда Мишкин приятель Зяблов, к которому они и раньше частенько навещались в гости. Но они понимали – злоупотреблять зябловским гостеприимством невозможно, неправильно.

Кира к Зяблову относилась скептически, точнее – она его не любила. Почему? Да все понятно – где они и где Зяблик, человек из другого мира, с другой планеты. С другими желаниями, потребностями, возможностями. Представитель золотой молодежи. Веселый бездельник, кутила, эдакий лихой купчина. Она презирала его за излишнюю легковесность, свободу во всем, и в первую очередь в отношении к жизни. Денег ему хватало с избытком, жил он в огромной квартире в самом центре Москвы, в придачу имелась и большущая дача в престижной Апрелевке. Станный и чужой был ей этот Зяблов, который по воле судьбы оказался старинным и лучшим другом ее Мишки. Чудеса!

Кира с удивлением наблюдала за хозяином квартиры. И вот что интересно: даже когда у него периодически случались затяжные и страстные романы, случайные девы и подруги при этом не заканчивались. Странно, не так ли? И это любовь?

Кира с Мишкой хихикали – зябловские романы были не только страстными, но и непременно трагическими и драматическими. Все не просто, а с вывертами. «Ни одного легкого случая, – шутил Мишка. – Зяблик не ищет легких путей. Видимо, по-другому не возбуждается».

Так и было – и Кира погружалась в перипетии очередного зябликовского романа, словно в интересную книгу или в кино. Вот уж страсти-мордасти! Куда там им с Мишкой!

У Зяблика было прозвище – Коллекционер. Кира смеялась:

– О да! Причем – во всех смыслах! И мебель, и картины, и, конечно же, женщины.

Ну вот, например, Алена. Как она была хороша! Даже Мишка, совсем уж не бабник и не ловелас, увидев ее, замер как вкопанный. Это был тогда еще незнакомый Стране Советов тип женщины – высоченная, на полголовы выше высоких мужчин, ноги, естественно, метра полтора. Роскошная медная грива волос, бледное лицо с узкими скулами. Это сейчас такой тип женщин не только моден, но и распространен. А тогда Алена выглядела инопланетянкой, случайно залетевшей на грешную планету.

Алена почти все время молчала – образ или дура? Вопрос. Закинув свою невероятную ногу, она томно закуривала длинную, с мундштуком, сигарету, изящно держа в тонких, длинных пальцах бокал с коньяком. На нее приходили смотреть, как на диковину.

В зябловской квартире она задержалась месяца на четыре.

На вопрос Киры: «А где же наша прищелица из других миров?» Зяблик вяло ответил: «Да замуж вышла и в Штаты махнула. Замуж очень рвалась, понимаешь?»

Была еще грузинская красавица Тамара – дочь какого-то высокопоставленного человека. Приезжала Царица Тамара на «Чайке». Вернее, ее привозили, и водитель открывал перед ней дверцу.

Тамара была красива жгучей, яркой и немного душной грузинской красотой – настоящая пери.

Она любила рестораны с очень громкой музыкой, обожала танцевать. Нраву была странного, истерического – то громко смеялась, то бурно рыдала. Наверняка у красавицы имелись проблемы с психикой. Зяблик был ею увлечен, но тоже недолго, через пару месяцев стал Тамарой тяготиться. И повезло ведь – приехал отец из Тбилиси и увез экспансивную дочь.

Была еще Лили, болгарка – улыбчивая, милая, стриженная под мальчика, с мальчиковой фигуркой и очень красивыми ногами. Лили пыталась со всеми дружить, надеясь таким образом привязать к себе Зяблика. Бедная девочка – ничего у нее не получилось, Зяблик быстро остыл.

Словом, хоровод этих зябловских баб, этих невозможных красоток, не кончался никогда. Он любил произвести впечатление – явиться, например, с новой сногшибательной подружкой в Дом кино или в Дом журналиста. Ну а там, в ресторане, гульнуть по полной – с коньяками и винами, с черной икрой и балыками. С размахом и помпой – загулявший купчина. Противно.

Кира удивлялась и тормозила мужа, пытаясь разобраться: Мишка и Зяблик – как могут они быть близкими, самыми близкими друзьями? Ее бессребреник, скромняга и трудяга Немировский и этот Зяблов – невероятный модник, отчаянный бонвиван, московский мажор, по сути, бездельник, нарцисс и хвастун. Как? А вот так! Мишка говорил, что все мы из детства. Зяблик – друг со школьной скамьи, с первого класса. Ну и дальше, всю жизнь. «Разные? Ну да. А что тут такого? Мы понимаем друг друга с полуслова. Мы как близнецы. А то, что разные интересы... Иногда людей объединяют не интересы, а взаимная симпатия и доверие».

Кира с Мишкой даже в тот непростой период почти не ссорились, хотя их бесприютная кочевая жизнь здоровых нервов и настроения не прибавляла – Кира стала часто срываться. Ну скажите на милость, какая женщина, пусть даже исполненная самой жаркой благодарности за приют, даже самая непритязательная и спокойная, выдержит бесконечную круговерть посторонних баб, толпы друзей, бурные сборища и постоянные гулянки и пьянки? Мишка тоже не высыпался, хотя и участие в зябловских загулах почти не принимал: так, посидит с часок – и к себе в «норку», как они называли выделенный щедрым хозяином уголок.

Кира уставала и от бесконечного мытья посуды, уборки кухни и столовой – ну не ждать же домработницу, ей-богу! Принималась опустошать переполненные окурками пепельницы и очищать грязные тарелки – с утра будет невыносимая вонь.

Дальше так было невозможно, надо было что-то предпринимать. Она перестала спать по ночам – мысли терзали, как голодные волки. Деньги, деньги, будь они неладны! Как всегда, все упирается в них! Дурацкая, мерзкая и унижительная субстанция эти деньги. Но без них никуда... Чужой угол, где они приживались. Но самое главное – муж без работы. Кира понимала – он пропадает и скоро совсем пропадет.

Наконец не выдержала и твердо сказала:

– Миш, надо устраиваться на работу. Хоть куда – все равно. Иначе ты чокнешься.

Он не обиделся, но страшно смутился и сжался в комок:

– Куда, Кира? Ты же видишь – все мои поиски тщетны, бесплодны.

– Да хотя бы в школу учителем физики – какая разница?

В школу. С его талантом. Со степенью. После его лаборатории. Еще одно унижение.

Ей было невыносимо жалко Мишку, а что делать? Чувствовала: еще немного – и он свихнется.

В школу взяли – правда, черт-те куда, в Ясенево. Директриса оказалась нормальным человеком, не побоялась взять не учителя, а ученого – тогда это не приветствовалось. Но с учителями была беда – район новый, школы полупустые, мало учеников, не хватает учителей.

Ездить из центра до этих хмурых и продуваемых высепок было непросто – автобусы от метро ходили редко.

Она видела, что эта работа не только не ободрила Мишку, но усугубила его транс и тоску – он совсем замкнулся, почти не разговаривал – ни с ней, ни с Зябловым. И на кухню по вечерам не выходил – валялся на диване в «норке» и что-то читал.

– Увольняйся, – твердила Кира. – Проживем как-нибудь!

Мишка хмыкал и отворачивался к стенке. Молчал. Однажды горестно бросил:

– На что уходит моя жизнь, Кира! На что?

Она увидела его глаза и испугалась. Нет, надо срочно что-то менять!

Однажды, когда у Зяблика шла очередная гульба – стены дрожали, – Кира не выдержала:

– Миша! Я больше тут не могу! Все, сил больше нет. Давай съедем, а? Мне все равно куда.

Только чтобы была тишина, понимаешь? Я устала от всего этого. Устала от своих мигреней и бессонных ночей.

Мишка повернулся и посмотрел на нее:

– Есть предложения? Я готов выслушать.

Вот этот тон, эти слова ее окончательно взбесили.

– А ты квартиру разменяй! Свою квартиру! Две комнаты, центр. Спокойно меняется на однокомнатную и комнату в коммуналке – я узнавала.

– Узнавала? – Мишка перебил ее и привстал на локте. – Ну надо же, какая прыть, Кира! И какая осведомленность! Признаться, не ожидал! И что, есть варианты?

Она испугалась его сарказма и совсем сникла. Что-то залепетала, мол, никаких вариантов. Подробно не узнавала. Так, подумала просто...

Он резко встал с дивана.

– Так вот, Кира. – Он замолчал, а она съежилась, сжалась в комок, ей захотелось исчезнуть, испариться. – Я попрошу тебя никогда – слышишь? – не заводить разговор на эту тему! Я оставил квартиру дочери. И жене. У нее, как тебе известно, в Москве площади нет. Я – прости – поломал, испортил им жизнь. Уж Нине – точно. К тому же Катя растет. А у Нины есть шансы как-то устроить личную жизнь, чему я был бы отчаянно рад. – Его лицо искривила болезненная гримаса, и он вышел из комнаты. На пороге обернулся: – Не думал, что ты когда-нибудь заговоришь об этом.

Кире стало страшно. Ужасно. Все это было ужасно. Стыд, кошмарный стыд. Зачем? Зачем она затеяла этот ужасный разговор? Ведь понимала же, понимала – по-другому и быть не может! Это Мишка! Разве он может иначе? Эта его вечная вина перед бывшей женой и безграничная тоска по дочери. «Господи! Какая же я дура, – твердила перепуганная Кира. – А вдруг он уйдет от меня? Сама все перечеркнула, все испоганила! Идиотка и сволочь!» Ревела от стыда, от страха, а потом стала себя успокаивать: «Да что тут такого, в конце концов? Подумайте, какое благородство! А за чей, простите, счет? Вот именно, за мой! Ах, чувство вины! Подумаешь! А у меня нет чувства вины? Перед Володей, перед Верой Самсоновной? Не я ли нанесла им, замечательным людям, предательский, подлый удар в спину? И за что? За любовь и ласку? Вот именно.

Можно подумать, только ему стыдно и страшно! Только ему горько и плохо.

А мои родители? Им было просто? Они не переживали, не волновались? А как они любили Володю! А как дружили со сватьей!

Да что я такого сказала, что потребовала? Бриллианты и норковые шубы? Машину или виллу на море? Просто я тоже хочу нормальной жизни – это что, преступление? Своего угла хочу. Своих кастрюль и сковородок. Своего, а не зябловского, постельного белья. И ребенка. Мне, в конце концов, уже тридцать пять – не пора ли? И, между прочим, именно он должен решать такие проблемы, а не жить примаком у старого друга в «норке», не прятаться от проблем и от жизни вообще. И сколько это будет еще продолжаться? Ответа нет. Потому, что самое

простое – обвинить другого. И оправдать себя, назначить себя благородным, меня записать в сволочи. Только бы подумал – за чей счет это его благородство? Вот именно, за мой».

Это был их первый серьезный раздор. Кира даже подумывала уйти из зябловской квартиры. Но куда?

Три дня он молчал и на нее не смотрел. Презирал? Ее это еще больше задело. «Ну и подумаешь! Все, съезжаю к своим. А ты оставайся со своим святым ликом и со своим презрением. Мне уже почти все равно, потому что обидел, сильно обидел».

Ссора была в среду, а в субботу она поехала в Жуковский. Написала записку: «Останусь ночевать». В ночь с субботы на воскресенье уже поняла – жизнь без Мишки ей попросту не нужна. Еле дождалась вечера воскресенья – скорее к нему! И наплевать на его презрение, на его тон, на его мнение о ней! Наплевать. Ей надо одно – поскорее увидеть его, обнять, прижаться. Уткнуться в его шею. Услышать его запах. Провести ладонью по шершавой небритой щеке. Дотронуться до его губ, глаз, бровей. И прошептать ему, наплевав на гордость и вообще на все: «Мишка, я без тебя не могу! Прости меня. Прости, прости. Я – полная дура. Только прости ради бога – я умираю!» – но это уже про себя.

И наплевать, если после этого унижительного собачьего скулежа он презирает ее еще больше – да пусть, ради бога! Ей нужно одно – чтобы не выгнал, чтобы простил. Чтобы они были вместе, как раньше.

Кира торопливо простилась с родителями, схватила полную, неподъемную сумку, набитую матерью: курица, пирожки, половина медового торта. Спорить, как обычно, не стала. Надела пальто, сапоги, кое-как повязала платок и почти скатилась по лестнице. Скорее в Москву! Как он там, господи? Неужели за это, за эту чушь, за эту бабью глупость, можно вот так взять и разлюбить? О господи, нет! Внизу, у двери парадной, вздрогнула и отшатнулась – темная мужская фигура маячила у двери. А через минуту дошло: Мишка! Господи, Мишка! Он приехал за ней! Значит, он не бросил ее? По-прежнему любит?

Она ткнулась ему в плечо, в мягкую и влажную ткань куртки.

– Мишка, Мишка, – зашептала она, – как я соскучилась, господи!

Платок сполз, и он гладил ее по волосам и тоже бормотал:

– Кирка, дурочка! Как я могу бросить тебя? Как могу разлюбить? Ты – вся моя жизнь, Кирка! Вся моя жизнь.

В электричке она, измученная своими страданиями и чувством вины, обессиленная, как после тяжелой работы, тут же уснула на Мишином плече. И ей было все равно, куда они едут – к Зяблику? Да пожалуйста! Хоть куда – на вокзал, на чердак, на помойку, лишь бы с ним, лишь бы был рядом Мишка. Ее любимый – на всю жизнь.

* * *

С работы Мишка уволился. Точнее – его попросили. Случился конфликт с одной важной мамашей по поводу двойки в четверти у ее ленивого отпрыска. Директриса, страшно смущаясь, попросила его написать заявление: «Дама эта – скандалистка отменная, профессиональная. Дойдет до министра образования, не сомневайтесь! Простите и войдите в мое положение!» Подробности Кира не помнила, но очень обрадовалась, что так вышло.

Вот интересно – когда, казалось бы, уже полный тупик и безнадега, щедрая и мудрая жизнь выкидывает, как карту, как козырного туза, неожиданный выход. Так и вышло – на следующий день – в буквальном смысле слова – позвонила Кирина сослуживица и предложила дачу своей знакомой. Совсем рядом с Москвой, двадцать километров по Белорусской дороге, поселок Жаворонки.

– Известный кооператив музыкантов, все люди не то что приличные, а очень приличные – интеллигенция, – возбужденно тараторила сослуживица. – Знаешь, кто там обитает? Не зна-

ешь? Ну, например, Пахмутова с Добронравовым! Окуджава! Сличенко, представь! Ну, как тебе, а?

Растерянная Кира вымолвила скупое «угу».

– Теплый зимний дом со всеми удобствами, – продолжала та. – Туалет в доме, ванная, сдает за копейки – десять рублей в месяц! Зачем ей это? Да охранять! Воруют, гады, – залезают в дома, сжирают консервы, крупы. Живут даже, ночуют! Вот сволочи, представляешь? Но и это не самое страшное – могут и поджечь! Уже сожгли два дома на соседней улице. Так вот, она всех спрашивает – есть ли приличные люди, интеллигентные, хорошо знакомые, которым можно доверять? Словом, свои. Ну я и подсуетилась – сказала, есть! Да еще какие приличные! Порядочные, интеллигентные, и им можно доверять! Ну, как тебе, а? Поедешь посмотреть? Да, на работу добираться на электричке – а как ты хотела? За такие копейки в Москве не то что квартиру – комнату не найдешь! А там – воздух, лес, тишина! И удобства, Кира! Удобства!

Еле дотерпели до выходных и в субботу поехали смотреть. Да Кира бы и не смотрела – ее все устраивало заранее. Лишь бы сбежать, съехать от Зяблова в тишину и покой. Но все же поехали. С хозяйкой встретились на Белорусском.

Ехали недолго, около получаса. Вышли на платформе и обомлели – красота! Какая же красота! И какая тишина – просто звенит в ушах! Накануне выпал снежок – в Москве, конечно, он сразу растаял. А здесь лежал свежий, перевозданный, белоснежный.

К дому шли по узкой лесной тропинке. По бокам стояли огромные припорошенные темные ели.

Шли и переглядывались. Ох, только бы сговориться! Только бы хозяйка не отказала. Кира этого точно не переживет.

Шли минут двадцать и наконец пришли. Домик был небольшой и очень симпатичный. Финский, как гордо сказала хозяйка. Он и вправду не был похож на обычные подмосковные дачи – громоздкие, темные, крашенные-перекрашенные, надстроенные и подстроенные.

На довольно большом участке густо росли елки, березы и сосны.

В доме было неожиданно тепло – работало газовое отопление. Кухонька, гостиная и две маленькие, уютные спальни. Все небольшое, но ухоженное и милое.

– Чудо какое! – шепнула Кира мужу. – Тебе нравится?

Он кивнул. Слава богу, сговорились и отдали десятку за первый месяц. Хозяйка дала указания: попросила не топить камин и, отдавая ключи, строго сказала:

– Надеюсь, все будет хорошо!

Они поспешили ее успокоить.

Решили остаться ночевать сразу, в тот же вечер. Им не терпелось поскорее обустроиться в «своем гнездышке», а уж рано утром поехать к Зяблику за вещами.

И этой ночью было снова одно сплошное и бесконечное счастье.

– Как благосклонна к нам судьба! – шептала Кира. – Как щедра на подарки!

– Судьба всегда благосклонна к влюбленным, – усмехнулся муж. – Ты разве не знала?

«Влюбленным, – повторила она про себя и добавила: – И очень счастливым. Как бы не сглазить!»

* * *

Зима в тот год была суровой и снежной – за одну ночь наметало высокие сугробы – ни пройти, ни проехать. В шесть утра Мишка брал лопату и выходил чистить снег.

Кира пила утренний чай и в окно наблюдала за мужем – здесь, в Жаворонках, он немного поправился, и это невзирая на непривычную физическую работу: почистить снег, наколоть дров для костра, в котором они пекли картошку, сбежать на станцию за хлебом и молоком. Или скорее, так – подрумянился и окреп, подкачал «стариковские» дряблые, как сам говорил,

мышцы. «Я же работник умственного труда, все мы такие», – с усмешкой говорил он. По утрам взялся обтираться у крыльца снегом – и его вопли разносились по всей округе.

Расчистив дорожку, он шел провожать Киру до станции. Шли они молча, взявшись за руки и любуясь красотой зимнего леса и чистотой белоснежного, девственного снега, глубоко вдыхая голубой и прозрачный воздух.

В ожидании электрички на перроне Мишка согревал ее озябшие руки и тер красные румяные щеки:

– Матрешка! – смеялся он. – Ну ты просто матрешка, Кирюшка! Такая краснощекая и глупоглазая кукла с кучей секретов внутри.

– Какие секреты, о чем ты? Какие у меня секреты?

Кира садилась в электричку и махала ему рукой. Почему-то сжималось сердце. Муж, самый дорогой, любимый и близкий ей человек, стоял на перроне – худой, сутулый, в нахлобученной по самые глаза старой кроличьей шапке, в тощей куртяшке, под которую уж точно требовалось поддевать парочку старых шерстяных свитеров, в чужих валенках и рукавицах, позаминствоваанных без всякого, разумеется, спроса у хозяйки, с заиндевелой бородой и бровями. Почему? Что было такого в этой картинке, почему у нее до боли сжималось сердце и накрывала тоска? Все же нормально? Они наконец вместе, и все неприятности, кажется, позади. У них есть свой дом, в конце концов, пусть временный. Живут они по-прежнему в большой любви, нежности, страсти, если хотите, и уж точно – в понимании. У них так все хорошо, что даже становится страшно.

Да, денег, конечно, не хватает. И это очень мягко сказано, если честно. Ее пустяковая зарплата – копейки. А еще плата за дом и электричество. Да, она мерзнет в старом пальто, отлично понимая, что о новом не следует и мечтать. Да, она четыре раза чинила сапоги, а они, сволочи, все равно протекают. Да, Мишка страшно страдает без своего дела, без науки, без своей разгромленной лаборатории. После писем от Семена и Андрюшки подолгу молчит и курит на крыльце. Она ничего у него не спрашивает – понимает, что ему очень больно и очень обидно. Как понимает и то, что он скучает по дочке и по-прежнему мается виной перед Ниной. Но дочку он, слава богу, видит. А Нина – ну что ж тут поделать? Кто-то платит всегда. И она, Кира, которая очень счастлива в браке с любимым мужчиной, она тоже платит, поверьте! Но плата у всех разная, это правда.

Нет, у них все хорошо – они вместе, и они так любят друг друга. Им так хорошо вдвоем, что никто больше не нужен. Но почему на сердце такая тоска?

На работе она была тиха и задумчива – коллеги и приятельницы удивлялись. А на обеде одна из них спросила:

– Кирка! У тебя что-то не так? Что-то случилось?

Кира вздрогнула и поторопилась успокоить девчонок – стала как будто оправдываться.

Видела, что выглядит все не слишком убедительно – вроде и счастливая, добилась своего, а, выходит, нет счастья на свете?

Вечерами Мишка ее всегда встречал на платформе. И она, видя его нескладную фигуру на перроне, краснела, как девочка: скорее, скорее! Обнять его, взять за руку. Как она соскучилась! А вы говорите – нет в мире счастья. Есть, друзья, есть! Но и тоска на душе не проходит. И никуда она не девается, не исчезает – как ни уговаривай себя, как ни убеждай, что все хорошо... Так же, как и печаль. Выходит, все это – неперемное, необходимое сопровождение?

Вечерняя прогулка по зимнему лесу до их избушки взбадривала усталую Киру и немного приводила в порядок. А дома была вообще красота: тепло – к ее приезду Мишка, невзирая на просьбу хозяйки, осторожно, чуть-чуть, подтапливал камин, и в доме вкусно пахло смолой и дровами. Кира огонь обожала. В будние дни на хозяйстве тоже был Мишка, хотя изысков не наблюдалось, но тем не менее под подушкой, заботливо укутанная в два старых махровых полотенца, Кира ждала кастрюлька с горячей картошкой или пшенной кашей. Зажигали свечи

и садились ужинать. И снова счастье вливалось в маленькую кухоньку теплым облаком, садилось на спинки кресел, присаживалось на угол стола, повисало на оранжевом абажуре, цеплялось за карниз с занавесками, уютно, как старый домашний кот, укладывалось на вытертый коврик у двери. Счастье было везде – оно было разлито в воздухе, во всем пространстве. И в их измученных и счастливых душах.

И ночью никуда не исчезало – даже наоборот. Но не душило – аккуратно и деликатно окутывало крошечную комнатку и обнимало их двоих – осторожно и нежно, словно боясь напугать. Но Кира все равно пугалась – сама не понимая, что ее мучает и что пугает.

Раза два в месяц ездили в город, к Зяблику, на этом настаивал Мишка. Но и Кира не возражала – в конце концов, хоть какое-то развлечение. «Совсем мы с тобой одичали в наших лесах». Там все было по-прежнему – Зяблик курил сигару, выпуская густое и ароматное облако, пил неразбавленный виски, щелкал орехи и слушал музыку – джаз, блюз. Пижон! Нет, Кира прекрасно понимала, что музыка замечательная, тонкая, щемящая. И все же очень печальная, даже тоскливая. На ее настроение – в самый раз. Оглядывая гостей Зяблика, она, конечно, понимала, как отличается от всех этих женщин – модных, дорого одетых, ухоженных, ярких, красивых. Очень уверенных женщин – куда ей до них! Маникюр и стрижки, обувь и сумочки, косметика и духи. Шубки и сапожки. И она – в своей перелицованной юбке и кофточке с катышками.

«Нет, я конченная дура! – укоряла она себя. – Я же все про них понимаю, откуда и что». И все равно было неприятно – и стыдно, и неловко, и немного обидно. Она ловила на себе и муже удивленные взгляды гостей хозяина – уж очень они отличались от постоянной публики, торчавшей в Зябликовой квартире. Впрочем, особенно они никого не интересовали. В конце концов, в знаменитой квартире всегда было полно разного народу – и известные художники, и знаменитые артисты, и дипломаты из разных стран. И юные балеринки, порхающие пугливыми стайками. И валютные проститутки, и тайные миллионеры, и фарцовщики, и богатые детки известных родителей. Врачи и даже один генерал из органов – вот все тогда удивились!

– Нужный человек? – недобро усмехнулась Кира.

Мишка пожал плечами – он не любил, когда она подсмеивалась над его лучшим другом:

– Значит, так надо.

Вот и весь ответ.

Зяблик ставил итальянское кино, щедро накрывал столы – впрочем, как всегда. Человеком он был не жадным, это уж точно. Разливал французский коньяк и итальянские вина, потчевал шатию-братию севрюжкой икоркой и югославской ветчиной. Словом, гуляли. От выпитого и накуренного у Киры начинала болеть голова, и она шепотом принималась упрашивать мужа поскорее уйти. Мишка злился, а она, чувствуя себя виноватой, искренне не понимала:

– Ну что тут интересного? Ну что, ты не видел всех этих пижонов, центровых продажных баб и спекулянтов? Ты и они – смешно! И еще очень странно! Нет, я искренне не понимаю!

Мишка молчал и нехотя огрызался. В электричке сидели надутые. А выйдя на платформу, Кира брала мужа за руку, и тут же все проходило – как не было. Войдя в дом, вообще все тут же забывали – их милый дом, их любимое гнездышко. И что им, дуракам, еще надо?

Наступила весна, и Кира впала в панику. Когда хозяйка попросит освободить дачу? Та бормотала что-то неопределенное, ссылаясь на дочь и внука, – мол, когда те захотят заехать, одному богу известно. Дочка – самодурка. Что ей в голову вступит? А она бы так и сдавала – будь ее воля, и спокойно, и копеечка капает. Странно и неприятно было зависеть от чужой непонятной воли и от капризов незнакомой им женщины. Кира умоляла хозяйку предупредить хотя бы за пару недель, смущенно объясняя, что деваться им некуда.

Как ни просила, а вышло все по-другому, нехорошо. Хозяйка появилась ранним субботним утром и, пряча глаза, объявила, что съехать им надо немедленно – день-два максимум. Кира расплакалась. Ни Кирино возмущение – договаривались ведь! – ни ее уговоры и просьбы,

ни даже призывы к совести не возымели действия. «Дочь – самодурка и стерва, поделаться ничего не могу, да и вообще, у всех свои проблемы». Но уступила и благородно дала на сборы неделю – и на этом спасибо.

Что делать? Опять они выброшены на улицу, в никуда. Опять надо унижаться, торопливо искать выход, понимая, что так быстро он не найдется – вряд ли им снова так повезет. И как не хотелось съезжать! Стоял ранний и теплый апрель, на клумбах распускались фиолетовые и белые крокусы, снег почти растаял, обнажив зеленую траву. Уже пели птицы и хорошо пригревало солнышко. Красота. Но, увы, чужая, не их. Мишка впал в такой транс, что ни Кирины утешения и уговоры, ни искренние уговоры Зяблика: «Конечно, приезжайте! О чем ты!» – ничего не работало. Это была депрессия, болезнь пока еще не очень известная и не модная. Он почти ничего не ел, почти не разговаривал, валялся на диване или молча курил на крыльце.

А Кира снова металась – съездила в Банный, бестолково поболталась меж странных и неприятных людей – квартирных маклеров. Вдруг повезет? Не везло. Нет, квартиры сдавались – но цены! Совершенно неподъемные цены, куда им. Решилась и поехала в Жуковский. Прекрасно понимая, что общая жизнь с родителями у них не получится. Но не на вокзал же, ей-богу!

Мать выслушала ее с поджатыми губами и покачала головой:

– Нет, Кира, извини. Мы пожилые люди со своими привычками. Я все вижу наперед – сначала начнется недовольство, причем с обеих сторон. Потом скандалы – ты знаешь отца. Да и я не железная. Нет, дочь. Извини. И потом... – Она повысила голос. – А этот твой? Когда женился, не знал, что гол как сокол? И ты не знала?

Все правильно. Мама, конечно, права. И обижаться нечего – на правду вообще обижаться нечего. Только что делать? Но легко сказать – нечего обижаться! Конечно, обиделась. На всю жизнь. На похоронах матери стояла у гроба, и надо же – вспомнила! В такой момент и вспомнила! Стыдно было перед самой собой – уговаривала себя простить. Кажется, получилось. Тогда получилось. Но эта обида жила в ней долго, много лет. Мужу ничего не сказала – постыдилась. Родители, и не приютили единственную дочь – как о таком рассказать?

Обзвонили и оповестили всех – от хороших приятелей до приятелей приятелей. От близких родственников до дальних. Кира нашла даже в записной книжке бывших сокурсников. Ни-че-го.

Что делать? Заняла денег и ждала звонка от квартирного маклера. Тот, жуликоватый, похожий на лакея или приказчика, – лоснящийся ровный пробор посреди головы и заискивающая улыбка – обещал что-то придумать, что-нибудь подобрать. Наконец позвонил. Встретились они с ним в Медведкове и поехали смотреть квартиру – черт-те где, у самой Кольцевой. Тряслись на автобусе почти полчаса. Потом минут пятнадцать по жидкой вязущей грязи чапали до дома. В подъезде пахло кошками и мочой. Встали у хлипкой, почти картонной, двери – «приказчик» с пробором ковырял ключом в замке, а она думала: «Зачем здесь замок? Дверь, кажется, можно открыть легким толчком, без особого усилия и напряжения». Кира зашла в квартиру и разревелась. Квартира была абсолютно пустой – ничего! На кухне – плита и мойка, ни стола, ни стула, ни шкафчика. В комнате – два старых одеяла на полу, одна подушка с торчащими перьями и одинокая облезлая табуретка у окна. А как было холодно!

– И как тут жить? – всхлипнула Кира.

«Приказчик» тут же переменился в лице. Оно стало злым и колючим. Презрительно усмехнулся:

– А вы что хотели за пятнадцать рублей? Окна на Кремль и румынскую мебель? Радуйтесь этому.

Кира вытерла слезы и достала задаток – десятку. «Приказчик» хмыкнул, мотнул головой и попытался утешить:

– Да наберете с миру по нитке – кто стул, кто кровать. Вы ж не с Луны свалились! Знакомые-то у вас есть? – Сказано это было с пренебрежением и даже с брезгливостью.

Кира утерла ладонью щеки и коротко ответила:

– Разберемся.

– Ну вот! – оживился маклер. – А то и на помойке гляньте – район новый, люди переезжают из своих клоповников, покупают гарнитуры, а старье – на помойку! Только глядите, чтобы без клопов. Занесете в дом – пропадете! – Он сунул ей в руку одинокий ключ. – Ну устраивайтесь! С новосельем вас, так сказать.

Слабо хлопнула хилая входная дверь. Кира села на табуретку и снова расплакалась: «Да что за жизнь, господи? Одни унижения. Два взрослых человека с высшим образованием. Не приезжие – москвичи. С пропиской все как положено. И рыскать по помойкам в поисках дивана? Обзванивать знакомых и кланяться подушки, занавески, кастрюли, ложки-вилки и все остальное?» Нет. Она так не сможет. А куда ей деваться? И Мишке сказать нельзя – он еще больше впадет в депрессию. Ему-то каково, мужику? И про пустую квартиру она не скажет ему – пока не скажет. Зачем его унижать? Скажет потом, после – когда найдет какой-нибудь диван и еще что-нибудь. Ну и уберет здесь, все отмоет.

Она медленно встала, прошлась по квартире, провела рукой по подоконнику – он был влажный и очень холодный. На ладони остались грязные разводы. Она растерянно оглянулась – и вытереть нечем. Вымыла руки и с тяжелым сердцем вышла прочь.

Мишка был дома, и она удивилась – он был не то чтобы веселым, но возбужденным, почти радостным, другим. Глаза горели странным огнем, будто он выпил. Нет, вроде не пахнет. Да и спиртного в доме не имелось – накануне выпили последние полбутылки сухого вина.

Он усадил Киру на стул, сел напротив и взял ее за руки.

– Кирка! Я нашел выход, – смущенно покашливая и глядя ей в глаза, сказал он.

Она устало посмотрела на него:

– Какой выход, Миш?

В голове промелькнуло: «Какой выход, господи! Просто смешно. Он нашел выход! Как будто он есть, этот выход! А если и есть, то найду его я, а никак не он – это давно понятно». Она подумала, что очень устала. Знобило, подташнивало, да к тому же разболелась голова. Ей хочется горячего чаю и в постель, все. На разговоры у нее совсем не осталось сил.

Мишка сорвался со стула и заходил по комнате, как бывало всегда в момент сильного душевного волнения. Кира молча наблюдала за ним.

– Кирка! – наконец сказал он. – Я все решил! Мы уезжаем!

Кира нахмурилась.

– Да это и так понятно. Конечно, мы уезжаем. Точнее, нас выгоняют, Миша. Так будет правильнее. А впрочем, какая разница, как это назвать?

Он подошел к ней, взял ее за руки и помотал головой.

– Ты не поняла, родная! – Он улыбнулся. – Ты не поняла! Мы уезжаем совсем. Из страны. Я давно списался с Семеном. Ждал. Там есть место, Кира! Меня берут! Точнее – возьмут. Пусть пока на малую должность, почти лаборантскую. Какая разница? Я устраюсь, не сомневайся! В конце концов, с этим давно надо было заканчивать.

– С чем – с этим? – устало спросила она. – Ты о чем?

– Со всем этим. – Он скривился, как от зубной боли. – С нищетой, с безденежьем, бесприютностью. С тем, что ты, женщина, тянешь все на себе. А я, здоровый мужик... – Он замолчал и с отчаянием горячо продолжил: – Так больше нельзя, Кирка! Так больше невозможно, невыносимо! Унижение это, ну и все остальное.

Кира молчала, опустив глаза. А потом посмотрела на мужа и коротко спросила:

– Когда?

Он понял не сразу, а когда понял, облегченно выдохнул и быстро ответил:

– Как только оформимся. Это, конечно, не месяц. Но уж как получится. Главное, что нам стало все ясно – мы уезжаем! А все остальное – фигня! Так ведь, Кир? – Последнюю фразу он произнес жалобно, словно ждал от нее подтверждения. И, конечно, поддержки.

Она твердо посмотрела ему в глаза и проговорила:

– Да. Мы уезжаем.

И только после этого скривилась и расплакалась – сколько слез пролилось в этот день! Наверное, за полжизни. А впереди была бессонная ночь. Нет, не так – впереди было еще много бессонных ночей. Но эта была первой – из бесконечной череды всех остальных.

Кира думала о том, как она любит этот город. Эту огромную, безумную Москву – красавицу, без сомнения. Но подчас и коварную, и недобрую, и даже лживую. И все-таки она любит этот город, где не родилась, но который, безусловно, стал ей родным. Она любит и маленький, уютный и очень зеленый Жуковский – в нем прошла ее юность. Военные городки, в которых случалось проживать ее семье. Жаркий, с обжигающим ветром Кировабад, который она помнила плохо, кусками – шумный от гортанных выкриков местных смуглых, черноволосых, золотозубых людей. Вспоминался поселок в тайге – влажный лесной запах и хруст поломанных веток, печенье из геркулеса, которое пекла мама, – в городке подолгу не бывало муки. И шоколадную колбасу, которую мама готовила на ее дни рождения. И ледяную горку зимой, и мокрые мохнатые мальчуковые шаровары с комьями налипшего снега, уже почти льда. И запах лыжной мази – отец натирал ее лыжи в предбаннике возле квартиры.

И Новый год в городке – неперенный концерт в клубе, конечно, своими силами, чистая самодеятельность – артисты, даже провинциальные, до них не доезжали. Аккордеон, запах хвои от красавицы елки, запах апельсиновой корки, нарядные и прибранные жены военных, ревниво оглядывающие соседок. И пироги на любой вкус, испеченные ими же, женами. На пироги устраивались конкурсы – чей вкуснее. И Кира помнила, как нервничали женщины – кому достанется первое место? Кого назначат лучшей хозяйкой? Настоящие страсти кипели, неподдельная конкуренция. Наконец торжественно называлась победительница, шедшая медленно, с достоинством на украшенную гирляндами сцену. А все остальные провожали ее немного завистливыми и расстроенными взглядами. А на сцене ждал приз – господи, приз! – жалкая вазочка из прессованного хрусталя или льняная скатерка. Помнила Кира бесконечный стрекот швейной машинки – мама шила платья на праздник, и себе и Кире. И грибные походы по осени – большая компания, десяток женщин с детьми, резиновые сапоги, куртки, платки и корзины, огромные корзины для грибов. Грибов было действительно много. И перекус на поляне – бутерброды с салом, пирожки с повидлом и луком, холодная картошка в мундире и травяной чай из термосов. Настоящего черного чая не было – иногда завозили развесной краснодарский, пахнувший лежалой травой. Поэтому собирали травы: жимолость, побеги цветущего вереска, молодые нежные листья таволги и бадана, листья брусники, кипрея, сушили ежевику и землянику. Вкусно, полезно, а главное – доступно и совершенно бесплатно. Какой это был чай! Возвращались с огромными горами грибов – крошечных боровичков, красноголовиков, рыжиков и груздей – белых и черных. Все остальное просто не брали – куда девать этот мусор, когда и благородного улова завались?

А по ночам чистили – голова падает на стол, руки черные, а гора на столе не уменьшается. Наконец мама сжаливалась и отправляла ее спать. Кира падала на кровать и тут же проваливалась в сон, как в черную яму – еще бы, устала!

А утром будил запах – с раннего утра мама варила грибы. Над плиткой сушились вязки боровиков – и сладкий грибной благородный дух витал по квартире.

Грузди и рыжики солили в эмалированных ведрах – из них несло чесноком и укропом. Мама придирчиво пробовала соленый гриб и качала головой – рано. А когда они «поспевали», их раскладывали по стеклянным банкам и сносили в погреб, который под домом, в подвале, сделали мужики – общий, для всех. На полках стояли надписанные банки: Фроликовы, Иван-

ченко, Тезасяны, Крупинниковы, Валиевы. Даже азербайджанцев Валиевых приучили к грибам. «Иначе не получится, живем на подножном корме», – вздыхая, говорили женщины.

По осени начинались ягоды – брусника, клюква. В августе – малина, в июле – черника, а еще раньше, в июне, земляника. Труднее всего было собирать лесную малину – колючие кусты царапали руки и ноги. Но и клюква с брусникой не праздник – болото, чавкающий мох, мошка, комары.

– Да ладно! – отмахивалась от ноющей дочки мать. – А зимой? Что будешь лопать? Ага, вот именно! Печенье с земляничным вареньем, брусничный кисель! А соленые грибочки с картошкой? Вот и трудись, дочь. Без труда, сама знаешь...

Кира знала. Но знала и другое – в больших городах так не живут! В больших городах не расчесывают по ночам до крови искусанные мошкой руки и ноги, а главное – лицо. В больших городах нет погребов, а значит, не надо заготавливать впрок тысячи банок. Не надо топить печку, стоять часами за мукой и селедкой, ходить за хлебом через лес в соседний поселок – именно там и находилась пекарня. В больших городах продавались апельсины и мандарины, капроновые разноцветные ленты для кос и немецкие резиновые пупсы – как настоящие младенцы, вот-вот закричат. Как ей хотелось жить в большом городе, где никто не знает друг друга, где нет дурацких разборок и сплетен, где женщины не судачат о жене военкома. Нет, в городке было много хорошего – и подружки, и медведик. Правда, его увезли. И ледяная горка зимой, и теплая печка, у которой так уютно было погреться.

Но большого города не случилось – она попала в Жуковский. Снова провинция. Мама успокоила – до Москвы-то всего ничего. Полчаса, и ты в столице.

Кира помнила, как в первый раз они, всей семьей, поехали *в город* – так родители называли Москву. Красная площадь, улица Горького, Казанский вокзал. И бесконечный народ – везде, повсюду. Народ торопится, сует, толкается. Хмурится. Она замерла от недоумения и восторга – ее ничего не расстроило, нет!

А мама смеялась:

– Ну? И как тебе эта сумасшедшая Москва? Неужели нравится? Безумный город. Зачем он тебе?

Кира, сглотнув слюну от волнения, только кивала – ага, безумный. Только ей очень нравится.

А потом было кафе-мороженое, металлическая вазочка с шоколадным и ванильным шариками, политыми кисленьким вареньем. И жареные пирожки с мясом – длинненькие, ровненькие, как столбики. Из знаменитого Елисеевского – Кира могла съесть сразу три или даже четыре. И памятники Пушкину и Маяковскому. И Гоголю на зеленом бульваре, где только-только распустилась сирень. И Пушкинский, и Исторический, и Третьяковка.

Там было все, в этом городе, – театры, цирк, кафе и магазины. Там были нарядные, модные и загадочные женщины, за которыми струился шлейфом прекрасный и волнительный запах духов. Из булочных пахло теплым хлебом и ванилью, мороженое было восхитительно нежным и растекалось на языке, в магазине продавались дефицитные золотистые малюсенькие рыбки – шпроты, в стеклянных конусах – разноцветные соки: красный – томатный, прозрачный желтый – яблочный, а темно-бордовый, густой, как сметана, – сливовый с мякотью. В жужжащей колбе взбивался необыкновенный молочный коктейль – холодный, сливочный, с густой пенкой. На прилавках лежали свежие огурцы и краснобокие яблоки.

По величавой реке Москве с зелеными берегами ходили смешные и ловкие речные трамвайчики – все радость, восторг.

Она сразу полюбила Ленинские горы, густо поросшие зеленью, Парк Горького с колесом обозрения и комнатой смеха, высотки на Восстания, в Котельниках. Университет. Как Кира мечтала туда поступить и влиться в эту веселую, нарядную и смелую толпу студентов. Она открыла для себя тихий и немного провинциальный Арбат – гордость москвичей, розово-жел-

тое купеческое Замоскворечье – тихое, спокойное, умиротворяющее, наверняка как в старые добрые времена.

Это был не город – это была сказка, мечта. Мираж. И Кира уже тогда точно знала – жить она будет здесь. Только здесь и нигде больше. И никуда из этого рая, из этой несказанной красоты, от этого счастья она не уедет! Ни-ког-да и ни за что.

И, надо сказать, этот город отнесся к ней благосклонно, не обманул и почти сразу принял в свои объятия. Нет, конечно, он был разный – были скучные и предсказуемые окраины, густо застроенные унылыми пятиэтажками. Разбитые дороги и тротуары, полупустые магазины, хамоватый и резкий народ. Но на Кирину любовь это не повлияло. Она по-прежнему, по-детски, счастливо и радостно, беззаботно и наивно, почти безоглядно была влюблена в этот город. В котором – в этом она была абсолютно уверена – ей предстоит прожить всю свою жизнь. Всю свою длинную и счастливую жизнь. Здесь она будет счастлива – не сомневайтесь. И здесь родятся ее дети – двое, не меньше. Мальчик и девочка, Лизонька и Сережа. Вот, даже имена придумала – а что, красиво, правда?

Она тут же вступала в яростный спор, если кто-то принимался ругать ее Москву – только попробуйте!

Она легко поступила в институт – нет, не в вождеденный Университет, родители уговорили не рисковать, а в МИСИ. На прозаический факультет – градостроительство. Да, скучноватый и какой-то обыкновенный, не романтичный – какое нынче у нас градостроительство! Ну да ладно – все равно получилось главное: она училась в Москве! Общежитие положено не было – прописка была подмосковной, но Кира часто оставалась ночевать в общежитии у подруг. И за окнами снова гудела, шумела Москва.

А вот сейчас получалось, что из этого города, предназначенного ей судьбой, она должна была уехать. Расстаться с ним, как расстаются с любимым. Бросить, предать. Навсегда.

«Господи, о чем я думаю! – вздрогнула Кира. – Москва! Подумаешь, город! А родители? Как я забыла о них? Как сказать им об этом? Коммунисту отцу? Маме, не воспринимающей никаких критических разговоров про советскую власть, пусть даже вполне справедливых?»

Вспомнились слова отца: «Ты дочь военного!» Он повторял это всегда, когда Кира принималась капризничать или на что-то жаловаться. Дочь военного – это была карма, судьба. Это определяло характер – нить, скулить, жаловаться не полагалось. «Ты дочь военного».

Господи... Отца же тут же отправят на пенсию! На что они будут жить? Как они вообще будут жить одни? Ведь впереди только болезни и старость. Она посмотрела на спящего мужа – Мишка похрапывал, и ей показалось, что он во сне улыбается. Мечтает о новой, светлой жизни? Наверное. Он натерпелся, все верно. Но ему легче – его родителей давно не было на этом свете. А Катя, дочь? Как он оставит ее? И Нина – с ней тоже придется разбираться. И кажется, – Кира вспомнила, – нужно будет отдать крупную сумму денег, алименты до восемнадцати. Точно, есть такой закон: обеспечить дитя, предатель Родины! А где взять такие деньги? Где? Даже не у кого занять. А, Зяблик! Да, только Зяблик, а кто же еще?

Допустим, с Ниной он разберется. Но Катя? Он так любит дочь. Ладно, в конце концов, пусть это звучит отвратительно, но это его проблемы. А ее родители, как ни крути, проблемы ее.

Чистая правда Мишкины слова – терять им нечего. Уезжают многие, даже те, которым есть что терять – квартиры, машины, дачи, работа, успех, признание, деньги. И уезжают! Говорят, что за свободой, которой здесь так не хватает. А им и вправду терять нечего – ничем обрасти они не успели. У мужа работы нет. Ничего у них нет, ничего. Кроме друг друга. Но страшно. Все равно страшно – новая жизнь, которую придется начать с нуля. Все непонятно и незнакомо.

Но они молоды, у них есть образование, головы, наконец. Будущее. Там – есть. Здесь – едва ли. Или не так? Или все дело в них самих и нечего искать виноватых? Это они не

смогли пробиться, и нечего винить советскую власть. Это они – безрукие, неприспособленные придурки. Вон, оглянитесь! Ровесники вступают в кооперативы и через год заезжают в новые квартиры. Копят и гордо усаживаются в новенькие и блестящие «Жигули». Достают у спекулянтов австрийские замшевые сапоги и дубленки, французские духи и финскую колбасу. Билеты в «Ленком» и «Современник», на премьеры в Дом кино. Запросто проходят в лучшие рестораны – и важные, похожие на генералов, в золотых галунах, швейцары с почтением и поклоном открывают перед ними тяжелые двери.

Значит, просто эти люди умеют жить? Договариваться, заводить полезные знакомства, не гнушаются мясниками, ловко отрубающими палку свиного карбоната? Размалеванными продавщицами, с опаской и оглядкой вытаскивающими из-под полы импортную кофточку или помаду? Официантами, сноровисто запихивающими трешку в карман. Парикмахерами, устало, с одолжением разглядывающими твою плохо постриженную и заросшую голову. С капризными и всемогущими кассиршами в театральных и железнодорожных кассах. Это они умеют подносить нужным людям подарочки, шутить, рассказывать анекдоты. Быть «своим» – или нужным, или просто платежеспособным. Унизительно? Да бросьте! Такая жизнь – что тут поделать? Иначе не получается. Нет, можно, конечно, иначе, без унижений. Только разве не унижение все остальное? Серая колбаса, купленная в обычном магазине. Отвратительный кофе из пачки с зеленой полосой? Кошмарное темное мясо с огромной костомахой? Советский легпром – колоды на ноги, мешковина на тело. Это не унижает? Нытье перед вокзальной кассой, в аптеке, в галантерее. Бесконечные очереди – кажется, отстоишь в них полжизни. И вечный подсчет копеек до зарплаты. И нескончаемые долги: заткнешь одну брешь – и тут же другая. А вранье? Везде, повсюду – по телевизору, по радио и в газетах? А невозможность купить хорошую книжку?

Да, они не умеют жить, все так – интеллигенция! За это, кстати, их многие презирают. Да, они не умеют зарабатывать деньги. Да, они такие – неловкие, дурацкие, глупые и гордые. Хотя – чем гордиться? Своим неумением жить? Тоже мне доблесть. А там, за бугром, в этой пресловутой Европе? Как сложится там? Они же не изменятся! Они такие, какие есть. Может, нигде у них не получится? А как это понять? Да никак.

У Киры началась паника – нет, нет и еще раз нет! Они не смогут, не потянут, у них ничего не получится. Надо срочно отговорить Мишку – делать это нельзя, невозможно! Ее родители, его дочь. Ее страхи. В конце концов, здесь – их дом. Их страна. Родной язык. Друзья. Родня. Разве этого мало? И все это менять на призрачное благополучие? Она готовила свою пламенную и, как казалось, убедительную речь. Но Мишка может ответить: «А как же Семен? А Андрюшка? Разве они толковее, талантливее меня?»

Действительно, почему не сможет ее умный Мишка? Трудяга, талант, светлая голова? Мишка, выгнанный, униженный, почти уничтоженный и растоптанный? И она – тоже почти разбитая, вечно усталая, хмурая, недовольная, остро подмечающая все вокруг? Не желающая принимать эти правила игры? Дочь военного, как же. Пионерка и комсомолка. И просто гордая и честная женщина. Ей противно. Противно все это. А по-другому, выходит, нельзя. Не получается по-другому.

И она любит его. А для него это шанс, которого, скорее всего, здесь не будет. Это они понимают, хотя вслух об этом не говорят – слишком больно и слишком страшно точно знать, что эта дыра навсегда.

«Нет, правда, подумай, Кира! – уговаривала она себя. – Что нас тут ждет? Даже черт с ним, с бытом, со всеми этими импортными колготками, сухой колбасой, «Жигулями» и прочими благами! В конце концов, все это можно пережить, мы не избалованы, привыкли. Главное – Мишка. Мишка, с его неустроенностью, с его депрессиями, тоской и потерей вкуса к жизни. Вот что страшно, вот где почти смерть. Как она может остановить его, не дать ему шанс? И как потом с этим жить?»

Ради мужа она должна это сделать. Там есть надежда. А здесь ее нет. Здесь она не может даже родить – куда принести ребенка? А ведь еще пара лет, и будет поздно. Правда, там тоже надо прижиться, устроиться. И получается, что будет тоже не до ребенка.

«Все, Кира, остановись! Хватит нюнить и разводить сопли. Мы молодые, здоровые. Мы вместе! И значит, все получится! Просто надо решиться. Или прозябать дальше в этой ужасной пустой и холодной квартире? В этой камере с видом на черный лес и Кольцевую? И платить за это огромные деньги, треть зарплаты? Клянчить подушки и сковородки? Нет, невозможно. Уезжаем».

И понеслось. Вызов из Израиля – иначе никак. Никакой родни у Мишки там не было – у него вообще не было родных. Вызов присылался каким-то сложным, загадочным путем, через знакомых – это была нормальная практика, было налажено. Главное, чтобы была хоть какая-то еврейская кровь. Мама у Мишки русская, Ольга Сергеевна Калязина, из деревни Верхушки, что в Псковской области. А вот отец – еврей, правда наполовину, но этого было достаточно.

Вызов пришел довольно быстро, и Кира снова испугалась – держала в руках узкий хрустящий конверт и тряслась: их решение обретало реальную форму. Нет, она почти успокоилась и внутренне почти приняла его. Но тут обнаружилось, что она беременна. Что делать? Ехать туда с пузом и сесть Мишке на шею, да еще и вдвоем с малышом? Остаться здесь? Нет, невозможно – ей будет нужно уйти в декрет, муж по-прежнему без работы, квартиры по-прежнему нет. Принести ребенка в этот кошмар в Медведково? В этот вечный свистящий сквозняк?

Она ничего не сказала мужу. Понимала, чем это закончится – Мишка никогда не позволит ей сделать аборт. Но аборт состоялся. В больницу она приехала утром, к семи. А к вечеру уже была дома. Все, история эта закончилась. И она правильно сделала – все правильно, да. Ради них, ради Мишки. А знать об этом ему и не надо – зачем причинять новую боль?

Они обрели новых знакомых – «отъезжантов», как их называли. Публика, надо сказать, тут была разная – и научная интеллигенция, прижатая властями, и торгаши, убегающие от тюрьмы. И люди творческие – довольно известный пожилой актер с молодой и очень красивой женой, и неудачливый поэт, и немолодая балерина, давно оттанцевавшая свой балетный век и тоже выкинутая за борт.

Была пара, уезжающая ради больного ребенка, – помочь мальчику могли только там. Кто-то презирал власть и даже пытался бороться с ней. Кто-то мечтал о тряпках и полных полках в магазинах. Кто-то задумывался о будущем своих детей.

Многие оставляли родителей, ни в какую не желающих уезжать. Без сожаления бросали квартиры, дачи, машины, надеясь, что там, в новой жизни, всем этим добром они сто раз обернут. Все были воодушевлены, возбуждены, и без конца из уст в уста передавались бесчисленные рассказы об уехавших знакомых – конечно же, самые радужные и обнадеживающие. Все тут же устраивались на работу, почти сразу покупали большие машины и дома с лужайками, все лечились у замечательных врачей, щеголяли в модных тряпках и питались замечательными продуктами. Из рук в руки передавались цветные блестящие фотографии – не фотографии, а картинки из сказки. И вправду, машины были длинными, блестящими и серебристыми, тряпки – немыслимые джинсы, платья и кофточки – восхитительными. А еще йогурты всех цветов и любого вкуса – малиновый, грушевый, клубничный, чистые, без единого бочка, яблоки и груши, как искусственные – такие ровные и красивые. Такие бывают?

И чистейшие, гладкие, без единой жилочки и косточки, ровные куски мяса – загляденье, сладкая греза любой хозяйки. И гладкие розовые курочки с толстыми боками. При виде них перед глазами тут же всплывали в памяти родные синие птицы с крючковатыми желтыми, страшными когтями. Да все, господи! Все красивое, как из сладкого сна. Невозможного и нереального. А улицы? Такие чистые улицы – неужели такое бывает?

Все писали о совершенно невозможных, невероятных соседях и случайно встреченных незнакомых людях на заправках, в лавках и банках, которые постоянно улыбались и искренне

готовы были помочь. И снова все качали головами и дивились: так бывает? Без нашего вечного хамства, вымогательств, гнусных чиновничьих рож? С улыбкой, добром и без унижений? Не очень верилось. Но в душе поднималась горячая волна – и у нас будет так же! И у нас будет красивая, сытая и счастливая жизнь. Интересная и любимая работа. И наши дети будут расти в этом мире – мире добра и любви. И сердце затопляла гордость за свою отвагу, решительность, смелость.

По рукам ходили списки, что обязательно надо везти и что – точно не нужно. И что интересно – списки составлялись для «богатых» и «бедных». В список для «бедных» входили спальные мешки, кухонная утварь, включая ручную кондовую мясорубку – на первое время, цветной телевизор «Юность». Ковер – непременно, а лучше – два: один себе, один на продажу, там они прекрасно идут! Только вот ковер надо было достать. И вдобавок нужны были деньги, чтобы его купить. История не для Киры с Мишкой, хотя новые знакомые предлагали помочь – возможности у некоторых были немалые.

Были в списке и подушки, и постельное белье, и почему-то ситцевые ночнушки, и даже горчичники с валокордином – смешно. Ну валокордин им точно не нужен, а вот белье и подушки вполнегодились бы.

Книги оставались у Нины, в той семье. Мишка мечтал их забрать, к тому же подошло время для объяснений, надо было решать вопрос с алиментами для Кати. Кира видела: Мишка надеется, что Нина благородно не станет требовать деньги с безработного бывшего мужа. Кира, конечно, в это не верила – Нина остается с дочкой одна. Да и к чему благородство? Да, он оставил ей квартиру. Но когда это было и сколько воды утекло!

Решили так – на один день они разъезжаются. Мишка – к Нине, Кира – к своим. На самый трудный в их жизни разговор. Одновременно будет легче – каждому будет не до переживаний за другого.

Кира нервничала так, что с ночи страшно разболелась голова. По слабости духа подумывала разговор отложить. Но, увидев Мишкино решительное лицо, передумала: пропадать – так вдвоем! У них все вдвоем, пополам, вся их совместная жизнь.

На улице обнялись.

– Как на войну, – грустно усмехнулась Кира.

Мишка молча кивнул.

Дорогой в Жуковский Кира всплакнула – всех было жалко: и родителей, и себя. Но требовалось еще и родительское разрешение – вот и это было проблемой. Хотя чего ждать, на что рассчитывать? Реакция матери и отца была вполне предсказуемой – и Кира это отлично понимала.

* * *

Мать выглядела озабоченной и Кирино настроении, кажется, не заметила – вечно болеющий муж теперь был ее основной проблемой. Что там дочка? У нее давно своя жизнь, она давно отрезанный ломоть.

Кира села на кухне, и мать спросила:

– Голодная? Есть будешь? У меня сегодня кислые щи.

Кира обреченно кивнула: обед – небольшая оттяжка. Пусть будут щи.

Отец к обеду не вышел – спал. Мать посетовала, что он теперь много спит. Только приляжет, сразу засыпает. Ну и уже легче. При отце начать разговор было совсем страшно. Она молча хлебала щи и готовилась. «Кажется, так я никогда не боялась», – подумалось ей. Но и это надо пройти. Надо. И она это пройдет.

Наконец выдавила, как пискнула:

– Мама, у нас для вас новость. Не слишком приятная, но неизбежная.

Мать вскинула брови:

– Ну-ну! – поджала губы. – Чего от вас ждать? Одних неприятностей.

– Мама! – выдохнула Кира. – Мы уезжаем.

Мать растерянно моргала глазами – не понимала.

– Куда? – булькнула она. – И надолго?

Страшно было произнести – «навсегда».

Кира молчала.

Мать повторила:

– Куда вы собрались? Что еще в голову вздумалось этому твоему?

Кира оборвала:

– Мужу, мама! Как бы тебе это ни нравилось, Миша мой муж. И хватит, пожалуйста! –

Помолчала с минуту и как в воду: – Мы уезжаем насовсем. Насовсем, мама! И вам надо принять наше решение. Ты же знаешь. – Кира, ободренная материнским молчанием и растерянностью, затараторила: – Мама! Ты же знаешь, что у Мишки с работой! Ты же знаешь, как мы живем. Тебе же известно, где мы и как. Мы устали слоняться по чужим углам! Мы уже взрослые люди и... – Кира заплакала.

Мать молчала.

– Мама! – выкрикнула Кира. – Ну не молчи! Умоляю! И еще – пойми меня! Пойми нас! Мама, пожалуйста!

– Вас? – хрипло сказала мать. – А меня? А отца? Нас кто поймет? – Она резко встала со стула и вышла из кухни.

Кира сидела как прибитая. Уйти? И что дальше? Что вообще дальше? Как быть? Так и сидела бы до второго пришествия. Если бы не услышала рыдания матери. Встала, прошаркала, как старуха, по коридору и наконец решилась зайти в комнату, где спал отец. Он лежал на спине с закрытыми глазами. «Как мертвец, господи», – мелькнуло у нее. Мать, притулившись на краю кровати, рыдала, закрыв лицо руками, и приговаривала:

– Беда, Костя, беда. Ой, какая большая беда!

Сердце сжалось до невозможно острой, как вспышка, боли.

– Мама! – выкрикнула Кира. – Ну какая беда? Ты же все знаешь! Тебе все известно про наши мытарства! Выхода нет, понимаешь? Мишка погибнет. Еще пару лет – и погибнет! А там – там я рожу! Это здесь я старородящая, убогий и презираемый перестарок. А там и после тридцати рожают, мама!

«Все, аргументы кончились», – подумала она.

Но мать прекратила рыдать – в секунду, как выключили. И спокойным голосом ответила:

– Погибнет? Как же! А если и погибнет, так и, прости, слава богу! Выйдешь нормально замуж – у тебя еще есть пара лет. А про внуков – да что это нам, если мы их не сможем растить?

Пораженная, Кира молчала, хватая ртом воздух, как выброшенная на берег рыба. Наконец из горла вырвался хриплый, сдавленный крик:

– Господи, мама! Как же ты можешь! Он... Я же люблю его, мама!

– Юля, – тихим голосом откликнулся отец. – Прекрати. Пусть делают что хотят. Их жизнь. Пусть коверкают, ломают – их право. А то, что дочь вырастили такую, так это к нам, а не к ней.

Он открыл глаза и повернул голову к Кире:

– Подпишем тебе твои бумаги, не беспокойся. Все, что надо, подпишем. И давай – в новую жизнь! У вас там получится, не сомневаюсь – если через нас перешагнула, через родину.

Кира ничего не ответила. Последнее, что запомнилось, – глаза матери, растерянные, удивленные и не верящие услышанному. Неужели это сказал ее муж? Как же так? Ведь она так на него рассчитывала.

Кира шла по улице и ревела. Облегчения не было – вроде бы все разрешилось, слово отца закон, как он сказал, так и будет. Отец не из тех, кто меняет решение. Только горечь на сердце, тоска. Душа рвется на части. А они ведь правы, ее старики! Хотя какие они старики? Слегка за пятьдесят – разве это возраст? Но очень скоро они и вправду превратятся в стариков. Отец и сейчас постоянно болеет – сказывается тяжелая жизнь в гарнизонах. Мать еще держится – женщина всегда сильнее. Но ведь они правы, а? Как они будут без поддержки, совершенно одни? Но разве есть альтернатива? Разве она может отказаться от их с Мишкой решения? Ну допустим, она остается – без любимого мужа, без надежд, без перспектив. По-прежнему без угла. Только теперь совершенно одна. С очень незначительным шансом устроить личную жизнь, потому что в первую очередь это не нужно ей самой. Окончательно без детей – это понятно. Но родителей не бросит. На алтаре две жертвы – родители и муж. Кого она выберет?

Вернуться к ним? Хорошо, и это допустим. Хотя что тут хорошего? Не уживутся они. Никогда. Даже в юности было сложно. А уж теперь! Но самое главное не это – самое главное, она им никогда не простит, что они сломали ее жизнь и лишили любимого. И довольно скоро – или не очень скоро, особой разницы нет, это все равно обязательно случится – она начнет их ненавидеть. Одинокая старая дева, снимающая убогую комнатку на задворках Москвы, считающая жалкие копейки, еле выживающая, – в такую она превратится очень скоро, лет через пять. А то и раньше. Нет, конечно, она их не оставит – будет мотаться по воскресеньям, проклиная и ненавидя свою одинокую жизнь. Отстаивать очередь за колбасой и «Юбилейным» печеньем, вырывать из чьих-то рук тощую синюю курицу – гостинцы родным. Тащиться в холодной электричке и снова проклиная свою судьбу.

А там, у родителей, бросаться пятеркой – мать непременно будет требовать, чтобы дочь взяла деньги: «Ты же и так считаешь копейки!» В результате, конечно, они поругаются. Кира откажется обедать, наорет на мать, швырнет на стол банку с вареньем – ответный гостинец – и, громко хлопнув дверью, с облегчением выкатится за дверь. А в электричке снова примется реветь. А потом вернется в чужой угол, на чужую кровать. И опять одиночество – кошмарное, дикое, беспросветное. Уже окончательно и навсегда.

А потом кто-то из них уйдет – уйдет первым. Это жизнь, это нормально. Допустим, отец – это скорее, хотя бывает по-всякому. Если мама останется, она справится. А если останется отец? Он не сможет себя обслужить – ему и сейчас это сложно, без мамы он никуда. И она, хорошая дочь, конечно же, переедет к нему – это не обсуждается. Ну и все, что к этому прилагается, – уход, врачи, таблетки, уколы. Каши на воде. Нытье, капризы. Мать привыкла, терпит – муж. А она, дочь? Нет, она не стерва – она, безусловно, исполнит свой долг. Станет выслушивать жалобы, претензии, терпеть. Злиться, раздражаться, но терпеть, неумолимо превращаясь в окончательную скрипучую зануду. Только простить ему она не сможет, нет! Меняя белье, купая его в ванной, подавая ему еду, она всегда – всегда! – будет вспоминать, что осталась из-за них. И это чистая правда.

Ну а если первым уйдет отец, с матерью начнутся вечные ссоры. Они никогда не понимали друг друга. И никогда – никогда! – она не забудет и не простит ей те слова: «Погибнет? Как же! А если и погибнет, так и, прости, слава богу! Выйдешь нормально замуж – у тебя еще есть пара лет».

Никогда. Если только не наступит полнейшая амнезия.

Ну а потом Кира стала себя успокаивать. «А на что ты рассчитывала, дорогая? На горячие объятия и бурную радость от эдакой вести? Ага. Ты, кстати, думала, что будет куда хуже – например, они откажутся подписывать разрешение на выезд. Была почти уверена в этом. И получается, что все сложилось совсем неплохо. В обморок никто не упал, «Скорую» не вызывали. Свыкнулся с мыслью, привыкнул – деваться-то некуда. Ни им, ни мне», – вздохнула она и слегка успокоилась. Надо подождать, переждать, и все устаканится. Главное, что она решила. И без потерь не бывает – во всяком случае, в подобных ситуациях. Всегда надо жертвовать.

Всегда будут жертвы. В конце концов, таких, как они, сотни и даже тысячи. И все как-то живут. Жестоко? Жестоко. Будет за это платить? Безусловно. Готова? Готова. И переключилась мыслями на Мишку: «Как он там»?

Домой почти бежала. «Домой»... По темным окнам поняла – его еще нет. Сердце сжалось. Открыла дверь и поняла, что Мишка дома – споткнулась о его ботинки в прихожей. Бросилась в комнату – одетый, он лежал на кровати.

Села на край:

– Мишка, милый! Все – плохо?

Он дернулся, кашлянул и мотнул головой:

– Нет, все в порядке, если можно так сказать. – Истерично и коротко хохотнул.

Про нее не спросил – боялся?

Не дождавшись сколь-нибудь вразумительного ответа, Кира пошла раздеваться. В квартире, как всегда, было прохладно. Как ни заклеивай окна, как ни подкладывай под разбухшие от сырости рамы старые полотенца, все равно дует из всех щелей. И не справиться с этим никак.

Надела старый теплый свитер, шерстяные носки, треники – и пошла готовить ужин. Открыла холодильник – почти пусто. В морозилке валялась пачкапельменей – вот оно, счастье! Такое простое и незатейливое, такое бедняцкое и насмешливое счастье. От отчаяния и жалости к себе брызнули слезы. Поставив на плиту кастрюлю с водой, Кира встала у окна. Было темно. Фонари не горели. От порывов ветра хлопала дверь подъезда. По темной Кольцевой проезжали машины, и от их фар коротко и ненадолго освещалась улица. Впрочем, пора было ставить чайник. На этой чертовой плите под названием «Лысва» он закипал не меньше чем через полчаса. Не дождешься – особенно по утрам, когда торопишься на работу. Вытащила пельмени, достала из холодильника майонез – тоже дефицит, кстати, – и пошла в комнату.

Мишка дремал – уже хорошо. Укрыла его одеялом и пошла есть одна – будить нельзя, пусть отдохнет. С трудом глотала уже остывшие пельмени, запивала горячим чаем и молча глотала слезы. Вымыв тарелку, осторожно легла рядом с Мишкой. Тихонько прижалась и закрыла глаза. И наступило блаженство. Такой покой наступил, что она улыбнулась. Вот ее жизнь. И по большому счету, никому, кроме друг друга, они не нужны в этом мире. У матери есть отец, и наоборот. У Кати есть мать и бабушка с дедушкой. А у них с Мишкой никого больше нет. Выходит, все они правильно делают. И все они переживут и через все пройдут. А может, не так все и страшно? С этими мыслями она наконец уснула.

У Мишки – вот странное дело! – выходило все более-менее. Нина новость восприняла спокойно и даже сказала, что внутренне была к ней готова. Не то чтобы поддержала бывшего мужа, но постаралась понять. Про Катю разговоров не было – что обсуждать? Что обсуждать, кроме денег?

Стала оправдываться: «Ты должен меня понять. Тяжело поднимать одной. Да, от тебя и раньше-то финансовой помощи не было – если по-честному. Не обижайся. А вот поддержка была – ты был рядом. Но пойми и меня. Обдирать тебя не буду. Много требовать – тоже. Но извини, дружба дружбой, как говорится...»

Короче говоря, итог переговоров был таков – две тысячи рублей. Деньги огромные, неподъемные. А еще предстояло купить кое-какие вещи в новую жизнь. Оставалось одно – идти на поклон к Зяблику.

– А если откажет? – тихо спросила Кира. – Что будем делать?

Мишка с надеждой ответил, что вряд ли. Для Зяблика это не такие уж дикие деньги. Про то, когда они отдадут этот долг, оба молчали. Что они знали, что понимали? Да ничего.

К Зяблику отправились в первые же выходные. Ехали как на каторгу. Понимали: если откажет – все, конец. Нет, был еще малюсенький шанс уговорить Нину обождать, пока они устроятся. Но не хотелось. А просить в долг хотелось?

У Зяблика было все по-прежнему – шумно, накурено, по дому слонялись красивые девицы, стол был уставлен яствами, пахло хорошими духами, настоящим кофе, кожей – уверенностью и богатством. В духовке запекалась баранья нога, и аромат был такой, что Кира громко сглотнула слюну.

Зяблик, в вельветовых, в крупный рубчик, зеленых брюках и в белом свитере, был, как всегда, хорош и вполне соответствовал всей обстановке. Вернее, обстановка соответствовала хозяину. Да и что могло измениться?

Негромко играла музыка, и Кира устало опустилась в кресло. «Сейчас решается наша судьба», – грустно подумала она.

Мишка с Зябликом удалились в кабинет.

Не было их минут десять, не больше. Кира вздрогнула, увидев их на пороге гостиной, – Мишка был весел, Зяблик растерян. Муж махнул Кире, позвал ее на кухню. Дрожали руки, дрожали ноги. Расселись, и Зяблик молча разлил коньяк и порезал лимон. Сел напротив.

– Ну, други! Покидаете, значит, меня?

Кира видела, что Зяблик расстроен, но внутри ликовала – было понятно, что деньги он дает. Зяблика быстро развезло – впрочем, и пузатую бутылку «Камю» они уговорили минут за двадцать.

– Вот, – наконец проговорил он, – и начались мои потери. Рано как-то. Нет, ребята, я все понимаю! Хреново у вас. И вы, наверное, правы, – жизнь покажет. Но я вам желаю от чистого сердца – уж в этом вы, надеюсь, не сомневаетесь!

Кира с Мишкой дружно кивнули.

– Но как я без вас? Как я без Мишки? – Зяблик пьяно хлюпнул носом.

Мишка накрыл Зябликову руку своей и тоже захлопал. Кира встала, чтобы сварить кофе. Смотреть на них было непросто. «Всех жалко, – подумала она. – Все мы, по большому счету, одиноки. И даже Зяблик, вечно окруженный шумной толпой приятелей и прихлебателей, ни на минуту не остающийся в одиночестве, сейчас кажется совсем одиноким – ни семьи, ни детей. Бедные люди, бедные мы! Всех жалко. И себя – в том числе».

Но выбор сделан, и главное, что есть деньги. Путь открыт – добро пожаловать!

В целом, надо сказать, все складывалось довольно удачно. Про родителей и алчных бывших жен истории рассказывали разные, и даже страшные, между прочим, – Кира их слышала. К своим решила пока не ездить – пусть успокоятся. Правда, время поджимало – пора было оформлять документы, а без разрешения от родителей это было невозможно.

Дел было полно. Все-таки купили по мелочи: две кастрюли, пару сковородок, дешевый сервиз – это все называлось «на первое время». Кира воодушевленно бегала по магазинам – раньше такое за ней не водилось. С работы она уволилась – по-другому было нельзя. В Медведках телефона не было, позвонить родителям было невозможно. Наконец она собралась с духом и поехала – дальше откладывать было нельзя. На станции позвонила – трубку сняла мать. Услышав Кирина голос, заплакала:

– Доченька, дочка!

Кира от неожиданности оторопела – не ожидала такого приема. От волнения сердце заколотилось – вернулась на перрон и купила у бабульки букетик подснежников.

У двери квартиры постояла, попыталась справиться с волнением, выдохнула и наконец позвонила.

Мать тут же открыла дверь и выкрикнула в квартиру:

– Отец! Кирочка наша!

Кире опять показалось, что она попала не туда, не к своим – такого не может же быть!

Мать обнимала ее, вглядывалась в ее лицо, гладила по голове и причитала. Было такое ощущение, что встретились они спустя долгие годы разлуки – будто Кирина эмиграция давно состоялась и вот наконец пришло время долгожданной встречи.

Отец молчал и на дочь не смотрел, но и в его глазах осуждения не было. Переживает, увидела Кира. Просто страдает – и все. И в эти минуты ей снова стало невыносимо стыдно и больно – кажется, так стыдно и больно не было никогда. «Какая же я дрянь! – подумала она. – Просто законченная тварь и сволочь! Конечно, они любят меня и очень страдают. Теряют единственную дочь. Навсегда». Кира обняла мать и разревелась.

Это был лучший, самый трогательный день в их семье за последние лет десять. И, конечно, самый несчастливый. Но именно в то дождливое весеннее воскресенье Кира почувствовала себя дома, в семье.

Мать хлопотала на кухне, причитая и охая, что нет воскресного обеда: «Ты же не предупредила нас, Кирочка!» Да и никакого другого обеда не было, что для матери было невозможно. «Без супа и компота нет семьи», – всегда говорила она. Но, Кира заметила, холодильник был пуст, чашки после завтрака не помыты, да и после ужина, кажется, тоже – грязная посуда была навалена в переполненной мойке. На подоконнике скорчилась засохшая герань – и это было странно и невозможно: цветы свои мать обожала и берегла. Киру поразили давно не метенный пол, пыль на шкафах и – главное – стойкий запах ментола и валерьянки.

Мать очень сдала за это время, хотя прошло-то всего ничего. А как будет дальше, после ее отъезда?

Кира страдала. Первая радость и облегчение от перемирия отошли – как не было. И она разглядела лица родителей – одутловатое и болезненное отца, серое, с темными подглазьями матери. Увидела ее дрожавшие руки. Застиранный, блеклый от времени халат с затертыми обшлагами, старые, стоптанные на задниках тапки. И материнские пятки – заскорузлые, темные, как кусок старой коры. А она всегда следила за собой – никогда не пропускала маникюр и укладку. Отец тяжело и хрипло дышал. Губы у него были бескровные, голубоватые.

Мать чистила вялую, проросшую картошку и, порезав палец, громко расплакалась.

Кира поняла, что отвыкла от них. В последнее время ездила к ним с неохотой, зная, что ее ждет: вечные нравоучения, жалобы на хворобы и прочее, какие-то сплетни про соседей, которых она и не знала. Она привыкла думать о родителях с некоторым презрением. Мать – типичная гарнизонная жена. Вечные хозяйственные хлопоты – закрыть на зиму побольше банок с «консервой», как она говорила. И Киру эта «консерва» страшно бесила. Вечное откладывание денег «на черный день» – казалось, что всю свою жизнь они ждали черного дня.

Киру буквально трясло от «важного» мероприятия – обязательного, всегда торжественно обставленного, – закваски капусты на зиму. И почему? Почему ее так раздражали эта покупка кочанов почти в промышленных масштабах и весь дальнейший процесс? Капусту отец и мать солили вместе. Отец рубил, мать перемешивала горку наструганной капусты с морковью и солью, перетирала ее и комментировала:

– Отличная, Кость! Смотри, сколько сока!

Этот жизненно важный процесс занимал все воскресенье – нарубить, перетереть, утрамбовать в два эмалированных ведра – зеленое и темно-синее, оба со сколами. Ведра эти путешествовали с ними по гарнизонам, Кира их помнила.

Когда ведра были заполнены, отец торжественно и гордо выносил их на балкон. Мать подметала кухню, и они, усталые, но счастливые, садились пить чай. Мать продолжала возбужденно вещать:

– Ну все, Кость, слава богу! Витамины на зиму есть – запаслись!

И отец важно крякал, угукал и довольно кивал.

А этот невыносимый шиповник? Собирали его в лесу – лесной, конечно, полезнее. Сушили в духовке, сортировали и укладывали в трехлитровые банки. Банки покрывали мар-

лей – чтобы ценная ягода не покрывалась коварной плесенью. И пили, пили этот кошмарный, кисловатый и почти безвкусный шиповник всю зиму и весну, почти до тепла!

Вечное «достать», «отложить», «запастись». Вечные клубки старой шерсти, из которой по пятому разу вязались свитера и шапки – страшные, косматые, размытых цветов.

Кира, выходя из дома в школу, тут же срывала шапку и прятала в портфель. А мать восхищалась:

– Такой шерсти сейчас нет. И не ищи!

Как будто Кира пыталась!

А запах нафталина из шкафа? А появление моли как вселенская трагедия? Кажется, даже моль брезговала этой «едой» – на «настоящей» шерсти следов нашествия не находили.

Кира считала родителей мещанами, мелкими и скучными обывателями, недостойными уважения. Она презирала их и тяготилась ими. Именно поэтому так рано сбежала из дома – торопилась с замужеством.

А ее первая свадьба? Как скривились их лица, когда они с Володей решили отпраздновать свадьбу в кафе! И кафе-то – скромней не бывает. Но родители напряглись – зачем тратить такие деньги?

– Какие? – смеялись Кира и ее будущий муж. – Подумаешь, тоже мне, деньги!

Кира отлично знала, что сбережения у родителей есть. Отец получал неплохо – военный. Да и откладывали всю жизнь. «По копеечке, – как говорила мать, – а копейка рубль бережет!» Да ничего им не стоило вытащить из заглазника рублей тридцать-сорок и подарить детям радость! Так нет – справим дома. Можно у нас.

Как Кире тогда было стыдно! Конечно, страшно обиделась и сделала наперекор. Дома? Пожалуйста – для родни. А мы с друзьями пойдем в кафе! На свои! Какие там свои? Двдцатку подбросила свекровь, еще двадцатку дал Володин отец. Ну и пошли – семь человек. И было здорово! Заказывали без оглядки – денег полно. Салат столичный, нарезки мясная и рыбная, красная икра в яйце, цыпленок-тапака с жареной картошкой и кофе с мороженым. Торт принесли с собой. Шампанское, красное вино тоже в избытке. А главное – танцевали! Танцевали весь вечер.

Хорошая была свадьба. Свекровь, Вера Самсоновна, искренне радовалась, когда они отправились в кафе:

– Конечно, идите! И гуляйте от души, натанцуйтесь всласть!

А ее родители их по-прежнему осуждали: зачем тратить деньги, когда их можно отложить? А ведь не вредничали ни минуты – им действительно было это непонятно. А их отпуски? На них копили весь год, но на море было дорого: «Что ты, Кира! У нас нет таких *средств*!» Ездили обычно к материнской родне в поселок Шумиху, за четыреста верст.

Ах, если бы в настоящую, пусть глухую, деревню – разве Кира была бы против? Все экзотика – лес, грибы, ягоды, речка. Так нет. Поселок этот был при торфяном заводе, на котором горбатилась вся материнская родня. Было там убого и даже страшно: чистое поле, застроенное трехэтажными кирпичными бараками, один чахлый магазинишко и закусовая, где коротали время и пропивали зарплату местные работяги.

Конечно, в поселке все пили. Поди не запей от такой жизни! Пили, дрались, скандалили и сплетничали. Квартирки были плохонькими, под стать остальному невеселому антуражу. Во дворах висело белье, старухи сидели на лавках, дети носились и орали, а местная молодежь – поддатые парни и воинственно разукрашенные молодницы – терлись у распивочной, курили, пили из бутылок пиво и громко, напоказ, матерились. Рожали в поселке рано – в шестнадцать-семнадцать. Семьи разрастались, жилья не хватало, и в тесных квартирках собачились уже три поколения родственников.

Местные девицы жадно оглядывали «москвичку», но в свою компанию не приглашали – еще чего! Она была для них чужая, Кира и сама к ним не стремилась. Как же ей было тоскливо! Спасали только книжки – по счастью, в поселке была библиотека.

Материнская родня – две сестры, Оля и Надя, – были хорошими женщинами, при этом страшно несчастными – убогий быт, тяжелая работа, пьющие мужья и неудачные дети. Что они видели в этой жизни? Да ничего! Младшая, Юля, Кирина мать, была для них королевой и сказочной везуньей. А как же: непьющий муж, к тому же военный, приличная, тихая дочь. А какой у Юльки кримпленовый импортный костюм! А чешские туфли с бантиком?

Мать и вправду пару дней выпендривалась, но потом все вставало на свои места – она принималась за готовку, чтобы помочь сестрам. Какой она пекла наполеон, сколько она с ним билась! И какой же была счастливой, когда вечером, после работы, все садились за стол – несчастная Надя, бедная Оля и она сама, счастливая Юля. Тут же никчемные мужья теток и Кирина положительный и серьезный, всеми уважаемый отец. Два двоюродных брата и сестра – скучные, серые, совсем никакие, не о чем поговорить. Кирина двоюродная сестра Светка мечтала об одном – выйти замуж, и поскорее. На Кирина вопрос, а зачем так рано, усмехалась: – Затормозишь – останешься в девках!

По вечерам все выходили во двор и устраивались на лавочках. Щелкали семечки и говорили за жизнь. Женщины не снимали халатов и тапочек – а зачем? Так и сидели во дворе – и смех, и грех.

Но разве они были плохими людьми? Ее несчастные тетки, вечные трудяги, не ведающие о другой жизни и тянувшие свой тяжелый воз? И ее родители, тоже вечно колготящиеся, бюющиеся за «достойную» жизнь? Суетливые, глуповатые, смешные.

Но плохие? Нет. Они всегда старались помочь – соседям, знакомым. Кира помнила, как она страшно удивилась, узнав уже в юности, что мать регулярно и без задержек, десятого каждого месяца, отправляла пятерку отцовской двоюродной сестре Тине – одинокой вдове с тремя детьми. Тина жила где-то в сибирском захолустье, тяжело работала. Кто эта Тина была матери? Так, дальняя родственница. Виделись раз пять в жизни, и что с того? А ведь помогала. И деньги тогда это были немалые – и это при материнской скупости.

А как мама выхаживала соседку бабу Лену, одинокую, оставленную пьющими детьми? Носила ей еду, кормила с ложки, меняла белье, стирала его и проводила у постели старушки ночи и дни. И хоронила ее на свои, кстати, деньги, бабы-Ленины сыновья-пьяницы ничего дать не могли. И поминки мать собрала. Говорила – достойные.

А как она ухаживала за отцом – ночевала в больницах на кушетках, если вообще спала.

Да и отец – всю жизнь переписывался с однокурсниками по училищу. И, кстати, когда разбился его друг, отослал его вдове крупную сумму денег.

А то, что тогда мать не приняла их с Мишкой... Так, наверное, она была все-таки права – ни одного дня они бы не ужились, к тому же эти вечные хворобы отца.

Кира поняла, что сейчас разревется, и пошла в ванную. Потом зашла в свою комнату – свою бывшую комнату. Крошечную, как и, впрочем, вся квартира – словно конструктор, собранный для лилипутов. Большая комната в четырнадцать метров – «зал»! И ее, бывшая детская, – восемь метров. Сейчас здесь спала мать. Те же клетчатые шторы – синяя и белая клетка. «Крокодилчики» на металлической струне чуть провисли – то еще приспособленье! Жесткая тахтичка – узкая, неудобная. Потертый коврик у кровати – полы всегда были холодными, «не дай бог Кира застудит почки». Письменный стол, стул. Двухдверный облезлый *ишфоньер*, притараненный из гарнизона. Зачем надо было тащить его с собой? Как Кира злилась в юности: «А что, нельзя сказать «шкаф»?» Мать обижалась. А Кире еще больше хотелось вредничать – подмечать их промахи, нелепые привычки, дурацкие деревенские словечки. Чтобы обидеть, задеть, посмеяться.

А как родители радовались этой квартире-клетушке! Все, что отец заслужил за долгую службу. А ведь он принял ее как награду. Но разве это награда? Смешно.

И перед Верой Самсоновной Кира своих родителей стеснялась. И перед Володи. А уж перед Мишкой...

А сейчас стало стыдно – почему она их стыдилась? За что презирала? Но разве они виноваты в том, что жизнь их приучила копить, прятать, сберегать, оставлять на черный день? Разве они виноваты, что жизнь, сама жизнь, сделала их такими? Как она оставит их – немолодых, нездоровых? Совсем одиноких?

Пообедали молча. Только мать все извинялась, что обед вышел таким – картошка да капуста. Конечно, своя, квашеная, из синего эмалированного ведра:

– Почти вся осталась, Кира! Ты ж не брала! А мы уже не очень ее и едим, желудки не те. Вот приехала бы ты – и на всю зиму бы обеспечили! Витаминами! Витамина С в ней больше, чем...

– Мамочка! – перебила Кира. – Ну хочешь, сейчас заберу? Навитаминимся к лету.

Мать грустно кивнула и украдкой отерла слезу. Ни о чем не спрашивали – ни об отъезде, ни тем более о Мише. Кира понимала – он для них враг, увозит родную дочь. Без него бы она ни в жизнь до такого не додумалась. И в голову бы не пришло – она ж дочь военного!

Кира сама начала про отъезд.

– Когда? – робко спросила мать.

Кира небрежно махнула рукой:

– Да не скоро, мам! Еще столько всего! И бумаг надо кучу собрать, и дожидаться разрешения. Сколько – не знает никто. Они там могут выкинуть любой фортель.

– И не пустить? – с надеждой спросила мать.

Кира вздохнула.

– И в том числе не пустить.

И тут же пожалела об этом – вот, подарила надежду. Дура, ей-богу. Не пустить их, в принципе, не должны были, так считалось. Мишка давно ушел из института, сто лет назад. Но кто его знает, как сложится.

Потом долго пили чай и тоже молчали.

Наконец мать выдавила:

– Это ведь навсегда, Кирочка? Ну, если вас... выпустят?

Отец дернулся и покраснел.

– Мама! Не мучай меня, умоляю! Ну ты же сама все понимаешь! Мы же здесь пропадем!

Мать быстро заверещала:

– Кирочка, о чем ты? Никто не пропал, а вы пропадете? Почему, доченька?

Кира вздрогнула – мать никогда не называла ее доченькой. Ну, если только в далеком детстве.

– Почему пропадете? – повторяла мать. – Да, жизнь непростая. Но ведь никто не пропал, доченька, – все как-то живут. Не голодают же, а! Работают, детей рожают. Мебель покупают, дачки строят! Живут ведь люди! Куда вы собрались, дочка? Это же совсем незнакомый мир! Совсем чужой! Как вы там? Одни, без родных? А не приживетесь? Подумай, Кирочка! Умоляю тебя!

– Уже подумала, – жестко ответила Кира. – Мама, решение принято. У Миши там перспектива. Работа. Бывший коллега ему обещает. Дело его. Ну и я как-то устроюсь. Мама, там, знаешь ли, тоже еще никто не пропал! Никто, понимаешь? Ну и потом... Устроимся и вызовем вас! И будем все вместе.

Ни секунды она не верила этому. Прекрасно понимала – этого никогда не будет. А сказала.

– Ну нет! – Отец хлопнул ладонью по столу. – Мы туда никогда не уедем! Никогда, понимаешь? Плохо ли здесь, хорошо, а родина! Тебе мы это не объяснили – наша вина. Мы тебя не держим, езжай. А про нас и не думай, я всю жизнь ей отдал, родине своей. Плохой, хорошей – не знаю. – Он резко встал, качнулся, и мать тут же вскочила, чтобы его поддержать.

«Пора, – подумала Кира. – Все, надо ехать. В конце концов, это еще не прощание. Это – начало прощания. Только теперь надо почаще к ним ездить – единственное, что я могу. А сейчас вдвоем им будет проще, когда уйдет раздражитель. Вот так получается».

Мать увела отца в комнату, и Кира зашла попрощаться, помогла матери уложить его в кровать. Наклонилась.

– Папочка! Ты нас пойми, умоляю! Ну не складывается здесь у нас!

Отец чуть привстал на локте – Кира видела, что даже это простое телодвижение далось ему с большим трудом. Откашлявшись, просипел:

– А может, дело в другом? Не в стране и не в режиме? Может, дело в человеке? Знаешь, дочь, – он снова закашлялся, – все от человека зависит. Если здесь он бесполезен и ни на что не годен... Подумай, дочь! – И повернулся к матери: – Не забудь!

Мать кивнула. Кира не поняла, о чем они. Да и ладно.

У двери мать протянула ей плотный конверт.

– Здесь деньги, Кира! Немного, но сколько уж можем. Вам в дорогу. Вам же многое надо – ну, разное там. Я с Раей Левиной говорила, у нее сестра с детьми уезжала. Она меня и просветила. Да тебе лучше меня все известно! Возьми!

Она держала в руках конверт, и в глазах ее были испуг и мольба. Чего она боялась? Что Кира откажется?

Кира прижалась к матери и тихо сказала:

– Спасибо, мам! Ты даже не представляешь, как нам это надо!

Мать всхлипнула.

В электричке Кира не могла сдержать слез. «Какая тяжесть на сердце, какая тоска. Электричка эта, кротовская, дорога, знакомая до каждой мелочи, каждого деревца, каждой урны. Дорога слез и тоски».

Ей всегда казалось, что она не очень любила своих родителей. Точнее, спокойно без них обходилась. Ей было вполне достаточно редких, раз в месяц, коротких и скупых встреч – повидались, и ладно. Она не ждала от них помощи – никогда и никакой – и не прибегала в родительский дом, когда ей было невыносимо плохо. И в голову бы это ей не пришло! Она никогда не рассказывала им о своих проблемах, уверенная, что так им будет спокойнее. Нет, вспоминала: что-то произошло на работе, какой-то конфликт с начальством, и она очень переживала. Приехав к родителям, неожиданно для себя начала подробно, в лицах, рассказывать об этом. Держаться не было сил – разревелась. И вдруг увидела, поняла, что им это точно неинтересно – отец продолжал листать «Советский спорт», иногда повторяя свое вечное «угу». А мать лепила пельмени. И вдруг, посреди Кириного рассказа, подняла глаза и сказала:

– Ой, Костя! А свинина-то постная! Может, салыца добавить?

Кира поперхнулась от возмущения и обиды, схватила пальто и выскочила на улицу. Как было жалко себя! Окна квартиры выходили во двор, аккуратно на ту скамейку, где плакала обиженная Кира. Наверняка мать подходила к окну – она любила поглазеть во двор: кто как поставил машину, кто из соседок судачит на лавочке. Кира просидела на той скамейке около часа. Подняла глаза на окна родительской квартиры – мать отпрянула от окна. Она поднялась и пошла на станцию. С откровениями было покончено – теперь навсегда.

Трудно было с этим смириться – принять то, что она, по сути, им тоже не очень нужна. Обидно? Обидно. Может, дело в том, что она рано ушла из дома? Какая разница? Но вот сейчас, в эти дни, когда до отъезда оставались считанные месяцы, почему-то особенно болела душа.

А дома удивила Мишкина реакция – так удивила, что она смешалась.

– Раскошелились старички? Ух ты! И их пробило! Ну, Кирка! Гуляем!

Кира ничего не ответила. Было обидно – и юморок его дурацкий, и эта неприкрытая радость. И это «раскошелились старички».

Не удержалась, выдала:

– А они тебе чем-то обязаны, Миша?

Он ничего не понял.

– Мне – нет. А вот тебе... Ты же единственная дочь.

– А приличная единственная дочь не бросает своих, как ты изволил выразиться, «старичков» – приличная и единственная дочь живет возле них и заботится о них!

Сказано это было, естественно, с вызовом, и Мишка снова удивился:

– Что-то я не заметил, что ты стремилась жить возле них. Извини.

Конечно, Кира обиделась. Но назавтра хлопоты закрутили. Мишку она, конечно, оправдала – мужики, что с них взять. Лепят первое, что придет в голову. А по, сути-то, прав. Сама же ему рассказывала про вечные разговоры о деньгах, про вечные «отложить и сберечь», про пять сберкнижек, обнаруженных ею случайно. Про скупость родителей. Выходит, сама виновата. Ну, не подумал – Мишка такой, о форме не беспокоится. Бог с ним.

Дел было много. Бросилась по магазинам, судорожно сжимая в руке список «отъезжантов». А все надо было *доставать*, с потом и кровью. Одежда, подушки, кастрюли, чайник – обязательно небольшой, на один литр. Попробуй найди! И со свистком непременно – там, знаете ли, денежки берегут и электричество понапрасну не жгут, как у нас. Одежда надо было достать обязательно теплые, желательны пуховые, из тех же соображений экономии отопления. А еще шерстяные спортивные костюмы. Клей. Как будто они отправлялись на Северный полюс, а не в Европу!

Кира слушала умных и опытных – тех, кто списывался с уже отъехавшими. На своих ошибках, как говорится, учатся одни дураки. А дураками в очередной раз быть не хотелось.

В их новой компании говорили только об одном – об отъезде. И обо всем, что с этим связано. Кире начинало казаться, что поднимается весь Советский Союз и других забот у людей просто нет. Мишка тянул ее в эти «гости», она сопротивлялась, он настаивал. «Больше информации – меньше ошибок», – без конца повторял он.

Может, и так. Только как все это утомляло! Как хотелось сходить в театр, в кино. Просто отключиться от этих проблем хотя бы на пару дней. Забыть, что ты отъезжант, будущий эмигрант. Что ты навеки прощаешься с неласковой, но все-таки родиной. Что скоро закончится прежняя знакомая и понятная жизнь. И ждут тебя – а ждут ли? – чужие берега, непонятные, неизвестные.

Страшно. Но это и будоражило – сколько всего можно узнать! Например, посмотреть мир. Разве от такого отказываются? Да сколько людей мечтают об этом – получить этот шанс. У них этот шанс есть! Выходит, они счастливицы?

Пару раз съездили к Зяблику – тот был странно тих и молчалив. Да и в доме была тишина – никаких тебе красоток на длинных ногах, никаких иностранных дипломатов с вечными стаканами виски в руках. Никаких ночных покеров – тишина. Кира удивилась. Мишка скупой объяснил, что у Зяблика тяжелый и бесперспективный роман.

– очередной? – с сарказмом уточнила Кира. – Ну тогда не страшно, пройдет. Сколько раз уже было!

– Нет, здесь другое! – уклончиво ответил Мишка. А что – уточнять не стал. Секрет.

«Тоже мне, секрет! – подумала Кира. – Ну и бог с ними со всеми – с Зябликом, его роковой любовью, с Мишкой и с их общими секретами. У меня есть дела поважнее».

Был май – месяц, который Кира особенно любила. Месяц обновлений, надежд. Месяц свежий, душистый – первые робкие цветы, первые молодые и клейкие зеленые листочки. Запах

черемухи, сирени, ландышей. Липы и тополей. И просветлевшие лица – люди ждали обновления вместе с природой.

Но этот май радости не приносил – сплошные тревоги.

Отъезд был назначен на конец июня – дни шелкали, как счетчик в такси. И утекали, как время – бесследно и неизбежно. Заканчивалась старая жизнь, и где-то там, за невнятным горизонтом, скоро должна была начаться другая.

Какой она будет? Кто знает.

* * *

В Жуковский Кира ездила часто, раз в три дня. Родители вглядывались в ее лицо, словно пытаясь найти признаки изменений. Но пока, естественно, не находили – дочь была все той же. Разве что более нервной, дерганой, измученной.

Кира старалась изо всех сил – делала вид, что ей весело, радостно. Что она так ждет этого часа. Что ей не терпится – поскорее бы. Но на душе было по-прежнему погано.

Трещала не переставая – рассказывала байки про отъезжающих, таможенников и прочее. Родители внимательно слушали, охали, удивлялись и, конечно, пугались.

Мать подружилась с Раечкой Левиной и проводила у соседки вечера. Опытная Раечка показывала ей фотографии сестры и племянников, хвасталась их успехами. Она все знала про цены – от хлеба до мяса. И надеялась вскоре «воссоединиться» с родными.

– У нее-то есть шанс, – однажды сказала мать. – Племянники хорошо устроены, вышлют вызов, и полетит наша Рая.

Отец с удивлением посмотрел на жену:

– А ты что, тоже хочешь вслед за этим?

Мать сурово подобрала губы и сухо ответила:

– Не за *этим*, а за дочерью! Разницу чувствуешь?

– Нас они не позовут – и не надейся. – Отец хлопнул ладонью по столу. – Кому ты там нужна? Ему? Или дочери своей? Так и ей ты давно не нужна! Не заметила? – Он вышел из кухни, а мать еще долго сидела в темноте и тихо плакала. Все было правдой. Муж сказал то, о чем она и подумать боялась. Только стало ли ей от этого легче? Нет, ни минуты – стало еще тяжелее.

«На что я рассчитываю, дурочка? – подумалось ей. – Костя прав. Прав, как всегда. Это я, дура, всю жизнь на что-то надеюсь, все за чистую монету принимаю».

* * *

Кира по-прежнему не замечала того, что происходило вокруг – в середине июня окончательно установилась жара, да такая, что старожилы ничего подобного не помнили. На улицах плавился асфальт, Москва задыхалась от жара и смога. По ночам было особенно невыносимо – распахнутые окна прохлады не давали, асфальт, стены и крыши домов не успевали остыть за короткую и светлую ночь. С раннего утра солнце нещадно палило.

Мишка слушал «вражеские голоса», ловил сводки погоды и бурно радовался:

– Кирка! У нас – двадцать два! Ты представляешь? Вот погодка!

Кира молчала: «У нас, ага. А что еще скажешь?» Она удивлялась, что Мишка не созванивается с Семеном – как же так, они ведь скоро приедут. Все ли там в порядке, все ли по-прежнему в силе? Нечего не поменялось?

Муж небрежно отмахивался:

– Да все в порядке! Что названивать, Кир? Три дня назад говорили, тебя не было дома. Конечно, все в силе! А как по-другому?

«Ну и ладно, – успокаивала она себя. – В порядке, и слава богу. Будет как будет».

Отъезжанты устраивали проводы – было так принято. Кто-то – если позволяла квартира – «проводжался» дома. А те, у кого были средства, снимали кафе или ресторан – в зависимости от толщины кошелька. В квартире в Медведках не было ни места, ни посуды, ни стульев со столом. Решили найти недорогое кафе.

Принялись составлять список гостей. Конечно, родители. Вторым номером – Зяблик. Пара Кириных подруг – одна школьная, Алла, и две институтские – Света и Галя. Мишкины одноклассники, Дима и Стас. Ну и самые близкие «отъезжанты». А вот их набралось прилично, аж четырнадцать человек. И еще коллега Лерочка. Лерочка, к слову, очень им помогла – ее свекровь работала заведующей секцией в универмаге «Москва». Знакомство более чем ценное – волшебное. Она и помогла собрать «узелок» – югославские зимние сапоги Кире, австрийское пальто – там такая зима, что проходишь в демисезонном! – косметика кое-какая на первое время, пока точно не будет денег. Польские духи – на французские Кира денег пожалела: «Обойдусь». Джинсы и куртку Мишке – отличную теплую «аляску». «А разве такая нужна? – робко спросила Кира. – Вы же говорили, теплая зима». Тетка обиделась: Кире тут такое предлагают, а она еще и недовольна!

Народу получалось много, на такие деньги они не рассчитывали. И снова спас Зяблик – сообщил, что икрой, рыбой и мясными деликатесами он обеспечит. И вправду приволок огромного, метрового, осетра и банку черной икры – килограмма на полтора. Ну и еще всякой всячины – сухую колбасу, огромный целиковый окорок и здоровенный шмат буженины.

Кира, совсем не спавшая в последние дни, выглядела ужасно – от зеркала правды не скроешь. Похудела на шесть килограммов – раньше об этом мечтала, а теперь ей это не нравилось. Не стройности прибавилось – рахитичности. В парикмахерскую, конечно, сходила – прическа, маникюр, все как положено. А выглядела все равно плохо. Даже новое платье, щедрый подарок Лерочкиной свекрови, настоящее джерси нежно-сиреневого цвета, не платье – мечта, не спасало.

Родители сидели тихие, скорбные и пришибленные, как на поминках. Совсем ничего не ели – в тарелках опадала горка салата, жухли огурцы, заветривалась рыба. Сидели, как незваные гости, словно боялись, что сейчас их опознают и погонят прочь. Мать расстаралась – высокая «башня» на голове, залаченная до твердости, стеклянности, кримпленовый костюм в крупную розу, лаковые туфли. Отец парился в темном костюме – кажется, единственном, купленном сто лет назад, на сорокалетний юбилей. Костюм был давно тесноват, галстук давил на шею, и было видно, что он страшно мучается.

Кира подошла к нему и помогла снять пиджак, потом стащила и галстук. С жалкой улыбкой отец выдохнул, порозовел и на радостях хлопнул хорошую стопку водки. А мать сидела по-прежнему вытянувшись в струну, словно окаменела. С удивлением рассматривала незнакомых гостей дочери и не понимала, как надо себя вести – сказать тост? Какой тост, господи? Пожелать им счастливого пути? Да, наверное, надо. Только она так нервничает, что громко сказать не получится – голос, кажется, сел. «Поднять отца? – Она мельком взглянула на мужа. – Нет, не стоит. Он, кажется, уже вполне хорош. Да и нервничать ему не след: не дай бог что – гипертоник». Она судорожно глотнула воды, взяла себя в руки, медленно поднялась, чувствуя, как дрожат и руки, и ноги. Подняла бокал с вином, осторожно постучала ножом по бутылке, призывая к вниманию. Но ничего не получилось – по-прежнему гремела музыка, кто-то танцевал, кто-то пил, кто-то ел, кто-то курил, а кто-то бурно что-то рассказывал. Ее так никто и не услышал – ни стука ножа о бутылку, ни слабого, хриплого призыва. «Товарищи!» – начала она, и слава богу, что никто не услышал. Слишком нелепо прозвучало здесь это «товарищи». Ее никто и не собирался слушать – все были заняты своими делами. Да и какие особые тосты на проводах? Так, коротенько: «Ребята, удачи! Счастливого пути и легкой посадки».

Что разводить? Да и тосты давно все сказаны – люди пьют, едят, танцуют и треплются. Какие тут тосты, о чем вы? Не столетний же юбилей за столом! Кира поглядывала на родителей, и ей хотелось плакать. Знала – вот сейчас подойдет и... Не сдержаться... Откуда взять столько сил? Старалась не сталкиваться с ними взглядами. И думала – скорее бы это прошло, закончилось. Скорее бы, господи! Сколько можно кромсать по кускам! Как живодеры собачий хвост. Больно же, больно!

С родителями прощались у подъехавшего такси. Отец хмуро смотрел в сторону. К подошедшему зятю не повернулся – молча протянул руку и, не глядя, кивнул:

– Будь здоров.

Кира прощалась с матерью. Обнимая, шептала какие-то глупые слова, уткнувшись мокрым лицом в ее жилистую и твердую, пахнувшую прогорклыми духами шею, гладила ее по волосам, а мать замерла, напряглась – взгляд в никуда, плотно сжатый рот, деревянные руки – столб, а не человек. Обледеный каменный столб.

– Мама! – в отчаянии крикнула Кира. – Ну скажи что-нибудь, я тебя умоляю!

Мать очнулась, мертвыми глазами посмотрела на дочь и, почти не открывая рта, тихо произнесла:

– Будь счастлива, дочка.

Ситуацию спас таксист. Открыв окно, заорал на всю улицу:

– Ну хорош разводить тут! Давай поехали! Ехать-то черт-те куда – за город! Хорош прощаться, не на похоронах!

Как раз на похоронах, мелькнуло у Киры. Да что там – хуже. Если, конечно, бывает хуже. После похорон, пройдя через боль и страдания, осознаешь: нет больше человека! Нет и не будет. И никогда, никогда тебе с ним не встретиться. И в конце концов после этого окончательного понимания и осознания приходит смирение. Это данность, увы...

А здесь... Здесь все вроде бы живы и даже вполне здоровы. Все живут своей жизнью – прежней или новой. Но увидеться они не смогут, несмотря на расстояние в какие-то ничтожные две тысячи километров. И получается, что это тоже смерть – только другая. Которую, может быть, воспринимать еще тяжелее, еще больнее.

Такси разворачивалось, и Кира в последний раз увидела растерянные, испуганные глаза матери. «В последний раз, – пронеслось у нее в голове. – Господи боже! И это правда? Как я могла?» Она села на корточки и в голос завывала. Мишка сел рядом и обнял ее. Он молча гладил по голове и что-то шептал. Но какие слова могли ее утешить? И правильно, что он замолчал. Так было легче. Если вообще здесь применимо это слово – «легче».

* * *

Самолет улетал в десять утра. Отвозил их Зяблик – Кира вспомнила, что на вчерашнем «празднике» тот был тих и печален. И смылся, кажется, рано – хотя, если честно, она за ним не следила, не до того.

И сейчас Зяблик казался хмурым и молчаливым. Переживает за лучшего друга? Наверное. А может, не выспался. Или свои неприятности. Да и что тут веселого – провожать близких людей на чужбину? Отпускать любимых в непонятную жизнь. Не до смеха.

Мишка заметно нервничал, а Кира была абсолютно спокойна. Но это не было раздумчивым и рациональным, трезвым и обнадеживающим спокойствием – это были, скорее всего, равнодушие ко всему, нечеловеческая усталость и полная опустошенность – как будет, так и будет. Всё.

Хуже уж точно не будет – не может быть хуже.

Она смотрела в окно машины, за которым все дальше и дальше уплывал от нее любимый и родной город. Город, в который она, скорее всего, никогда не вернется. Город, где прошли ее

молодость, ее золотые годы – счастливые и не очень. В юности все они золотые – что говорить! Проехали Химки, и началось Подмосковье. Любимый город остался позади, как мираж.

Кира громко и шумно выдохнула, и Мишка, обернувшись, с тревогой посмотрел на нее. Она коротко мотнула головой – не волнуйся. «Всё, всё! – говорила она про себя. – Всё там, позади. А впереди – только новая жизнь. И точно – счастливая».

Этот последний день тоже был жарким – с раннего утра нещадно палило белесое недоброе солнце. Листья на деревьях посерели, пожухли, свернулись. Асфальт словно вздулся, припух и нестерпимо вонял гудроном.

Окна домов были распахнуты, но и это, конечно, жизни не облегчало. На Кольцевой стало чуть легче – немного пахло свежестью от леса. Зашли в здание аэропорта и дружно выдохнули – в здании было прохладно и немного сумрачно, словно это отрезало, отделило, отсекло, как демаркационная линия, их от города с его немыслимой жарой и их прошлым. Здесь, казалось, была уже совершенно другая жизнь.

* * *

Она не сразу узнала его. Как же он изменился! Вместо красавца и франта Зяблика напротив нее, жалко улыбаясь, стоял старик. Сутулый, седой, с потухшими глазами. Лешка Зяблов, бывший красавец, наследный принц, бабник, гуляка, кутила, картежник.

Увидев ее, он вздрогнул и подался вперед.

– Ну здравствуй, Кирюша! Как долетела? – Он подхватил ее дорожную сумку и неуверенно чмокнул в щеку. – Рванули? Машина там, на стоянке. Подождешь? Я подъеду.

Кира кивнула, пытаясь выдавить улыбку.

– Конечно, Леша! О чем ты? И спасибо тебе, что не проигнорировал, встретил. Ведь у всех своя жизнь, я понимаю.

Зяблик сделал большие глаза и возмутился:

– О чем ты? Глупость какая – проигнорировать? Ну, мать, ты даешь! – И, покачивая головой, направился к выходу.

А она отправилась за ним, с грустью и жалостью подмечая его стариковскую, шаркающую походку, согбенную спину и стоптанные каблуки на старых ботинках. И это было самым невероятным.

На улице наступили легкие сумерки.

Кира смотрела в окно, равнодушно отмечая перемены, и ничему, честно говоря, не удивлялась. Ну во-первых, все сведения сегодня были доступны – о переменах в столице вопили интернет, соцсети и пресса. С удовольствием ругали прежнего мэра и, кажется, с еще большим энтузиазмом нынешнего. Москвичам не нравились нововведения и так называемый креатив – ни праздничное освещение улиц, ни украшения в виде дурацких освещенных арок, ни букеты похоронных искусственных цветов в пластмассовых кашпо, висящие на фонарях. Не нравилась бестолковая трата денег на совершенно ненужные глупости. Народ возмущался, но, конечно же, ничего не менялось.

А Кире все это было до фонаря – с этим городом она давно распрощалась и он, слава богу, остался в ее воспоминаниях таким, каким был. А этот, новый, город она и не считала своим – не о чем горевать. Ее дом давно в другом городе – ухоженном, чистом, красивом. Городе на берегу реки Майн.

Зяблик коротко глянул на нее и усмехнулся:

– Ну как? Как тебе это все? – В его голосе чувствовалась грустная ирония.

– Да никак, – спокойно ответила Кира. – Это уже давно не мое.

– Тебе легче! – улыбнулся Зяблик.

Машина остановилась у легендарной высотки на Восстания. Здесь, казалось, все было по-прежнему: легендарная высотка была все того же серо-бурого цвета, наличествовали и шпиль на главном корпусе в двадцать четыре жилых этажа, и легкие ажурные башенки на боковых уступах, фасад с пилястрами, разбивающийся на пояски, входы со скульптурами с барельефами, подсветка на фасаде – снаружи все было по-прежнему. Только исчез – как не было – знаменитый Пятнадцатый гастроном, украшенный богато, с размахом, под стать самому дому и его важным жильцам.

Войдя в подъезд, некогда пышный, богатый, помпезный, Кира увидела, что все изменилось. Вместо роскошных красных ковров – истоптанная серая грязная дорожка, зеркала кое-где треснули, богатые рамы поблекли, роскошные бронзовые светильники с матовыми плафонами были заменены на более скромные – или ей показалось? Нет, витражи, главное богатство и красота подъездов, сохранились. И мраморный пол – серо-коричневый, с красными вставками – тоже. Но лифты, поразившие когда-то ее своей немыслимой роскошью, казались старыми и убогими.

– Ну? – усмехнулся Зяблик. – Что я тебе говорил? Былая роскошь, правда? И ничего не осталось от прежней – увы. А про никого я просто молчу.

– Совсем никого? – удивилась Кира. – А куда же все подевались?

– Это совсем просто. Старики, естественно, поумирали. Дети тех стариков тоже уже старики – вроде меня. Остались внуки, которые бросились распродавать наследство. Еще несколько лет назад за здешние радости давали приличные деньги! В крайнем случае можно было сдавать квартиры в аренду. Тоже, знаешь ли, приличный доход для безбедного существования. А кто стал новым жильцом? Естественно, нувориши. Те, кому раньше это было абсолютно недоступно, даже в мечтах. Внезапно разбогатевшие, мечтающие пожить в роскошном, респектабельном доме, где всегда жили сливки, элита. Вот и заполонили. Так что соседство у меня, – он вставил ключ в замок и не без усилий попытался открыть дверь, – нарочно и не придумаешь.

Кира кивнула и вспомнила, как она, впервые зайдя в этот роскошный и величественный подъезд, испугалась, застыла и оробела.

Наконец дверь открылась, и они зашли в квартиру. Вспыхнул свет. Кира огляделась. Кажется, все было прежним – широкая прихожая, переходящая в просторный холл. Та же люстра на потолке – синее стекло, белые матовые плафоны. Вешалка-рогатка из темного, почти черного дерева – мощная, устойчивая, неподъемная. Сундук-галошница, тоже темный и тяжелый, с тусклым медным запором-подковкой. Кира вспомнила, что наряду со сношенной обувью в нем валялись старые журналы и газеты. Пара офортов на стене, тоже знакомых: охота и конские скачки.

Прошли дальше. В холле по-прежнему стояли два кресла и бюро, старожилы квартиры. И торшер Кира узнала: на латунной крепкой ноге абажур малинового цвета с кистями – старый знакомец.

– Проходи, располагайся! – любезно пригласил ее хозяин. – Спать будешь в кабинете, если ты, конечно, не против. А сейчас будем ужинать! – добавил он. – Ты же наверняка проголодалась, а, Кир?

Кира кивнула. Нет, голодной она не была. Да и вообще – едок из нее еще тот, если честно. В последние годы, оставшись одна, она вообще ничего не готовила – сидела на бутербродах и творожках в пластиковых стаканчиках. Иногда заходила в китайскую лавку неподалеку от дома и брала навynos супчик с пельменями, жидкий и соленый, лапшу с креветками или рис с рыбой. К еде она всегда была равнодушна. Да и есть в одиночестве никогда не любила. Хозяйкой она была средней, если по правде. Но когда была семья, она, конечно, готовила – уж суп и котлеты освоила, будьте любезны.

Нет, есть Кира не хотела, а вот чаю бы с удовольствием выпила. Она зашла на кухню, и тут нахлынуло. В глазах защипало. Все тот же буфет-монстр, огромный и темный, еще более мрачный, как ей показалось, конечно же, стоял на месте. И стол стоял – куда ему деться? Большой, овальный, на кривых и крепких ногах. Зяблик смеялся, что все вымрут, все сгниет, а стол и буфет останутся – вынести их невозможно, безумная тяжесть. Все так же висел на стене потускневший до зелени старый медный таз с деревянной ручкой, в котором когда-то варили варенье. И часы в фарфоровой раме с синими голубями – им тоже ничего не сделалось. Двадцать лет – разве это время для мебели и всяких предметов быта? «Вот только мы уже не те, – подумала Кира. – Совсем не те мы! От нас прежних, кажется, ничего не осталось».

И снова, в очередной, сто первый раз за последние три месяца, в течение которых она мучительно раздумывала, сомневалась, ехать в Москву или нет, она снова подумала: «Зачем? Зачем здесь? Зачем?» Чтобы не разреветься, глубоко вздохнула – негоже при Зяблике выказывать слабость. Да и в чем он виноват – встретил, привез, обустроил. Зачем ему это надо? Тоже немолод, кажется, не очень здоров – хромать вот стал еще больше. Да и лицо словно трактор проехал. Никого возраст не щадит – ни мужчин, ни женщин. Впрочем, женщинам определенно больше. Только не ей – ей давно наплевать, с той поры, как не стало Мишки. Киру никогда не волновала собственная внешность, потому что она была любимой и счастливой. А когда это закончилось – тем более. Какая теперь уж разница?

Говорить ни о чем не хотелось – да и Зяблик, кстати, не настаивал. Или тоже устал, или понял, что она не готова. Из кабинета крикнул:

– Кира! Я тебе постелил! Иди отдыхай.

Она и пошла, надо сказать, с большим облегчением.

Все тот же диван, где и началась их с Мишкой счастливая, почти семейная жизнь. Почти – потому что без дома. Без собственного дома. Не включая света, Кира опустилась на диван и застыла. На знакомом до боли диване было неудобно, по-мужски было расстелено белье. «Все повторяется? – подумала она. – Нет, не так. Ничего не повторяется, но прошлое постоянно о себе напоминает». Воспоминания – самое ценное и самое прекрасное, что есть у человека. И самое ужасное, кошмарное, страшное. Когда ничего и никого уже не вернуть. Когда остаются только воспоминания. Точнее, напоминания о прежней жизни, о безвозвратно и навсегда ушедшем счастье – боже, какие пафосные слова! Но ведь чистая правда. И самое главное – от них не укроешься. Ну невозможно их вычеркнуть из головы и сердца – нет такого лекарства. И снова и снова оно возникают, как миражи. Снова картинки встают перед глазами – такие яркие, такие реальные, почти осязаемые. Но именно в этот момент ты понимаешь – уже окончательно, бесповоротно, – что ничего невозможно вернуть. И именно в этот момент тебя накрывает такая невыносимая, безграничная тоска, что просто не хочется жить. И ты в который раз задаешь себе этот вопрос: зачем? Зачем вообще жить?

Одиночество. Ей хорошо известно, что это такое. И никого, никого у нее нет. И больше никогда вы не будете вместе пить кофе на кухне и слушать радио, обсуждать новости по телевизору, читать отрывки из любимой книги, чтобы любимый человек удивился, обрадовался вместе с тобой. Потому что все сходится, все совпадает. Все-все, до последней запятой, до последней точки! Это вас всегда удивляло, восхищало и приводило в оторопь – а так бывает? Оказалось – бывает. А что тут странного? Вы совпадали всю жизнь и почти во всем.

Ты больше не услышишь, как он фальшиво, а оттого безумно смешно напевает что-то в ванной, особенно по вечерам. Вы оба любите вечера, гораздо больше, чем утро, начало дня. Вы оба совы. И здесь вы совпали. Вы оба не выносите духоты, и это облегчает ситуацию – в любую погоду вы спите с открытым окном. Но вам не страшно – если вдруг вы замерзнете, то тут же прижметесь друг к другу. А может, вы специально устраивали ледник в квартире? Чтобы покрепче друг к другу прижаться? С вас стало бы! Вы оба любите дождь.

И разговоры перед сном – да пусть не разговоры, а просто обмен репликами, немножечко сплетни. А что тут такого? Вы давно одно целое, один человек. Да вы можете и не разговаривать – просто смотреть друг на друга и все понимать. Сколько раз это было!

Почему? Почему, господи? Когда только-только появилась возможность немного расслабиться? Чуть-чуть выдохнуть? Когда, слава богу, как-то устроились, попривыкли и обжились. Обзавелись наконец своим домом. Хотя каким там домом – смешно: квартирка из двух комнат, тридцать два метра. Спаленка в шесть метров – полуторная кровать и крохотная тумбочка под лампу и книги. Но это была их первая собственная спальня. И кухонька – точнее, прилавок с малюсенькой, на две чашки, мойкой и одноконфорочной плиткой. Холодильничек, встроенный в стену, для экономии места. Но спасибо, что так – по крайней мере можно что-то приготовить на своей кухне. Духовки, конечно, не было – пирог не испечь, а вот блины – пожалуйста! Мишка так любил блины – со сметаной, вареньем, медом. Правда, в такой кубатуре от кухонных запахов было не скрыться. Они витали и в гостиной, и в спальне – да везде. Но это не раздражало – наоборот! Запах еды – запах дома.

А ванная? Зайти только боком. Слава богу, они оба худые, не страшно. И никакой, разумеется, ванны – душ под занавеской и дырка для слива в полу. Напротив – максимум сорок сантиметров – унитаз, стоящий наискосок, иначе не влез бы. Да и бог с ним, с унитазом! Зато они смогли купить свою собственную квартиру. Кира, если честно, не верила ни минуты – откуда квартира? Копить они не умеют. Цены – ого-го! Сбережений никаких. Откуда, господи? Смешно. Мишка страдал, она его утешала. Всегда утешала. Все правильно – жена должна утешать. Хорошая жена. А она была хорошей женой. Но квартира появилась – когда не стало родителей.

Как смогли, они ее обустроили. Получилось уютно. Она открывала дверь и замирала от восторга и счастья – какая же красота! Конечно, смешно – все маленькое, как под лилипотов. Но никакого лишнего барахла. Хотя нет, лишним было то, что оставил прежний хозяин, но выкинуть это они не смогли – антик, старина, красота. Собственным барахлом за жизнь обрести не успели – по съемным мотаться с вещами? Глупо. Да и вещизмом они не страдали – все эти вазочки, салфетки, картинки им были до фонаря. Но на новоселье кое-что Кира все же купила – например, сервиз. Молодцы те, кто придумал сервиз на четыре персоны! Не на двенадцать или двадцать четыре, а на четыре – четыре суповые тарелки, четыре под второе. Четыре десертные – дома, в России, они назывались, кажется, пирожковыми. Четыре чашки с блюдцами и даже блюдо – под фрукты или под торг. Салатник – ого! Пригодится. И даже сахарница и заварочный чайник! А, каково? Вспомнила, как нашла это «гороховое» чудо, и руки затряслись: хочу! А рисунок? Темно-зеленый, почти изумрудный, фон и крупные серебристые горошины – красота! Да и цена подходила вполне – рождественская распродажа. Кира тащила эту коробку и мечтала, как расставит все это. Пришлось под сервиз прикупить еще колонку, узкую, угловую – снова для экономии места. Сервиз разместился, конечно, но еще оставались две пустые полки. Вот туда она и поставила дорогие сердцу вещицы, привезенные из Москвы после маминого ухода: фигурку китаянки в национальном платье и с высокой прической – мамину любимую, пятидесятих годов. И мамину же вазочку – шершавую, нежно-салатовую, с белым барельефом – Вербилки, бисквит. Потом прочла, что это наш Веджвуд, технологии те же.

Коврик еще купила под журнальный столик. Не удержалась и прикупила парочку эстампов на стену – Париж, сумерки. Париж, дождь и фигуры размыты. Париж, туман. И тоже все нечетко, размыто. Поняла – любит смазанное, расплывчатое, пастельных тонов. Да и не очень понятное – завуалированное. Четкие линии и яркие цвета ее утомляли – в Пушкинском, например, зарябило перед полотнами Гогена. Поняла: не ее художник талантливый и прекрасный Гоген. А вот Писсаро и Моне – ее.

Сидя на диване в кабинете давно ушедшего зябликовского отца, она вдруг поняла, что уже соскучилась по дому. Удивилась – ее осиротевший после ухода мужа дом, опустевший и холодный, все равно оставался ее домом, ее пристанищем. И только там можно было укрыться и спастись. Она, ненавидящая толпу, шумные сборища, большие компании, не принимала это и в далекой молодости, а уж теперь, в весьма почтенном, как она говорила, возрасте, старательно этого избегала. Чуралась крупных торговых центров с праздно шатающимися толпами, больших кафе с отдыхающим народом, рынков, кинотеатров и прочего скопления людей – ей сразу становилось зябко, неуютно, тревожно. Она любила гулять по тихим, уютным улочкам, поддевая носком туфли разноцветные кленовые листья. Любила посидеть на лавочке в глубине парка, у озера, недалеко от своего дома. Выпить кофе в крошечной, на три столика, кондитерской возле дома – с чашкой американо и с куском марципанового штоллена или вишневого штруделя. А больше всего любила свою спальню в шесть метров, с неширокой кроватью и настольной лампой с темно-зеленым абажуром. И книгу на тумбочке – вот оно, счастье! И большую, синюю, тяжелую керамическую кружку с уже остывшим имбирным чаем. Кружка была из той жизни, московской. И тишину, тишину! Улочка у них была тихая, почти непроезжая – выбирали специально. Район был недорогой, но и не самый дешевый – зато тихий, зеленый, очень спокойный. Нет, можно, конечно, было купить квартиру побольше! Но такой тишины и покоя там точно бы не было.

Кира легла на прохладную простыню, а сон не шел – какое там! Десять лет она не была здесь, в Москве. Десять лет. Да и десять лет назад тоже почти не была – так, пробегом. Полдня, кажется, пару часов. Потому что неделю жила в Жуковском – хоронила маму, разбиралась с документами. Да и не хотелось ей ехать в город – совсем не хотелось.

Она долго ворочалась, окончательно сбив жесткую простыню, вставала и поправляла, расправляла ее без конца, но она снова сбивалась, и Кира чувствовала кожей грубую ткань потертого дивана. Привычно заныла спина, и она встала, чтобы размяться. Осторожно, на цыпочках, вышла из комнаты – понадобился туалет. Дорогу туда, конечно же, помнила. Шла босиком, осторожно держась за стену. Темно было – выколи глаз. Туалет нашелся, и, зайдя, она поморщилась – пахло там отвратительно. Никаких домработниц у Зяблика нет. И женщины нет – ни одна бы не потерпела подобного.

Уснула под утро и встала с разбитой головой. Ладно, надо прийти в себя. В конце концов, не валяться же она сюда приехала! Не в постели лежать и не жалеть себя. А зачем она сюда приехала? Вопрос... Нет, ответ, разумеется, был – приехала она по делам. Дела не то что срочные, нет... Но и откладывать их больше нельзя, потому что мучит совесть и скребет на душе. Ну и решилась. В конце концов, и так слишком долго откладывала – куда уж дольше? Дела надлежало решить и закончить. Поставив на этом жирную, окончательную и решительную точку. Вот тогда можно было продолжать жить. По крайней мере попытаться.

Зяблик торчал на кухне – пахло пригоревшим кофе. И точно – на плите расплылась кофейная гуща. Впрочем, плите, кажется, это было уже все равно – застывший жир, перемешанный с застарелой грязью, засохшей кофейной гущей и остатками какой-то еды, покрыл ее плотным, непроницаемым слоем. Грязь подгорала и невыносимо пахла какой-то адской смесью. Беда.

Зяблик, нахохлившись, сидел за столом, шумно втягивал в себя кофе и листал газету.

– Привет, – усмехнулась Кира. – А что, газеты еще читают?

– Смотря какие, – смутился он. – Есть и такие, которые вполне себе. Ну если не правду пишут, то по крайней мере не откровенную ложь.

– Уже хорошо, – вздохнула Кира. – Обнадёживает.

– Завтракать будешь? – любезно осведомился хозяин. И, кажется, тут же об этом пожалел.

Потянул жалобно: – Кир, возьми что-нибудь сама, а?

Кира кивнула.

В холодильнике – тоже, кстати, не обошлось без запашка – нашлись твердый сыр, пачка масла и бутылка молока – для завтрака хватит вполне. Кофе, конечно, имелся – Зяблик без кофе? Нонсенс. Села напротив. При свете дня разглядела его окончательно. Да уж... Обычный потасканный пенсионер. Ни красоты, ни лоска. Не очень чистая майка, старые спортивные брюки с вытянутыми коленками.

Что делает время с людьми? Волосы – шикарные волосы, гордость хозяина, зависть женщин, – увы, поредели. И поседели, конечно. Где она, золотистая львиная шевелюра красавца Зяблика? Там же, где и он сам – в прошлом, увы.

Серая дряблая кожа, пустой «пеликаний» мешок под подбородком. Тусклые глаза, потерявшие свою ослепительную синеву и яркость. А зубы? Нет, все понятно – никого не минуло. Но – есть же, в конце концов, дантисты? Все как-то выходят из положения. А главное – руки. Кира глянула на его руки и вздрогнула. Длинная и красивая, аристократическая и интеллигентная рука – где она? Ровные ухоженные ногти – где? Кургузая – почему, как? – лапа бедняка с криво и косо постриженными ногтями.

Кира вспомнила их первую с Зябликом встречу и свои ощущения – дрожь в руках и в коленях, запах его одеколона, который преследовал ее несколько дней, как и его тихий, вкрадчивый и очень волнующий голос. Господи, стыдоба! И никому не признаешься, никому. Стыдно даже перед самой собой. Их с Мишкой любовь и... Нет, это было коротко, всего-то на пару дней. Но неловко. И тогда она его невзлюбила, в том числе и за эту свою дурацкую слабость. Сильно, по-глупому, по-дурачки, по-бабски. Какая же дура, господи, он-то в чем виноват?

Кира шумно глотнула кофе, и Зяблик перехватил ее взгляд.

– Вот так, Кирюш! Не вышло, видишь?

– Ты о чем, Леша? – смутившись, осторожно спросила она.

– Да достойной старости не получилась. Жизнь была... Ну более-менее. А вот старость – не получилась. Да и жизнь – если по-честному. – И Зяблик жадно закурил сигарету.

– Брось, – махнула рукой Кира. – Эти мысли, знаешь ли, всех посещают: жизнь не удалась, не сделал того, что мог, что хотел. Мечты не сбылись. А ты – не успел, например. Хотел так – вышло совсем по-другому. Сам виноват, другие – какая разница? Не получилось, и все. И причины тут не важны, важен итог. Но – смысл? Ты мне скажи – какой в этом смысл? Все равно все закончилось, ничего нельзя изменить. И мы это все понимаем! И будет так, как есть. Не обижайся, прошу тебя! Думаешь, у кого-то не так? Лично у меня – то же самое. Веришь?

Зяблик уныло кивнул.

– Ага, утешаешь... Спасибо.

– Да ну, Леш! Поверь, что нет! Просто все это непродуктивно, бессмысленно и категорически вредно. Надо доживать так, как уж вышло. И не искать виноватых, не мучить себя. Все равно ничего не изменишь. Такая позиция хоть как-то примиряет с жизнью. Ты меня понял?

– Демагогия, Кира. Пустые слова. Как жить и не думать? Не жалеть, не сокрушаться, не искать причины? Не искать виноватых? Не винить себя? Невозможно. Да и не нужно. Всегда надо делать выводы, всегда понимать.

– А для чего? – перебила она его. – Изменить ничего нельзя. Не хватит времени, сил, в конце концов! Да и кому нужны твои выводы и твои ошибки? Даже детям не передашь – все плюют на чужой опыт, как ты понимаешь. А уж нам с тобой, – она накрыла его руку своей ладонью, – ну вообще смешно! И передавать некому – детей у нас нет!

– У меня есть, – тихо ответил Зяблик и, словно извиняясь, тихо добавил: – Так получилось...

Кира охнула.

– Ничего себе! Ну ты даешь, Зяблик!

Хотя у них, у мужиков, все гораздо проще. А уж у Зяблика, бабника и гуляки, тем более. Да при его активной половой жизни у него могло народиться с десятков внебрачных детей!

Но уточнять подробности Кира не решилась – в конце концов, захочет – расскажет. Да и интереса особого не было – подумаешь, тоже мне редкость! Безусловно, Зяблик был женихом завидным – и собой хорош, и богат, и характер вполне: остроумный, заводной, словом, легким человеком был лучший друг ее мужа.

И снова некстати вспомнилось, промелькнуло, как ее взволновал лучший друг мужа при их первой встрече. Да и потом, если честно, бывало... Да ладно, какой же бред иногда лезет в голову! Просто неловко, ей-богу – сто лет прошло с тех времен, целая жизнь. И она уже давно, мягко говоря, немолодая, усталая и не совсем здоровая женщина. А тут воспоминания про половое влечение. Тьфу, ей-богу. Противно и стыдно.

Завтрак закончили, и хозяин поинтересовался ее дальнейшими планами – в смысле, отвезти, подвезти ну и все прочее. Кира вежливо отказалась:

– Спасибо, но ты живи своей жизнью. А я уж как-нибудь доберусь на метро или такси. Я же в прошлом москвичка, если ты не забыл.

– Ну как знаешь.

Кира ушла к себе в комнату, села на диван и застыла.

Дел, собственно, было не так и много. Самое несложное – съездить на кладбище, к родителям. Убрать могилы, посадить цветы, мама любила настурции и бархатцы и каждую весну выращивала в ящиках на балконе. Дальше найти женщину, договориться, чтобы покрасили ограду. Ну и самое главное – решить с памятником. Памятник на могиле родителей, собственно, был. Так себе, правда. Памятник поставила мама – через год после смерти отца. Был он, конечно, паршивым – серо-сизого грязного цвета, смесь бетона с гранитной крошкой, словом, самый дешевый, для бедноты. «Ну хоть такой!» – словно извиняясь, написала мама, выслав Кире фотографию.

А что Кира могла возразить? Помочь ничем тогда не могла – денег у них не было категорически, еле сводили концы с концами. Пару раз, правда, передала со знакомыми посылочку – пару копеечных кофточек с распродаж, из тех, что валяются при входе в магазин в ящиках – ковыряйся себе на здоровье. Туфли какие-то жалкие, шарфик с шапкой, свитер отцу и ему же три пары носков. Стыдно было, а они радовались как дети: «Кирочка, какая красота! Какие чудесные вещи!» И через пару недель прислали фотографию – оба в обновках, с торжественными и счастливыми лицами.

Как она тогда плакала...

Позже, когда чуть встали на ноги, когда они с Мишкой устроились, стала хоть как-то им помогать – если была оказия, передавала небольшую сумму. Ну и посылки, конечно. Уже что-нибудь поприличнее – даже полушубок маме отправила, хороший такой полушубок, как раз для русской зимы – тонкий и легкий, темно-серого цвета, молодой козлик. Красота. Как мама была счастлива, господи! Правда, целый год все сокрушалась, что дочка потратила «огромные деньги». Какие там огромные деньги? Просто сказочно повезло – зима в Германии была неправдоподобно теплой, и зимние вещи скидывались за бесценок. А мама носила серую шубку до самой смерти. Вот странно: отец почти не вставал и был совсем, как оказалось, плох. Мама от нее все скрывала. Но прожил он в таком состоянии долго и долго, мучительно умирал. А мама, будучи здоровой и крепкой женщиной, скончалась скоростижно, в один день. Правда, утешало одно – она не болела и не страдала. Это и называется «легкая смерть».

«Опять грустные мысли лезут в голову. Конечно же, здесь все обостряется. Здесь оставлена целая жизнь. И никуда тебе от этого не деться – как ни старайся и как себе ни приказывай. Просто надо пережить эти семь дней. Пережить, и все, – повторила себе она. – А после ты вернешься в знакомую, такую привычную и даже почти любимую старую жизнь».

Итак, кладбище. Кира оделась и крикнула из коридора хозяйину:

– Леша! Я ушла. Когда буду, не знаю. Словом, ты меня не жди и не беспокойся. Если что, позвоню.

Зяблик не ответил – наверное, уснул. Она вспомнила, что он любил поспать утром, приговаривая: «Хорош сон после обеда, но еще слаще после завтрака».

Кира доехала до Казанского вокзала, подивилась чистоте и удобствам: надо же, просто европейский вокзал, честное слово! А был помойка помойкой: бомжи, пьяницы, навязчивые цыганки в многослойных юбках: «Красавица, дай погадаю! Все расскажу – когда и чего. И про мужа твоего расскажу и про детей!»

Кира, конечно, отмахивалась от пестрой, шумной и навязчивой толпы. Но однажды поддалась: настроение было паршивое, дальше некуда – поссорилась с Мишкой, который в очередной раз не решался поговорить с женой, поругалась с родителями. Была поздняя осень, и она собралась в Жуковский. Тут ее и прихватили цыганки. Тащились за ней по платформе, канючили, гундосили, ныли про голодных детей. Наконец, раздраженная, Кира затормозила и резко развернулась. «Ох, ну и пошлю я тебя сейчас, матушка!» – подумала она, предвкушая. Чувствовала – надо было прокричаться вволю, даже нахамить, и ей полегчает. Резко развернувшись, столкнулась взглядом с цыганкой – она была молодой, несмотря на хриплый прокуренный голос, в уголке рта у нее была зажата тлеющая папироска. На голове, как обычно, цветастый платок с нитками люрекса. Конечно же, длинная и пышная цыганская юбка. Обычная вокзальная аферистка, которых лениво гоняют равнодушные стражи порядка. «Ты их в дверь – они в окно», – как-то услышала слова милиционера.

Возраст ее определить было сложно – то ли двадцать, то ли под тридцать, кто их поймет? Смуглое лицо, морщины у глаз и у рта, пара золотых зубов – все как положено. Но глаза Киру поразили – огромные, синие. Такой бездонной синевы Кира еще не встречала. Она остолбенела. Да и глаза эти невыносимо синие были не наглыми, нет. Скорее просящими, жалобными, жалкими.

– Ну что вам? – смущенно буркнула стушевавшаяся Кира. – Денег я вам не дам – не просите. Гаданьям не верю. Тоже мне, пророки и предсказатели! – фыркнула она и тихо, неуверенно добавила: – Ищите других клиентов, мадам!

Цыганка, молча и внимательно разглядывала ее.

– Иди с богом! – сказала она. – И ничего мне от тебя не надо. Только запомни – с твоим у тебя все получится. Ты обожди, наберись терпения, и все сложится.

Они стояли напротив друг друга и почему-то не могли разойтись. Бодались взглядами – кто кого?

И тут подошла электричка. Кира очнулась, кивнула цыганке и усмехнулась:

– Ага, поняла. Ну что же – спасибо! Прямо надежду вселили! – И сделала шаг к электричке.

Услышала вслед:

– И еще, дева. Уедешь ты отсюда. Навсегда. Дорога у тебя дальняя.

Кира вздрогнула и остановилась. Что еще за бред? Куда уедет, какая дорога? Тем более – дальняя?

– Да ладно вам глупости говорить, – рассмеялась она, – сказки рассказывать! Ладно, прощайте!

Двери поезда со скрипом раскрылись, и Кира шагнула в тамбур.

Но почему-то оглянулась – синеглазая цыганка стояла на том же месте и печально смотрела ей вслед. Увидев обернувшуюся Киру, помахала ей как старой и доброй знакомой. И Кира, неожиданно для себя, тоже махнула в ответ.

В электричке села у окна, прислонилась горячим лбом к холодному и влажному стеклу, прикрыла глаза: «Какой же все это бред, господи! Уеду в другую страну! Большею чуши не слышала!» Но сладко заняло сердце, когда вспомнила другие слова: «С твоим у тебя все полу-

чится. Ты обожди, наберись терпения, и все сложится – будет твой. Только обожди, наберись терпения!»

Кстати! Вспомнила она о синеглазой цыганке только в самолете, уносившем их с Мишкой в другую страну *навсегда*. Вспомнила и обомлела: «Ну надо же! Вот как бывает».

* * *

Билет на электричку купила в автомате – тоже привычно и удобно, как в Европе. В поезде смотрела в окно – станции, конечно же, были все те же: Удельная, Красково, Томилино, Ильинское. Вспоминала, с каким нерадостным настроением всегда ехала туда, к родителям. И как потом за это терзала себя.

На платформе Отдых, в родном городке Жуковском, не было бабулек, торгующих всякой всячиной, как в старые и не очень добрые для нее времена. Семечки в граненых стаканчиках, по весне – сухие грибы, старая, слегка проросшая и оттого дешевая картошка, расфасованная в потертые, ветхие целлофановые пакеты, лук-севок в пол-литровых банках, репка или свекла из подпола – все, что осталось с зимы. Была еще бабулька с жареными пирожками – кривыми, мятыми, огромными, с тем, что подешевле: кислой капустой и рисом. Кира обожала эти еле теплые пирожки – бабулька держала их в алюминиевой кастрюле, укутанной ватником и старым пальто. От пальто пахло нафталином, от ватника – сыростью и землей. Кажется, запахи проникали внутрь кастрюли, где лежали помятые пирожки. Но Киру это не смущало – покупала всегда два, с рисом и капустой. Медленно шла через пролесок от станции в город и с удовольствием и жадностью жевала этот шедевр кулинарного искусства. И Мишку подсадила на эту «прелесть» – его слова. Только куснул – и закатил глаза от удовольствия: «Прелесть какая, а?»

Когда это было!

Бабулька с пирожками сидела всегда – все четыре времени года. А вот ассортимент других торговек менялся в зависимости от тех же времен года. Самое сладкое время – лето и осень: смородина красная, черная, белая, крыжовник всех видов – большущий зеленый, изумрудный, почти прозрачный. Или мелкий, красно-бурый, утыканный мягкими иголочками. И янтарный, желтый, совсем не кислый и с очень тонкой и нежной кожицей – надкусишь, и во рту расплзается мягкая, сладкая, зернистая кашка. Кира обожала крыжовник. Но нигде больше его не видела – только здесь, в России. Малина в августе, яблоки, мелкие подмосковные грушки, похожие на маленькие учебные гранаты, терпкие и почти безвкусные. А вот яблоки были чудесными – коричные, белый налив, мельба, грушовка.

Где сейчас эти яблоки? Нет, конечно же, есть! Здесь – наверняка! А там, дома... Там, дома, были только ненастоящие, восковые, красивые, ровные, гладкие, как муляжи.

Алкаши торговали свежевывловленной мелкой рыбешкой – карасиками, плотвичкой. Кучка – рубль. Рыбки слабо трепыхались на подмокшей газете.

Как она любила бродить по платформе и покупать снедь у милых бабулек! Стакан ягод, стакан семечек. Малосольные огурчики. «Мне два, пожалуйста! – И, подумав секунду, сглотнув слюну: – Ну ладно, три».

Или мороженое – мороженщица в белом халате и белой косынке, с тележкой, стояла возле самых ступенек. Сливочное в вафлях, шоколадное, крем-брюле. Вафельный стаканчик с желтой или розовой розочкой. Твердая эта розочка, которая и была вкуснее всего, как потом выяснилось, делалась из крашеного маргарина.

Кира вышла на станции и огляделась – новые дома теснились друг к дружке, словно каждый мечтал выжить соседа или в крайнем случае – подвинуть и подпихнуть. У станции взяла такси. Машина везла ее по незнакомому городу – почти ничего не узнать. Хотя центр сохранился – спасибо и на этом. «Ну и ладно, какое мне дело, – подумала она. – Уберу у

своих, договорюсь с кладбищенской теткой, зайду в гранитную мастерскую и уеду. Главное – договориться в мастерской, чтобы выслали на почту фотографию готового памятника после установки и я могла переправить деньги онлайн. Надеюсь, они согласятся. Полно же таких, как я, живущих не здесь, а за границей. Выходят же люди из положения. Ну, в конце концов, задействую Зяблика. Думаю, он не откажет. Или на крайний случай Катю. Хотя это вряд ли, да и смертельно не хочется к ней обращаться».

Но встреча с Катей была впереди, и это было неизбежно, увы – Мишкин наказ. «Только отложим это на предпоследний день», – успокаивала себя Кира.

На кладбище уладилось все довольно легко и быстро. Кира опять подивилась: да, быстро бывшие соотечественники поняли и приняли капитализм. Вспомнились прежние времена, когда все давалось с трудом и с кровью.

Цивилизованно, четко и грамотно – и никаких мутных делаяг и забулдыг. Вполне симпатичный и модно одетый парень толково все объяснил, быстро составил бумаги и попросил небольшой аванс. Что ж, нормально. Сказал, что заодно после установки еще и покрасят ограду. В порядке бонуса, так сказать.

Камень для памятника выбрала, предложенный шрифт одобрила. Аванс отдала и договорилась о переводе денег после установки.

Снова вернулась к могиле. Прежний памятник, тот, что оставила мама, осыпался с углов, крошился, прилично накренился и выглядел еще более жалко. Ну да бог с ним – скоро все будет нормально! На душе полегчало, ей-богу. Кира положила цветы, провела ладонью по шершавой поверхности камня и попрощалась. Наверное, теперь – навсегда.

Еще один приезд сюда она не планировала. Надо покончить с делами и вернуться в свою жизнь. А ее жизнь там, во Франкфурте. Уже давно, почти двадцать лет. Срок, что уж там говорить.

Никаких дурацких мыслей по поводу «заглянуть в школу» или «посмотреть на наш старый дом» даже не возникло. И слава богу! Что там смотреть? Школу? Она ее не любила. Старый дом? Квартира давно продана, через год после маминой смерти. Да и любила ли она ее, считала ли своим домом? Наверяд ли. Слишком рано ушла из него. И слишком много не самых светлых воспоминаний.

И скорее отсюда, скорее! Ничего теперь ее тут не держит.

Приехав в Москву, решила прогуляться по городу – в конце концов, столько про него пишут и хорошего, и плохого, и даже ужасного, кстати! Вот и посмотрим. Да, между прочим, надо поесть и обязательно выпить хорошего кофе. Теперь это уже наверняка не проблема – кафе и рестораны мелькали и зазывали на каждом шагу.

Кира пошла по Тверской вверх, к Пушкинской. Магазины со знакомыми названиями – такие же, как и везде, по всему миру. Сверкающие витрины, модные тряпки и обувь. «Все как везде», – с удивлением повторяла она про себя. Ничего не соврали. Села в кафе, заказала салат, сэндвич с ветчиной, большой эспрессо. Быстро и вкусно. Что же, молодцы.

У Пушкина посидела на лавочке, передохнула.

Возвращаться к Зяблику почему-то не хотелось, но куда деваться? Пришлось. В конце концов, встретил, принял – все законы гостеприимства соблюдены. А то, что ей давно совершенно не хочется ни с кем общаться и разговаривать, – так это ее проблемы. Прошла еще по Тверской, и домой – устала. Ноги гудели – не девочка, возраст.

В комнате Зяблика горел приглушенный свет – Кира вспомнила, что он не любил яркое освещение, говорил, что страдает странной болезнью – куриной слепотой. Глаза болели даже от снега. Кира не верила, считая, что это очередной выпендрейж. Конечно же! Лишний повод объявить о себе как о человеке необычном, редком, отличающемся от других – вот, даже болезни у меня редкие, эксклюзивные, так сказать.

Верхний свет почти не включался – об этом все знали. Зато повсюду были натканы различные светильники в виде торшеров, настольных ламп и настенных бра. Помнится, в спальне хозяина, у самой кровати, прижился даже настоящий старинный канделябр, кажется, с восемью свечами.

Кира разделась и пошла к себе – зачем его беспокоить и лишний раз напоминать, что она здесь. Да и ей категорически не хотелось, чтобы Зяблик ее развлекал. А уж ей развлекать его было бы просто невыносимо. Юркнула мышкой и притаилась. Даже свет не включила – прилегла на диван и в блаженстве вытянула гудящие ноги.

Но минут через десять в ее дверь осторожно постучали.

– Войдите! – с разочарованием выкрикнула Кира.

На пороге стоял Зяблик и улыбался:

– А мы уже на «вы», Кирюша?

Она села на диване, пригладила волосы, оправила свитер и стала оправдываться: мол, задремала, прости, спросонья и ляпнула.

Зяблик задумчиво разглядывал ее. Наконец произнес:

– Совсем не хочешь со мной разговаривать? Нет, я все понимаю – ты всегда была молчуньей, в общие беседы почти не вступала, я это помню. Толпу не любила, компаний, шумных сборищ не признавала. Помню, помню, – повторил он. – А уж теперь... Но мы же друзья, Кир? Или ты так не думаешь? Обещаю и даже клянусь, – Зяблик шутливо и галантно поклонился, – не доставать, в душу не лезть, воспоминаниями не мучить. – Он помолчал и жалобно, просяще добавил: – Пойдем чаю выпьем! Ты же все-таки у меня в гостях. Я и торт купил, Кир! Ну? Пойдем?

Кире стало неловко. И правда, что она прячется, как крот в норе. Привыкла прятаться от людей. Даже неприлично. Да, страшно неохота делиться проблемами. Еще больше неохота вспоминать то, что было. Не просто неохота – невыносимо больно. А о чем могут еще говорить не очень, скажем так, молодые люди? О здоровье, конечно. Точнее – о подступивших болезнях. Ну так об этом вообще говорить неприлично, тем паче с мужчиной. Кира уверенно считала – попробуй поспорь! – что люди должны говорить о своих болезнях только с врачом. И никогда с близкими.

Вот и получалось – о прошлом нельзя. О проблемах – не стоит. А о болезнях – ни-ни! О будущем? Так его тоже нет! Об одиночестве? Точно не надо – и здесь слишком больно. А! Об общих знакомых! Так Кира почти никого из них не помнит. Значит, о Мишке. А вот здесь не просто табу, здесь череп с перекрещенными костями: влезешь – убьет.

«Что ж, поговорим о погоде», – решила Кира и стала извиняться перед Зябликом: дескать, не хотела тебя беспокоить. Вдруг тебе неохота трепаться? Знаю, как это бывает. Ой, извини ради бога! А чай – это здорово! Тем более с тортиком! И потрепаться, конечно, охота, – здесь душой покривила, но что поделать.

Тортик и вправду был как из детства – фруктовое полено, кажется?

– Ой, угодил! – благодарила Кира.

Зяблик смеялся:

– Старался! Ну не из итальянской кондитерской же тебя кормить – этим тебя точно не удивить!

Пили чай и болтали о всякой чепухе, ни о чем. Захочешь – не вспомнишь. К опасным темам не подбирались, и Кира была ему благодарна за это.

Отчиталась по кладбищенским делам – Зяблик кивал и соглашался:

– Да, сервис теперь здесь на уровне. Не поспоришь. Правда, и обмана до черта! Сидит это в людях – как объегорить собрата, плутоват наш народ, что уж тут. Да и законы, сама понимаешь. Здесь всегда было «как дышло». И не изменилось. – Зяблик грустно добавил: – Все на грани выживания. И я в том числе.

«Да уж, – подумала Кира, – и это заметно. Этот сортир с невыносимой вонью. Грязь на кухне – вековая, как говорила мама. Присохший жир и копоть, чашки с чайными разводами. Заплесневелый хлеб в холодильнике. И это у Зяблика, привыкшего к роскоши и идеальному порядку! Ну и холодильник... На деликатесы денег у него нет. Ладно я – с детства привыкла к экономии и даже лишениям. Мне проще».

Вопросов, конечно, Кира не задавала. В общем, светская беседа закончилась, и разошлись по своим углам.

Кира снова лежала без сна и вспоминала. Никуда от этого не деться – как ни убеждай себя, а отключить голову невозможно. Невозможно приказать сердцу. И вообще – что останется в нашей жизни, если убрать воспоминания? Вот именно – пустота. Черная бездонная дыра. Человек без прошлого – это животное.

* * *

Все оказалось не так, как обещал ей муж, пытаясь ее обнадежить. Он лгал все время, пока они собирались уехать – до самого отъезда. Молчал он и в самолете. И по дороге из аэропорта. И первые два дня в «отстойнике», как называли они свою гостиницу – кому как больше нравится. Вполне приличную, кстати! Маленький отельчик гостеприимно принимал эмигрантов. В одном из номеров была оборудована кухонька, где женщины умудрялись готовить, иначе было не выжить. Так вот, Кира замечала, что он как-то подавлен – кстати, в отличие от нее! У нее-то как раз настроение вдруг поднялось – сама удивлялась. Ей казалось, что самое страшное и неприятное позади – принятие тяжелейшего, почти невозможного, решения, невыносимый разговор с родителями, попытки найти деньги на отъезд и алименты. Сборы, наконец. Проводы. Ну и сам отъезд. Она наивно считала, что теперь все будет зависеть только от них – от их таланта, работоспособности, силы духа и поддержки друг друга. А уж в этом она ни минуты не сомневалась – они преодолели такое! Да и вся их прежняя жизнь была сплошным преодолением.

А Мишкино состояние духа? Вполне объяснимо – конечно, страх, а что же еще? Он мужчина, и ему отвечать. Растерялся, оробел. Все-таки новая жизнь. Но язык у Мишки был неплохой – немецкий учил он и в школе, и в институте. Плюс почти год занятий в группе отъезжантов. У Киры с языком было хуже – правда, она и не рассчитывала на работу в серьезном учреждении – понимала, по специальности ей не устроиться, по крайней мере вначале.

Конечно, вся надежда была на мужа, на Семена с его обещаниями.

Она тормозила Мишку, шутила, уговаривала. Удивлялась: «А почему Сеня не едет? Он же обещал нас сразу забрать? А почему ты с ним не созваниваешься? Почему, почему?»

Наконец он признался. Все выдумал, никаких обещаний со стороны Семена не было.

– Зачем? Да чтобы тебя сдвинуть с места, иначе тебя было не уговорить. Да, врал. Безбожно врал все эти полтора года. А что тут непонятного? Тебе ж было легче жить с надеждой. Разве нет? А я устроюсь, Кируш! Не беспокойся! Конечно, устроюсь! Моя тема, ты же знаешь! Ты не веришь в меня? – последнее он говорил с отчаянием и болью.

Но Кира молчала. Сидела на узкой казенной койке и молчала. Ей было жалко не мужа – себя. Она была не просто озадачена или ошеломлена – она была совершенно раздавлена. Она и представить себе такое не могла: наивный простак Мишка – и навертел такую заковыристую и ловкую ложь? Как это не похоже на него! А как он врал! Как профессиональный аферист. Значит, надо будет – соврет еще? Да похлеще? Хотя куда уж похлеще!

Она, наивная дура, считала, что никаких секретов у них друг от друга не было и быть не могло. При их-то степени доверия и откровенности. При их взаимопонимании и честности. Тем более в серьезных вопросах. А вышло?

– Как ты мог? – только и сказала она. Голос сел, и из горла вырывался лишь сип.

В ответ Мишка закричал, что ему тоже было несвойственно. Нет, понятно, он чувствовал себя виноватым, а лучшая защита, как известно, – нападение. Но принять эту ложь и его жалкие оправдания Кира не могла.

– Значит, ты сомневался во мне? – повторяла она. – Получается, если бы ты не соврал и я была бы уверена, что договоренностей никаких нет, то струхнула бы? Испугалась и отказалась? Получается, я не верила в тебя? И винила только тебя в твоих неудачах? Тебя, а не обстоятельства, известные мне не хуже, чем самому тебе?

Мишка сник – доводы кончились, порох, видимо, тоже. Сел рядом и уронил голову в ладони.

– Прости, – бормотал он. – Прости ради бога! Мне казалось, что тебе так будет проще от всего отказаться. От всего, что у тебя было там.

– А что у меня было, Мишка? – прошептала она. – Что, кроме родителей?

Конечно, простила. Когда прошел первый и самый тяжелый шок. Кажется, дня через два окончательно пришла в себя и стала его утешать, как обычно, – женщина!

Через три дня приехала Надя, жена Семена. Вот тогда Кира и узнала самую окончательную и горькую правду. Поначалу все складывалось у них замечательно – Семен действительно получил работу в научном институте. Действительно хорошо зарабатывал. Действительно занимался знакомой темой. И действительно впереди – и совсем не за высокими горами – маячили приличные перспективы. Все так и было. И в письмах Семен не врал. Но случилось несчастье – инсульт. Конечно, переживаний хватало – и дома, в Москве, и здесь, в Германии. Эмиграция – дело серьезное. Нервничал страшно – как бы не облажаться на новой работе. Да и языка не хватало. К тому же поторопились и взяли в банке ссуду для покупки квартиры, наивно полагая, что уже все сложилось. Работа у него есть, работа перспективная, прилично оплачиваемая. Да и Надя работала, хотя и в полноги – преподавала музыку частным образом, скорее для удовольствия, чем из нужды. Сын оканчивал школу – хороший мальчик, за него они были спокойны.

И тут болезнь. Нет, никто Семена не увольнял – здесь такое невозможно. Пока платили зарплату и работала государственная страховка. Пока была еще надежда, что он восстановится, окрепнет и сможет работать. Но через полгода случился повторный удар, и стало понятно, что он уже не поднимется. Почти отнялась правая сторона – рука и нога. Почти была утеряна речь. Страховка теперь была муниципальной, по сути, для нищих и бомжей. Кредит за квартиру надо было выплачивать или переезжать в жилье для инвалидов – на улицу тебя никто не выкинет, люди защищены, но уровень медицины, жилья и всего остального при этом кардинально меняется.

Конечно, квартиру отдали банку и переехали в дом для пожилых и больных людей – одним словом, для неимущих. Ничего, кстати, плохого и страшного – обычная двушка, в таких счастливо живут миллионы советских людей. Но рухнули все планы, все мечты. Семен стал инвалидом. За учебу сына платить было нечем. И Надя стала единственным кормильцем в семье.

Она сидела в их казенной комнатке и монотонно рассказывала о своей невеселой жизни. Было видно, что она все давно приняла – все время повторяя: «Вот такая, ребята, судьба». Кира видела, как она постарела – да и понятно, что говорить. Тяжелобольной муж, неустроенный ребенок и постоянная пахота. Теперь она не преподавала музыку для удовольствия – теперь она работала тяжело и нудно в доме для престарелых, сиделкой и нянечкой. Вскоре туда определили и Семена – ухаживать за ним ей стало сложно. Надя считала, что им здорово повезло – и работа, и муж под присмотром. «Такая удача», – твердила она.

Конечно же, это и правда была большая удача – по крайней мере теперь, вернувшись с тяжелой смены, она отсыпалась.

Семен умер через четыре года. Горевала она ужасно.

* * *

Итак, все прояснилось. И надо было жить дальше. Поначалу не жить – выживать. Первый год или даже два было сложно, почти невыносимо, – правда, государство помогало как могло, и за это спасибо. Платили социальное пособие, оплачивали страховку, давали даже деньги на сезонную одежду, было и такое. Жили они по-прежнему в отеле. Встали в очередь на социальную квартиру. Конечно, на съемную, но по другой, меньшей, чем обычно, цене. Мишка подал анкеты во все профильные институты и научные лаборатории, но ответов не приходило. Он снова сник, потерял веру в себя – теперь, кажется, окончательно и бесповоротно. Твердил, что зря затеял «эту историю», вовлек туда ее, вынудил оставить родных и привычную жизнь.

Кира, если честно, устала его утешать и «приводить в порядок». К тому же уставала она и физически – теперь она работала. Надя устроила ее к своей приятельнице, эмигрантке из Саратова, некой Лиле. У той было агентство по уборке квартир.

Конечно, у Лили работали только наши, эмигранты. И это ей было очень выгодно – вновь прибывшие, не успевшие освоиться, плохо знающие или почти не знающие языка, дерганые и перепуганные до полусмерти, были счастливы и этой каторгой, искренне считая ее синекурой. А бесстыжая Лиля этим прекрасно и с удовольствием пользовалась. Платила она копейки, охрану труда не соблюдала, обращалась с нанятыми по-хамски. Но Киру записала в любимчики – во-первых, подруга Нади, а во-вторых, понимала, где Кира, москвичка с высшим образованием, и где все остальные.

Кира прекрасно отдавала себе отчет в том, что происходит у этой Лили, что она вытворяет и вообще что собой представляет.

Лиля, надо сказать, людей чуяла остро – нюх у нее, как у опытной деляги и аферистки, был острый, собачий, отменный. И была у нее, хабалки и хамки, одна маленькая слабость – Лиля страстно хотела дружить с интеллигенцией. Вот поэтому она и подружилась с Надей, и по этой же причине стала подкатывать к Кире.

Подкатывала осторожно: сначала пригласила в выходной съездить на озеро – конечно же, семьями. Это было ужасно. Лилин муж был младше ее лет на десять. Пустой и туповатый парень, впрочем, кажется, вполне беззлобный. Было видно, что Лиля его страшно ревнует.

День выдался теплый, но без конца начинался мелкий занудный дождик. Время шло к обеду, и Кира начала нервничать: денег – копейки, и те заработанные потом и кровью. Им и в голову бы тогда не пришло зайти в кафе – пусть даже на чашку кофе. Это казалось просто безумием. Один раз позволили себе на улице мороженое и мучились пару дней. Нет, конечно же, эти копейки ничего не решали – смешно. Но это была болезнь – эмигрантская болезнь первых лет: никаких кафе, киношек, мороженого.

С содроганием она вспоминала, как первые лет пять подолгу стояла в супермаркетах, в самых дешевых, для бедноты, в «Алде» или «Лидле», и разглядывала ценники в поисках акций и распродаж.

Как она радовалась, когда удавалось отхватить – какое знакомое слово! – что-то по выгодной цене! Почему-то чаще всего скидки в продуктовых распространялись на курицу. Ее и ели. Мишка шутил, что он скоро закукарекает.

После, когда все более-менее наладилось и они смогли себе что-то позволить, курятину они не готовили еще долго, года три точно.

Еще вспоминалось – о господи! – как она приходила к закрытию фермерских рынков, часам к пяти торговцы начинали продавать все почти даром. Кира, пытаясь скрыть нервную и радостную улыбку, начинала хватать яблоки, сливы, картошку, огурцы, помидоры и прочие радости. Сумки набирала неподъемные, но домой почти бежала, счастливая.

На озере действительно было красиво – какая природа! Сто лет они не были за городом, сто лет просто так, бесцельно, не гуляли. Но вдруг дождь зарядил серьезно – мол, хватит предупреждать и попугивать! Делать было нечего – только прятаться. И ушлая Лиля углядела кафешку метрах в тридцати от набережной. Побежала к ней, махнув им, зазевавшимся, рукой – догоняйте!

А куда было деваться? Приехали на Лилиной машине, как выбираться оттуда, не знали. Да и ходит ли общественный транспорт? Переглянулись с Мишкой и пошли.

Уже потом, спустя много лет, Кира поняла, что кафешка та была затрапезной – несколько пластиковых столиков, прилавок с банальными кексами и брецелями, чипсы, орешки и кофе – слава богу, из кофемашины. Чай, вода, мороженое из морозильного ящика при входе. В общем, ассортимент бензоколонки. Но им эта забегаловка тогда показалась роскошным рестораном с мишленовскими звездами.

Сняли мокрые ветровки и смущенно уселись за столик. Лилия, надо сказать, душой уж точно не была – растерянность их просекла моментально. И угостила – берите все, что хотите! Надо сказать, ничем особым она не рисковала – разгуляться не позволял ассортимент. Но «разгулялись» – кофе, кексы, мороженое.

Кира видела Мишкин унылый взгляд. «Еще одно унижение, – прочитала в его глазах». Незаметно взяла его за руку, дескать, ерунда, не бери в голову!

Конечно, больше общаться вне работы совсем не хотелось – пару раз Лилия приглашала их в гости, но Мишка решительно отказывался. Да и Кире это было не нужно. Первый год Кира была «на общих основаниях» – убирала квартиры. А через год Лилия предложила ей должность заместителя – ничего себе, а?

– Карьера! – грустно вздыхал муж.

– Да, карьера, – соглашалась Кира. – И для начала вполне неплохая.

В деньгах, конечно, прибавилось. Физически стало легче. А вот морально... Лилия злилась, когда Кира защищала и жалела несчастных теток и всячески пыталась облегчить их нелегкую участь – разумно распределяла участки работы, пыталась заплатить положенные деньги. Короче – по словам хозяйки, – разводила либерализм и демократию. Лилия кричала, что они прогорят с ее благородством. Объясняла, как нужно. Кира упрямо не соглашалась. Лилия злилась, и через два года они расстались. Кира совсем не расстроилась – столько мук и страданий приносили Лилины выверты и обман.

К тому же Мишка уже тогда устроился на работу – с голоду они бы точно не умерли. «Все, что ни делается, к лучшему», – разумно рассудили они. Так, собственно, все и было – через три месяца и Кира устроилась на работу. Прекрасную, надо сказать, работу. Правда, снова не по специальности. Но все равно – счастье! Работа была в архитектурном бюро, секретарем.

Спустя лет десять она случайно встретила Лилию на улице – была середина декабря, город готовился к Рождеству, сиял и сверкал, утопал в елках и рождественских базарах, лица у людей были озабоченными и радостными. Приближались рождественские каникулы.

Киру окликнули, она обернулась. Напротив стояла высокая и очень худая женщина, совсем незнакомая.

– Не узнаешь? – усмехнулась она. – Так изменилась?

Лилия. Господи, Лилия! Но где та Лилия – полная, розовошекая, с хитрыми и безбашенными глазами? С безбожно вытравленными по российской моде волосами, выглядящими на улицах Франкфурта нелепо, по меньшей мере нелепо. Где яркий макияж, крупные серьги в ушах?

Той Лили не было – перед Кирой стояла старая, измученная, потухшая и несчастная женщина. «Болеет? Скорее всего», – мелькнуло у Киры.

Зашли в кафе, заказали кофе, пирожные. Кира видела, с каким удовольствием Лилия ест. Неужели все так ужасно?

Ела она неаккуратно, роняла крошки, облизывала пальцы. Кира заметила, как дрожат у нее руки.

При свете светильников стало окончательно ясно, что Лиля больна.

Все так и было. Лилия говорила торопливо, как ела: молодой муж бросил три года назад. Она всегда понимала – рано или поздно это случится. Конечно, нашел помоложе. Это не редкость – закономерность.

Переживала Лилия это чудовищно, очень его любила. Вспоминала, как вывезла его из Саратова, практически спасла. Занимался он там чем-то не совсем чистым – кажется, валютой, и ему запросто могли впаять срок. И здесь, в Германии, она пахала как лошадь, тянула все на себе. Везла его отдыхать, баловала – тряпки, машины. Надорвалась. Старела, конечно. И ревновала. Ребенка так и не родила – он не разрешал. Сволочь.

Ну и вот. Итог печальный, но предсказуемый.

Ну а потом заболела.

– Догадываешься чем? – спросила Лилия, уставившись на нее.

Кира нерешительно кивнула:

– Наверное.

Бизнес пришлось закрыть – контролировать его Лилия уже не могла. Живет на пособие – большую квартиру продала, купила маленькую. Да и зачем ей большая?

Лилия вопросов не задавала, лишь коротко бросила – кажется, в голосе ее промелькнула зависть:

– Вижу, что у тебя все хорошо!

Кира смущенно развела руками.

Через полчаса попрощались. Лилия усмехнулась:

– Думаю, телефон мой записывать ты не станешь – это понятно. Зачем я тебе? Ну, все. Прощай, дорогая. – И, не дождавшись ответа, развернулась и быстро пошла прочь.

Кира смотрела ей вслед – вот как бывает. Но как жалко было эту дуреху!

* * *

Кире нравилась пословица – когда судьба закрывает дверь, она всегда приоткрывает окно.

Так всегда и было – когда она ушла от Лили, в том числе. Мишку взяли на работу. Какая это была радость, господи! Он вернется в науку. Хватит ему заниматься ерундой, с его-то способностями! А как был рад он сам! В тот вечер, когда ему подтвердили приглашение на собеседование, она купила бутылку белого, маленький торт и еще кое-какие вкусности – те, что в обычные дни они бы себе ни за что не позволили: баночку гусиного паштета, упаковку швейцарского сыра и триста граммов настоящего итальянского прошутто.

– Гуляем! – объявила она.

Было что праздновать, было.

Мишка, конечно, волновался – как примут будущие коллеги? Достаточно ли его знаний языка? Хотя уже понятно, что нет. Волновался, что нет хорошего костюма, приличных ботинок.

А сложилось все замечательно – собеседование он успешно прошел, коллеги приняли его доброжелательно: ободряли и похлопывали по плечу и тут же пригласили на кофе. Костюм не понадобился – дресс-кода в институте не было, все одевались вольно, кто как хотел. Мишка с радостью влез в любимые джинсы и свитера.

Вот тогда, пожалуй, впервые Кира увидела счастливого мужа. Через год удалось поменять и квартиру – сняли побольше, правда, в Эфенбахе, но близко от Франкфурта, там было дешевле. Две нормальные комнаты, хорошая кухня. Теперь они жили в хорошем районе – не

богатом, но соседями их оказался средний класс, служащие различных бюро, мелкие клерки. И вид из окна был прекрасный – на парк и озеро.

Теперь Кирино сердце не екало при виде скидок на куриные грудки, осточертевшие до невозможности. Теперь они покупали и мясо, и хороший кофе, и швейцарский шоколад, и итальянские пирожные. Теперь она заходила в магазины не с целью «поглазеть», а вполне себе присмотреться.

Нет, осмотрительность, осторожность и даже страх, конечно, остались – это, кажется, уже навсегда. Но и уверенности прибавилось, и спокойствия. И исчезли напряженность, тревоги и страхи, терзавшие их почти всю совместную жизнь. Наверное, именно тогда они почувствовали себя счастливыми – все удалось, все получилось.

И Кира была довольна работой. А вскоре появилась и машина. Водила, конечно, Кира – Мишка был не из тех, кто водит машину. «Олух, лопушок, дуралей, простофиля», – с нежностью и любовью повторяла она. И он соглашался – все чистая правда. И даже был рад – что поделаться, он был из тех мужчин, кто легко и радостно уступает своей женщине – хочешь рулить? Рули ради бога! Распределять семейный бюджет? Пожалуйста! А я займусь тем, что мне интересно.

Здесь, в эмиграции, их роли окончательно распределились, и Киру это ни на минуту не угнетало, как и его.

Муж-ученый. Она прекрасно знала, с кем связывает свою жизнь. Муж далек от хозяйственных дел? Да и слава богу! Тут же ей вспоминалась закваска капусты и невыносимый стук кухонного ножа по деревянной доске, когда родители делали заготовки.

Нет, ей точно такого не надо – здесь она сама разберется. Муж, заглядывающий в кастрюли, ей совершенно не подходил – насмотрелась, спасибо. Мишку мало интересуют деньги? Тоже слава богу – муж ей полностью доверяет, она хозяйка положения. Покупкам ее только радуется. Ни разу не попрекнул – золото, а не муж. Многие позавидуют.

Отношения с мужем были по-прежнему близкими. Задушевными, как говорила одна из новых, уже «немецких», Кириных приятельниц.

Вот только после того московского тайного аборта больше она не беременела. Конечно, страдала. Но – молча. Видела, что мужа этот вопрос совсем не беспокоит – у него была Катя.

Кира подумывала обратиться к врачам. Но почему-то боялась. Она всегда, кстати, боялась врачей. Но однажды на приеме у семейного доктора, милой русской Женечки из Киева, все-таки решилась спросить, можно ли что-то сделать.

Та сказала, что путь это долгий и трудный. Для многих – невыносимый. Риски? Большие. А в Кирином возрасте просто огромные! Но можно попробовать, можно. Положительных результатов – море, океан! «Знаешь, сколько я видела счастливейших женщин?» – добавила Женя.

Кира сидела, вытянувшись в струну, ловя каждое слово, интонацию. Пыталась уловить движение Жениных бровей, уголков рта. И ощущала, что уже сейчас готова бежать туда, где дадут надежду и, скорее всего, помогут.

Женя внимательно посмотрела на Киру и осторожно сказала:

– Только, Кир... Я вот о чем...

Кира испуганно смотрела на растерянную и смущенную Женю.

– Я вот что хотела сказать. Кир! – Она подняла глаза. – Послушай! Ты должна... Нет, ты обязана все хорошенько продумать! До точки, до черточки! Сначала и до конца! Все предусмотреть, все просчитать – все риски, все осложнения. «От» и «до», понимаешь?

Кира не понимала. Смотрела на нее во все глаза и не понимала. Громко сглотнув, наконец спросила:

– О чем ты, Жень? Честное слово, не понимаю!.. Ты же сказала, что все может быть хорошо!

Женя ее перебила:

– Послушай! Вот именно – может быть! А может и не быть, понимаешь? Я же тебе объяснила – риски большие. Суть вот в чем, Кира: на это стоит пойти только в том случае, если без этого невозможно, ты понимаешь? Просто нельзя – и все, точка! Причем вам обоим – и тебе, и мужу! Если совсем бессмысленна жизнь. А иначе, Кира, не надо. Очень опасно, ты меня слышишь?

Кира вздрогнула, как от громкого звука, как от удара, пощечины.

– Все поняла.

Больше к этой теме они не вернулись ни разу. И старалась об этом не думать – очень болезненно, очень. Понимала – Женя права, все так – и поздновато, и страшновато. И, наверное, ни к чему – как говорится, проехали. Если вдуматься, им и так с Мишкой неплохо.

Но жизнь, как известно, дает возможность сделать только короткий выдох, а потом снова бьет по башке. Так и случилось – через год их счастливой новой жизни умер Кирилл отец. Приехать на похороны она не смогла по многим обстоятельствам – во-первых, заболела, и крепко – проигнорировав, как всегда, простуду, получила осложнение, сильнейшее воспаление легких – три дня пролежала в госпитале. Да ладно болезнь – все равно бы сорвалась, как-то бы долетела. Но была и вторая причина – документы и виза. Узнала, что визу специально задерживали, и здесь не помогала даже телеграмма, заверенная главврачом жуковской поликлиники, – въехать в страну она бы все равно не успела. Надо было ехать в любом случае – не на похороны, так к маме: поддержать и просто побыть рядом. Но сил, если честно, совсем не было. Валялась как тряпка: бессильная, мокрая от пота, будто пойманная в мышеловку мышь. Решила не ехать. Потом, спустя время, корила себя страшно – надо было, надо. А, как всегда, пожалела себя.

Конечно, говорила с мамой по телефону по два раза на дню. Мама в сотый раз пересказывала подробности похорон и поминок – кто пришел, какие принес цветы и что было на поминальном столе. Кира удивлялась, раздражалась, но терпела, чувствуя свою вину.

Пыталась передать деньги, мама отказывалась категорически:

– Что ты, Кирочка! У нас все есть. Не надо, деточка! Купи лучше что-то себе!

Киру поразило, что мама по-прежнему говорит «у нас», словно отец, о похоронах которого она только что рассказывала, жив. Она понимала, что деньги у мамы действительно есть, наверняка она копила все эти годы. Но совесть по-прежнему мучила – не простилась с отцом, не простилась...

Тогда же начались и сложности с Катей, Мишкиной дочерью. Вроде бы обычные подростковые проблемы, и все вроде это понимали, но все равно Мишка страшно нервничал и почти перестал спать по ночам. Бывшая, Нина, на звонках не экономила – звонила раз в три дня. Рассказывала всякие страсти про наркоманию, выпивоны, ранний и опасный секс и ненадежных друзей дочери. Звонила, что характерно, на ночь глядя – говорила, что так дешевле.

Мишка рвался:

– Может, поехать?

– И чем ты сможешь, – пыталась охладить его пыл Кира. – Что ты сможешь сделать? Разве что поговорить?

Он успокаивался и соглашался, но ненадолго. Нина звонить продолжала. Наконец Кира не выдержала, позвонила ей и, стараясь быть вежливой, попросила ее не звонить с такой регулярностью. «Зачем трепать ему нервы, если он не может помочь, кроме как деньгами?»

Нина молча ее выслушала, а перед тем, как положить трубку, сухо сказала:

– Я тебя поняла. А вот ты меня – нет. Впрочем, чему удивляться? Тебе не понять, что такое ребенок! И вообще, ты не считаешь, что это дело родителей?

Ужалила больно. Кира положила трубку и разревелась – больнее ударить нельзя. Но и она хороша – зачем влезла? Нина права – это дело родителей. А кто она? Жена Катиного отца, все. Какое она имеет право давать советы и вообще вмешиваться? Ну и, конечно, не подумала о том,

что Нина тут же, незамедлительно, об их разговоре доложит Мишке. Тот страшно разозлился. Поссорились и почти неделю не разговаривали.

Кира вяло оправдывалась:

– Да, некрасиво. Согласна. И, скорее всего, неправильно. И тут не возразишь. Но чем я руководствовалась, не подумал? Наблюдая за тобой? О ком беспокоилась? Вот именно. Было невыносимо жалко тебя.

Через пару недель окончательно помирились – потому, что наступил, увы, пресловутый форс-мажор. О котором походя упомянула Кира – ну чистая ведьма, ей-богу – сама испугалась.

Катерина залетела. Получается, Нина была права. Конечно, аборт – о другом просто не упоминали. И тут она, Кира, законченная, конечно, дура, опять встряла. Имею право, кричала она, больше, чем все остальные, – сама осталась бесплодной. И осеклась, увидев удивленные глаза мужа.

Тут же смущенно поправились: ну, в смысле того, что не смогла родить, понимаешь?

Хорошо, что он, лопушок, так ничего и не понял тогда – пронесло.

Катя рыдала. Нина названивала по два раза на день. Киру назвала конченной идиоткой, и Мишка теперь удалялся с телефонной трубкой в туалет – чтобы не услышала Кира. Кира – врагиня.

«Ну и черт с вами, – решила Кира, – разбирайтесь как знаете. В конце концов, Нина права – дочь не моя и не мне советовать».

Да и – если честно – какой ребенок в пятнадцать лет?

Но отношения с мужем подпортились. На эту тему больше не говорили – как там и что. Поняла, что аборт Кате сделали и что Мишка передал им приличную сумму денег. Взял он их из заначки – естественно, общей. Складывали туда то, что могли отложить – он и она. Пересчитывали вместе. Брали, если надо, уведомив друг друга. Советовались. А тут она обнаружила, что деньги изъяты, а ей об этом не удосужились сообщить. Обиделась, конечно. Но – промолчала. Ситуация была неловкой по многим позициям – вот и смолчала.

Отношения налаживали долго – инициатором, была, разумеется, Кира. Ну и бог с ним, что и с кем тут считаться? Столько лет вместе.

* * *

Назавтра решила звонить Кате – не откладывать на предпоследний день. Вполне допускала, что строптивая Мишкина дочь может от встречи вообще отказаться, скажет, что надо было предупредить заранее, у нее свои планы, ну и так далее. Понятно, что встречаться с женой отца ей не резон – зачем? Отца уже нет на этом свете, Киру она никогда не любила, близости у них не было, а вот обида за мать и за себя – была. Увела мужика из семьи, значит, стерва. Мужей от жены и детей уводят стервы, а не порядочные женщины.

Ах, как не хотелось звонить! Как это мучило и терзало! Но справедливости ради надо признать: Кира никогда не стремилась подружиться с дочкой мужа, никогда не искала к ней подход. Никогда не относилась к ней с теплотой, просто потому, что вообще не умела с теплотой относиться к людям. Даже с собственными родителями это не удавалось. Кира была сухой, зажатой, внешне холодной. Никто и подумать не мог, что эта молодая и хмурая женщина ради любви и любимого готова на все – на любые подвиги, любые страдания, любые испытания и трудности.

Да, с Катей отношения построить она не смогла – это надо признать. Почему? Да причин было несколько: во-первых, ей не нравилась эта хмурая и неприветливая, грубая девочка. Катя смотрела на нее исподлобья и не собиралась скрывать своего отношения к разлучнице. Во-вторых, Кира ревновала. Конечно, ревновала, видя привязанность мужа, его муки, вечное чувство вины. Обычная женская ревность. Да и сам Мишка не очень стремился их свести, полагая, что

это не нужно, совсем ни к чему, лишняя травма для всех. Ну и, в-третьих, если бы она родила, если б у них с Мишкой был общий ребенок, все с Катей сложилось бы иначе. Ну и последнее обстоятельство, окончательно рассорившее их с Катей, – квартира. Чувствовала ли Кира свою вину в той истории? Скорее нет. Но осадочек, как говорится, остался. Вот и получалось, что не только Кире, но и Кате этот разговор, а уж тем более встреча, были в тягость. Два года перед смертью Мишка не мог с ней связаться – трубки она не брала. Информацию – скудную до невозможности – скупно и неохотно сообщала Нина: здорова, поступила в институт, вышла замуж, родила дочку, институт бросила, дура. Но в целом у нее все неплохо.

Пару раз прислала фотографии – Катина свадьба, Катина дочка.

В общем, отношения у Кати и Киры не сложились. Но Кира дала мужу слово, и его надо было держать. Ей необходимо было передать Кате письмо. Она верила, что там, наверху, на небесах, есть жизнь и ее муж, ее Мишка, все знает и видит. Так было легче жить, это примиряло с действительностью.

* * *

Зяблика – чудеса! – дома снова не наблюдалось. Интересно, куда он, пенсионер, девается спозаранку? Нет, правда – очень любопытно!

А с другой стороны, хорошо. Разговоры с самого утра – это уж точно не для нее. Рассказывалась она медленно, с большим трудом – минут сорок положи, как пить дать. Две чашки кофе – она всегда страдала низким давлением, – две сигаретки между этими самыми чашками, просмотр новостей в интернете, тоник и крем на лицо и под глаза. Легкая зарядка – нет, просто разминка, производственная гимнастика, как шутил Мишка. А что, хорошее было дело, между прочим, – заставляли людей подниматься с рабочих мест и разминаться, разогнать кровь.

Вот после всех этих нехитрых мероприятий Кира была готова к каким-то действиям. И к разговорам – в том числе.

Решившись, она наконец набрала Катин номер. Трубку взяли не сразу – Кира уже хотела с облегчением дать отбой. Голос у Кати был недовольный и неприветливый.

– Кира? – Кажется, она очень удивилась. Немудрено.

– Да, я здесь, приехала. По делам? Ну, можно сказать и так. По делишкам, скорее, по мелким.

– Хотите увидеться? – Неподдельное удивление в голосе. Тоже понятно. В том давнем конфликте она, безусловно, винила Киру, а не отца. Своих всегда оправдаешь. – А зачем? – усмехнулась она.

Кира забормотала что-то дурацкое:

– Ну, это необходимо, поверь. Последняя просьба отца, мне надо кое-что тебе передать. Ну и вообще – посмотреть на тебя.

Последняя фраза получилась неловкой, неискренней.

Катя молчала. Потом презрительно хмыкнула:

– А вы в этом уверены? Ну что нам надо увидеться? – Потом снизошла: – Когда мне удобно? Ох, даже не знаю... Ксенька приболела – соплевит. Нет, я, конечно, могу ее оставить одну... Ладно, я вам перезвоню.

– Катя, – напомнила Кира, – я здесь еще четыре дня. Постарайся. Пожалуйста.

И, положив трубку, похвалила себя за этот звонок. Катя, если честно, та еще штучка.

Кира встала и решила пройтись по квартире Зяблика. Не очень прилично и правильно делать это без хозяина, ну да ладно, подумаешь! Ничего криминального.

Да. Ту, прежнюю квартиру, со всем ее антуражем, Кира, конечно, прекрасно помнила – картины на стенах, фарфоровые тарелки екатерининских, по словам владельца, времен.

Никто в этом, кстати, не сомневался. Подсвечники из витой бронзы, китайские вазы из тончайшего, хрупкого фарфора, старые турецкие или персидские ковры – Кира, конечно, точно не помнила, что по этому поводу говорил Зяблик.

Был еще гобелен – огромный, на полстены: путешествие Синдбада. И странная, на Кирина вкус, аляповатая картина: зимний лес, в золотой раме с виньетками. Автором ее был художник со смешной фамилией Клевер. Кира о таком и не слышала – оказалось, художник известный и картины его висят в Третьяковке.

Еще два канделябра, козетка, канапе, ломберный столик – именно там, у Зяблика, она не только услышала эти слова, но и увидела сами эти предметы.

Она растерянно стояла на пороге гостиной и не знала, что и подумать. Стены, покрытые выгоревшими обоями, были пусты. Полки с посудой, дорогими сервизами и статуэтками, тоже. Не было и персидского или турецкого ковра – старый, рассохшийся и неухоженный паркет стыдливо оголился и зиял зазорами и щелями. Не было и ломберного столика, и бюро с инкрустацией. Сиротливо стоял диван из прежней жизни, книжный шкаф английского образца и потертая козетка – или канапе? А черт его знает. Надо посмотреть в интернете. Хотя какая теперь разница?

Что же случилось? Нет, все понятно – жить как-то надо, желательно достойно, хотя бы отдаленно приближенно к тому, к чему он привык. Но что-то не сходится! Понятно, на пенсию не проживешь. И все-таки... Было незаметно, чтобы Зяблик жил роскошно или просто хорошо – Кира вспомнила и пустой холодильник, и грязь, и запустение, и даже ощущение бедности, скудости, почти нищеты. Как это может быть? Проигрался в карты? Тоже навряд ли. Зяблик был всегда осторожен, играл по малой и никогда не отыгрывался. Ипподром? Да нет, ерунда. И там не просадишь такое богатство.

Зяблик был, безусловно, человеком не просто зажиточным, а богатым – правда, по меркам скудных и скромных советских времен. А сейчас, когда полно миллионеров и даже миллиардеров... И все-таки странно! Всего, что было вынесено и наверняка продано, вполне бы хватило на долгую и достойную жизнь. Ведь даже ей, плохо во всем этом разбиравшейся, было понятно, что весь его антиквариат стоит приличных денег. Кто тогда, в те времена, знал, что такое старинная мебель? Да почти никто – все мечтали и бурно радовались польской или гдзэровской стенке из ДСП, кто побогаче – рвались за румынской и югославской, из чистого дерева. Кира вспомнила друзей-отъезжантов. Бились за польские светильники и чешские хрустальные вазы. Ценили антикварное единичице – коллекционеры или просто люди понимающие, привыкшие к роскоши. А сколько их было? По пальцам пересчитать.

Еще непонятно, как он смог расстаться со своими вещами. Казалось, это невозможно, этого не будет никогда. Правда, с возрастом человеку вообще нужно гораздо меньше – почти исчезают желания и скромнее становятся потребности. Пропил все это? Да глупость. Зяблик непьющий – выпивающий.

Ей-богу, загадка! Молодая и капризная любовница, тянущая из старого Зяблика деньги? Тоже вряд ли. И в это не верилось. За свою бурную жизнь Зяблик должен был не только насытиться, но и пересытиться юными красавицами. Или все-таки бес в ребро? У мужиков это частенько случается. Именно когда уходят здоровье и молодость, крышу срывает. Правда, Зяблик был не из тех, кому сносит крышу. Больше всего он дорожил своими покоем, удобствами, привычками, комфортом. Да и человеком он был холодноватым, по-своему расчетливым, как всегда считала Кира. Щедрым, широким, но все же ей всегда казалось, что широта Зяблика, его купеческий размах были показушными, понтовитыми. Для него было страшно важно произвести впечатление. И все-таки Зяблик был отменным эгоистом и хитрецом. Этаким пуп земли, король со своей свитой, центр вселенной. Да и простачком Зяблика не назовешь – не то что ее мужа Мишку, олуха, душа нараспашку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.